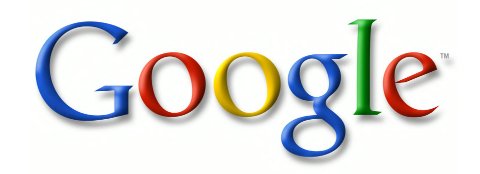

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА

ТОМЪ ВТОРОЙ

портретъ, статьи и матеріалы.

Библіотека Декабристовъ.

Выпускъ третій. 1907 годъ.

Ryleev, K. F.

ИЗДАНІЕ
„БИБЛІОТЕКИ ДЕКАБРИСТОВЪ".

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ К. Ѳ. РЫЛѢЕВА

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЕГО ПОРТРЕТЪ, СТАТЬИ и МАТЕРІАЛЫ.

МОСКВА. 1907 года. РК
Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

(Изъ альбома Пушкинской выставки).

Оглавленіе.

Яль буду въ роковое время
Позорить Гражданина санъ,
И подражать тебѣ изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ.
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ ~~безпечной~~ постыдной праздности влачить мой вѣкъ младой;
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши своей неразгадавъ судьбы
Постигнуть нехотятъ предназначенье вѣка
И неготовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.

Снимокъ съ рукописи К. Ѳ. Рылѣева, принадлежащей В. Е. Якушкину.
Бѣловой оригиналъ стих. «Яль буду въ роковое время».

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести глубокую благодарность Вячеславу Евгеньевичу Якушкину за важныя указанія и любезное сообщеніе редакціи списка со статьи Рылѣева „Возмущеніе Л. Г. Семеновскаго полка“ и автографа поэта, приведеннаго здѣсь.

Выпускъ выходитъ съ запозданіемъ вслѣдствіе прекращенія работъ въ типографіяхъ.

Что сталося съ вами?.. Рылѣева честная шея,
Которую братски сжималъ я въ объятьяхъ моихъ,
Въ петлѣ задохнулась по волѣ.... лиходѣя...
Проклятье народамъ, губящимъ пророковъ своихъ!

Мицкевичъ.

Памяти Рылѣева.

Въ святой тиши воспоминаній
Храню я бережно года
Горячихъ первыхъ упованій,
Начальной жажды дѣлъ и знаній,
Попытокъ перваго труда.
Мы были отроки. Въ то время
Шло стройной поступью бойцовъ —
Могучихъ дѣятелей племя
И сѣяло благое сѣмя
На почву юную умовъ.

Вездѣ шепталися. Тетради
Ходили въ спискахъ по рукамъ;
Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ,
Звучащій стихъ свободы ради,
Таясь, твердили по ночамъ.
Бунтъ, вспыхнувъ, замеръ. Казнь проснулась.
Вотъ пять повѣшенныхъ людей....
Въ насъ сердце, молча, содрогнулось,

Но мысль живая встрепенулась—
И путь означенъ жизни всей.

Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ свѣтомъ...
Отецъ! по духу мнѣ родной—
Твое названье въ мірѣ этомъ
Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ
И путеводною звѣздой!
Мы стихъ твой вырвемъ изъ забвенья,
И первый русскій вольный день
Въ виду младаго поколѣнья
Возстановимъ для поклоненья
Твою страдальческую тѣнь.

Взойдетъ гроза на небосклонѣ—
И волны на берегъ съ утра
Нахлынутъ съ бѣшенствомъ погони
И слягутъ бронзовые кони
И Николая и Петра;
Но образъ смерти благородной
Не смоетъ грозная вода,
И будетъ подвигъ твой свободной
Святыней въ памяти народной
На всѣ грядущіе года.

Н. Огаревъ.

Всеподданѣйшее донесеніе о казни декабристовъ.

«Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ и со стороны зрителей, которыхъ было немного. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнью устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое: а именно: Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу» [1]).

Увѣдомленіе Коменданта.

Милостивая Государыня, Наталья Михайловна! Во исполненіе сообщеннаго мнѣ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ Высочайшаго повелѣнія, препровождая при семъ къ Вамъ оставшіяся послѣ Кондратія Ѳедоровича Рылѣева деньги, пятьсотъ тридцатъ пятъ рублей ассигнаціями, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, Милостивая Государыня, вашъ покорный слуга А. Сукинъ.

№ 875.

С.-Петербургская крѣпость.

25 іюля 1826.

Ея благородію Н. М. Рылѣевой.

[1]) Такъ доносилъ ген.-адют. Голенищевъ-Кутузовъ, который одинъ дѣйствительно нарушилъ тишину ужаснаго момента, какъ можетъ увидать читатель изъ приведенныхъ свидѣтельствъ очевидцевъ казни декабристовъ.
Ред.

Казнь декабристовъ.

(Воспоминанія современниковъ).

I.

Изъ разсказа полицейскаго.

Получаю я предписаніе, явиться къ Княжнину; тогда онъ оберъ-полиціймейстеромъ былъ; бѣдовый такой. Ну, думаю, вотъ тебѣ и разъ! Попался! А самъ не знаю, что сдѣлалъ? Прихожу туда и смотрю: тамъ еще четверо тоже помощниковъ надзирателей: Дубинкинъ, Поповъ, Богдановъ и Карелинъ.

Выходитъ Княжнинъ. Насъ такъ и обдало. Со страху одурѣли просто. Поклонились ему кое-какъ, ждемъ что будетъ.

— Господа,—говоритъ намъ Княжнинъ,—я считаю васъ за хорошихъ офицеровъ, исправныхъ, дѣльныхъ и скромныхъ, какъ должны быть настоящіе, хорошіе полицейскіе офицеры, знающіе свое дѣло и обязанности.

Мы поклонились. Съ души то знаешь поотлегло.

— Я,—говоритъ Княжнинъ,—васъ изъ всѣхъ выбралъ. Помните это! Отправьтесь къ Подушкину, плацъ-маіору въ крѣпости и явитесь къ нему. Вы поступаете въ его распоряженіе. Отправляйтесь.

Пошли мы. Приходимъ въ крѣпость, явились къ плацъ-маіору Подушкину, говоримъ: честь имѣемъ явиться; присланы отъ г. оберъ-полиціймейстера въ ваше распоряженіе!

— Хорошо, говоритъ, господа, подождите!

Подошелъ я къ окну, а ночь чудная такая была. Такихъ прекрасныхъ ночей я не много въ жизни помню, ей-Богу! тихо такъ, свѣтло, вѣдь это Іюль въ концѣ былъ. Кажется,

вотъ со двора бы не ушелъ, воздухъ такой чудесный! Чудная ночь! Окно было открыто, и я все глоталъ этотъ воздухъ, какъ теперь помню, такъ мнѣ это легко было.

Черезъ нѣсколько времени приходитъ священникъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протопопъ Казанскаго собора. Тутъ только мы узнали, въ чемъ дѣло, что ночью назначена казнь. Это былъ десятый часъ, а назначено было казнить въ два. Мысловскій приглашенъ былъ исповѣдывать, увѣщевать и напутствовать къ смерти осужденныхъ. Съ нимъ были и св. дары.

Пошелъ онъ къ нимъ, а на насъ напалъ такой страхъ, хуже, чѣмъ у Княжнина. Дѣло-то было не шуточное! Сидимъ всѣ мы такіе блѣдные, дрожимъ. На кого ни взглянешь, просто лица нѣтъ ни на комъ; на себя посмотришь въ зеркало,— то же самое. Точно насъ самихъ къ смерти приговорили. Страшно! Ночь то, я тебѣ говорю, прелесть какая. А послѣ того, какъ узналъ я, что казнить будутъ, взглянешь на эту ночь, и еще тошнѣе станетъ на душѣ, вотъ такъ все сердце и того; просто плакать хочется.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Вышелъ отъ осужденныхъ Мысловскій. Онъ былъ очень разстроенъ, плакалъ. Бесужевъ, Муравьевъ и Рылѣевъ исповѣдывались и много съ нимъ говорили, раскаялись. Къ Пестелю приходилъ пасторъ; Мысловскій хотѣлъ и его напутствовать, но онъ отказался, а Каховскій исполнилъ христіанскій долгъ, какъ бы по принужденію. Не хотѣлъ чистосердечно раскаяться. А эти трое исполнили, какъ слѣдуютъ христіанскую обязанность, въ особенности Рылѣевъ. Онъ заставилъ плакать священника и отдалъ ему для жены и дочери медальонъ и крестъ.

Я вотъ, какъ теперь, помню слова Мысловскаго. Онъ говорилъ: „они страшно виноваты, но они заблуждались, а не были злодѣями! Ихъ вина произошла отъ заблужденія ума, а не отъ испорченности сердца. Господи, отпусти имъ! не вѣдали бо, что творили. Вотъ нашъ умъ! долго ли ему заблудиться? а заблужденіе ведетъ на край погибели. Только вѣра святая и писаніе божественное могутъ поддержать человѣка и поставить его на путь истины. Надо молиться, чтобы Богъ смягчилъ сердце царя!“

О Рылѣевѣ онъ еще прибавилъ, что онъ истинный христіанинъ и думалъ, что дѣлаетъ добро и готовъ былъ душу свою положить за други своя.

Въ полночь это начали съѣзжаться въ крѣпость начальствующія лица; Павелъ Васильевичъ Кутузовъ,—тогда онъ былъ генералъ-губернаторомъ, жандармскій шефъ, полиціймейстеры. Много пріѣхало. Пошла такая суета, что ужасъ. Знаешь, приготовленія всѣ эти. Надобно тебѣ сказать, что и прежде все съ висѣлицею бились, никакъ не могли найти, кто бы взялся строить ее. Какъ ты ее будешь строить, когда весь вѣкъ не видалъ? Взялся за это Постниковъ, полиціймейстеръ...

Такъ висѣлицу-то и эташафотъ строилъ Постниковъ и при немъ архитекторъ, забылъ его фамилію, нѣмецкая. Висѣлицу строили гдѣ то въ тюрьмѣ, потомъ разобрали и ночью должны были привезти въ крѣпость. Только, братецъ ты мой, долго не везутъ. Такая пошла суматоха. Генералъ-губернаторъ Кутузовъ изъ себя выходитъ просто.

Въ это время изъ царской фамиліи въ Петербургѣ никого не было. Всѣмъ этимъ распоряжался Кутузовъ. Онъ вмѣсто Милорадовича поступилъ. Наконецъ, привезли висѣлицу; начали ставить. Не такъ ли что было сдѣлано, или забыли что, не знаю,—говорили потомъ, что будто перекладина пропала, а кто ихъ знаетъ, врядъ ли правда. Какъ ей пропасть [1]? Что нибудь тамъ, можетъ, повредилось, это другое дѣло. Только надобно было починку произвести. Копались съ висѣлицею долго. Какъ ни понукали, братецъ ты мой, какъ ни спѣшили, а все уже дѣло-то подходило ко дню. Въ четыре часа еще висѣлицу ставили.

Насъ привели въ коридоръ казематовъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Сперва-то было ввели въ какую-то черную комнату, да сейчасъ же и вывели. Какая это комната не могу сказать. Былъ я тамъ недолго, да и замѣчать-то всего не было мочи. Не до того было; жутко, страшно было. Пожалуй, что ихъ судили и допрашивали въ этой комнатѣ.

Вывели насъ въ коридоръ; съ нами былъ полиціймейстеръ Тихачевъ [2]. Вслѣдъ за ними офицеръ привелъ двѣнадцать человѣкъ солдатъ Павловскаго полка, съ заряженными ружьями и со штыками. При исполненіи казни былъ одинъ только Пав-

---

[1]) Перекладина дѣйствительно пропала. Интересно то, что это самая важная часть висѣлицы, и это случилось, конечно, не спроста. Обидно, что мы не встрѣчаемъ никакихъ больше свѣдѣній объ этомъ инцидентѣ. *Ред.*

[2]) Чихачевъ. *Ред.*

ловскій полкъ. Другихъ полковъ солдатъ я не видѣлъ ни одного человѣка. Привели и двухъ палачей.

— Господа, выньте свои шпаги!—сказалъ намъ Тихачевъ.

Мы переглянулись: зачѣмъ это понадобились наши шпаги? У меня была старая шпаженка, ржавая, съ изломаннымъ концомъ. Извѣстно, у насъ въ полиціи шпаги собственно для того только, чтобы вотъ висѣли для порядка съ боку и больше ни для чего. Я, признаться, своею бывало въ печкѣ мѣшалъ, уголья подгребалъ, и у меня конецъ былъ совсѣмъ обожженъ. Когда я вытащилъ шпагу, Тихачевъ захохоталъ.

— Ну, говоритъ воинъ! Нечего сказать! Посмотрите-ка какой! Прелесть! Шпага-то, шпага! Я думаю, и крысы ею не заколешь!

Я былъ очень радъ, что моя неисправность произвела только смѣхъ. Могло и достаться. Конечно, кто могъ предвидѣть, что намъ придется вынимать шпаги? Ихъ у насъ никогда не смотрѣлъ никто. Висятъ себѣ сбоку да висятъ!

Отворили двери казематовъ и позвали преступниковъ. Крикнули: пожалуйте, господа!

Они уже были готовы и вышли въ коридоръ. Руки и ноги ихъ были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли дѣлать самые маленькіе шаги.

— На нихъ не было кандаловъ?

— Нѣтъ. Никакихъ кандаловъ не было. Я, какъ теперь, вотъ на нихъ смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались, Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо.

— Что они тутъ? говорили что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорили, потому что и говорить нельзя было. Тутъ былъ, братецъ ты мой, Тихачевъ; онъ бы не позволилъ много говорить.

— Ну, что же, они были блѣдны, встревожены?

— Удивительно, братецъ ты мой, нисколько! Совершенно спокойны. Вотъ какъ мы съ тобой говоримъ. Точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку. Кажется, какъ будто одинъ Каховскій былъ немного поблѣднѣе. Я думаю, ему трудно было умирать, потому что онъ не раскаялся такъ искренно и не исполнилъ, какъ другіе, какъ должно, христіанскаго обряда. Его тоже

причастили, ну, да онъ не отъ сердца это все дѣлалъ, а какъ по приказанію. Всѣ они удивительно были спокойны.

Когда ихъ установили, мы пошли въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ офицеръ Павловскаго полка, командиръ взвода, поручикъ Пильманъ, потомъ мы пятеро въ рядъ съ обнаженными шпагами. Мы были блѣднѣе преступниковъ и болѣе дрожали, такъ что можно было сказать скорѣе, что будутъ казнить насъ, а не ихъ. За нами шли въ рядъ же преступники. Позади ихъ двѣнадцать павловскихъ солдатъ и два палача. Тихачевъ шелъ въ сторонѣ и наблюдалъ за процессіею, а самъ не становился въ нее и опредѣленнаго мѣста не имѣлъ, какъ мы, напримѣръ.

Мы двигались впередъ медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти итти.

Такимъ порядкомъ вышли мы на кронверкъ. Парка этого тогда не было въ заводѣ. На мѣстѣ его былъ голый пустырь и на немъ кое-гдѣ валялись нечистоты и разная дрянь. Кронверкъ состоялъ изъ земляныхъ валовъ и отдѣлялся отъ поля и крѣпости водяными рвами. Дорогою преступники могли говорить между собою, но что они говорили, нельзя было слышать.

Когда мы перешли мостъ на кронверкъ, то увидѣли тамъ солдатъ съ ружьями, толпу преступиковъ и два эшафота. На одномъ была устроена висѣлица. Тутъ я одинъ разъ въ жизни и видѣлъ висѣлицу. Это просто, братецъ ты мой, качели. Знаешь, какъ качели дѣлаютъ на двухъ столбахъ съ перекладиной? Ну, вотъ тебѣ и висѣлица. Качели! только вмѣсто доски къ перекладинѣ на веревкахъ людей подвѣсятъ. Иной, кто не зналъ, что тутъ дѣлается, подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Я тебѣ говорилъ, погода была чудная, а тутъ солнце всходитъ, и музыка играетъ.

Собрали всѣхъ замѣшанныхъ въ бунтѣ. Всѣхъ ихъ, кажется, было сто двадцать пять человѣкъ. Тихачевъ прочиталъ сентенцію суда и приговоры. Пятерыхъ присуждено было повѣсить, а остальнымъ разныя были назначены наказанія: кого въ каторжную работу, кого на поселеніе, кого куда...

Нашихъ отвели въ сторону и посадили на траву. Возлѣ нихъ остались мы и солдаты.

— Что же, висѣлица не была готова?

— Висѣлица-то была готова, за нею дѣло не стало, а сперва исполняли приговоръ надъ остальными: снимали съ нихъ платье на эшафотѣ, надѣвали на нихъ арестанское, ломали надъ головами шпаги и все это, извѣстно, лишали дворянства и чести, шельмовали, какъ тогда закономъ было постановлено.

Когда выпроводили тѣхъ, дошла очередь и до нашихъ. Они, я тебѣ говорю, сидѣли все время на травѣ и тихо между собою разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, напутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться ко кресту. Они на колѣняхъ молча помолились Богу, смотря на небо. Тяжело было, братецъ, смотрѣть на нихъ! Потомъ на нихъ надѣли этакіе мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса. На шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски съ именами и виною ихъ. Мы опять построились въ порядокъ для шествія на эшафотъ подъ висѣлицу. Надо тебѣ сказать, что подъ самой перекладиной былъ сдѣланъ возвышенный помостъ; на него надобно было всходить по деревянному очень отлогому откосу. Мы пошли. Тихачевъ былъ при насъ: это было въ его командѣ.

— Ну, въ этотъ моментъ, когда на нихъ надѣвали мѣшки, они поблѣднѣли? въ нихъ виденъ былъ страхъ?

— И ничего-таки, братецъ мой! Я смотрѣлъ на нихъ. Вѣдь вотъ стоялъ, какъ отъ тебя. Первый стоялъ Карелинъ противъ Пестеля, я противъ Рылѣева, потомъ Поповъ противъ Муравьева, Богдановъ противъ Бестужева, а Дубинкинъ противъ Каховскаго. Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно какъ обдумывали какое-нибудь важное дѣло. Да вѣдь и минута была серьезная, приготовлялись вѣдь, братецъ, къ смерти. Взглянули они въ послѣдній разъ на небо, да такъ, братецъ ты мой, взглянули жалостливо, что у насъ вся внутренность перевернулась и морозъ подралъ по кожѣ. Каховскій, правда, немножко того, сробѣлъ. Вцѣпился этакъ въ батюшку, что его едва оторвали. Страхъ! Такъ это было жутко! Ты вотъ не поймешь этого, что это такое было, а я разсказать не могу. Ну, какъ я тебѣ разскажу? Мѣшки имъ очень не понравились; они были недовольны, и Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: Господи! Къ чему это?

Палачи имъ стянули руки покрѣпче. Одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Видно, что имъ было крайне непріятно, когда до нихъ дотрогивались палачи.

Когда все это было готово, Тихачевъ велѣлъ итти. Ну, мы и пошли, опять, знаешь, медленно, а тутъ это музыка играетъ Павловскаго полка... Солдаты этакъ осужденныхъ сзади натаскивали, чтобъ они знали, куда итти. Такъ они все подвигались понемножку впередъ, по этому деревянному откосу; наконецъ стали на мѣсто. Страшно, братецъ! Ухъ, страшно! У насъ волосы стали дыбомъ на головѣ, когда мы подошли подъ перекладину. Тутъ насъ свели прочь, и мы немножко вздохнули.

Какъ свели насъ съ эшафота, то поставили тутъ же, возлѣ. На шеи преступникамъ надѣли петли, и помостъ, на которомъ они стояли, опустился изъ-подъ ихъ ногъ. Такъ это было ужъ устроено. Они повисли и забились, заметались. Тутъ трое среднихъ и сорвались. Веревки лопнули; они и упали внизъ. Только на краяхъ остались висѣть Пестель и Каховскій.

Ну, какъ они упали, такъ разбились въ кровь; вѣдь самъ посуди, упали-то съ размаха.

Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а потомъ и самъ лѣзетъ, кричитъ, ругается: что это такое?

— И повѣсить не умѣютъ!—кто-то отвѣчалъ изъ сорвавшихся, кажется, будто Рылѣевъ.

— Вѣшать ихъ, вѣшать скорѣе!—кричитъ Кутузовъ. И Боже ты мой, сталъ тутъ кричать и ругаться. Подняли опять помостъ и вновь накинули петли. Въ это время, когда помостъ былъ поднятъ, Пестель и Каховскій опять достали до него ногами. Пестель былъ еще въ это время живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно быть, отъ ушиба и боли. Ихъ повѣсили опять. А, говорятъ, вѣшать въ другой разъ не слѣдовало. Это тоже Кутузова вина.

За рвомъ было немного народу. Рано было, и никто ничего не зналъ: оттого и не собирались. Народъ тоже это зашумѣлъ что-то, Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка еще громче стала играть.

Что же она играла? Похоронный маршъ?

— Нѣтъ; простые марши играла и разныя штуки. Прошло этакъ съ полчаса; докторъ говоритъ, что они давно померли. Велѣли ихъ снимать. Сняли, братецъ мой; у всѣхъ вылѣзли предлинные языки и лица были синія такія, почти черныя. Ихъ сложили на телѣгу и сдали полицiймейстеру, полковнику Дершау; онъ былъ назначенъ хоронить ихъ. На день тѣла поставили въ сарай на кронверкѣ же. Висѣлицу живо разобрали. Тутъ и насъ отпустили. Чтобы не дѣлать наряда, Дершау велѣлъ мнѣ, Богданову и Дубинкину явиться къ нему вечеромъ.

Пошли мы. На дорогѣ встрѣтился со мною братъ. Онъ, надобно тебѣ сказать, все прежде еще приставалъ, спрашивалъ меня, когда и гдѣ будутъ наказывать за бунтъ. Я ему говорилъ, что объ этомъ вѣрно будетъ объявлено, и вѣшать будутъ на площади, гдѣ они бунтовались. Мы тогда всѣ такъ думали. Встрѣтилъ меня братъ съ такою претензiею: что же ты, говоритъ, не сказалъ? А я и говорю: я и самъ не зналъ.

— Гдѣ же ихъ похоронили?

— А вотъ гдѣ. Знаешь ты Смоленское кладбище?

— Ну, знаю.

— Тамъ есть нѣмецкое кладбище, а за нимъ армянское. Тутъ есть этакiй переулочекъ налѣво. Вотъ мимо армянскаго кладбища и итти до конца переулка. Какъ выйдешь къ взморью, тутъ и есть. Тутъ ихъ всѣхъ и похорнили. Ночью ихъ вывезли съ конвоемъ, и мы тутъ шли. Распоряжался Дершау. Тамъ потомъ четыре мѣсяца караулъ стоялъ.

II.

Разсказъ Шницлера[1].

13 (25) iюля 1826 года, близъ крѣпостного вала, противъ небольшой и ветхой церкви Св. Троицы, на берегу Невы, начали съ двухъ часовъ утра устраивать висѣлицу, такихъ

---

[1]) Изслѣдователь Русской Исторiи, Шницлеръ, находился въ Петербургѣ въ 1826 году. Этотъ разсказъ помѣщенъ во второй части его „Русской исторiи при императорахъ Александрѣ и Николаѣ“ (изд. 1847 г., стр. 305 и слѣд.).

размѣровъ, чтобы на ней можно было повѣсить пятерыхъ. Въ это время года Петербургская ночь есть продолженіе вечернихъ сумерокъ, и даже въ ранній утренній часъ предметы можно различать вполнѣ. Кое-гдѣ, въ разныхъ частяхъ города, послышался слабый бой барабановъ, сопровождаемый звукомъ трубъ: отъ каждаго полка мѣстныхъ войскъ было послано по отряду, чтобы присутствовать на предстоявшемъ плачевномъ зрѣлищѣ. Преднамѣренно не объявили, когда именно будетъ совершена казнь; поэтому большая часть жителей покоилась сномъ, и даже чрезъ часъ къ мѣсту дѣйствія собралось лишь весьма немного зрителей, никакъ не больше собраннаго войска, которое помѣстилось между ними и совершителями казни. Господствовало глубокое молчаніе; только въ каждомъ воинскомъ отрядѣ били въ барабаны, но какъ-то глухо, не нарушая тишины ночной.

Только что вошли назадъ въ крѣпость приговоренные къ смерти и помилованные, какъ на валу появились пятеро осужденныхъ на смерть. По дальности разстоянія, зрителямъ было трудно распознать ихъ въ лица; виднѣлись только сѣрыя шинели съ поднятыми верхами, которыми закрывались ихъ головы. Они всходили одинъ за другимъ на помостъ и на скамейки, поставленныя рядомъ подъ висѣлицею, въ порядкѣ, какъ было назначено въ приговорѣ. Пестель былъ крайнимъ съ правой, Каховскій съ лѣвой стороны [1]). Каждому обмотали шею веревкою; палачъ сошелъ съ помоста, и въ ту же минуту помостъ рухнулъ внизъ. Пестель и Каховскій повисли; но трое тѣхъ, которые были промежду нихъ, были пощажены смертію. Ужасное зрѣлище представилось зрителямъ. Плохо затянутыя веревки соскользнули по верху шинелей, и несчастные попадали внизъ въ разверстую дыру, ударяясь о лѣстницы и скамейки. Такъ какъ Государь находился въ Царскомъ Селѣ, и никто не посмѣлъ отдать приказъ объ отсрочкѣ казни, то имъ пришлось, кромѣ страшныхъ ушибовъ, два раза испытать предсмертныя муки. Помостъ немедленно поправили и взвели на него упавшихъ. Рылѣевъ, несмотря на паденіе, шелъ твердо, но не могъ удержаться отъ горестнаго восклицанія: „И такъ скажутъ, что мнѣ ничто не удавалось, даже

---

[1]) Для зрителей наоборотъ: Пестель стоялъ на лѣвой сторонѣ, Каховскій на правой.

и умереть!“ Другіе увѣряютъ, будто онъ, кромѣ того, воскликнулъ: „Проклятая земля, гдѣ не умѣютъ, ни составить заговора, ни судить, ни вѣшать!“ [2]) Слова эти приписываются также Сергѣю Муравьеву-Апостолу, который, также какъ и Рылѣевъ, бодро всходилъ на помостъ. Бестужевъ-Рюминъ, вѣроятно потерпѣвшій болѣе сильные ушибы, не могъ держаться на погахъ, и его взнесли. Опять затянули имъ шеи веревками, и на этотъ разъ успѣшно. Прошло нѣсколько секундъ, и барабанный бой возвѣстилъ, что человѣческое правосудіе исполнилось. Это было въ исходѣ пятаго часа. Войска и зрители разошлись въ молчаніи. Часъ спустя, висѣлица убрана. Народъ, толпившійся въ теченіе дня у крѣпости, уже ничего не видѣлъ. Онъ не позволилъ себѣ никакихъ изъявленій и пребывалъ въ молчаніи.

III.

Разсказъ В. И. Беркопфа.

Василій Ивановичъ Беркопфъ, бывшій начальникъ кронверка въ Петропавловской крѣпости, разсказывалъ на вечерѣ у профессора скульптуры барона П. К. Клодта слѣдующее.

Пестель, Бестужевъ-Рюминъ, Муравьевъ-Апостолъ, Рылѣевъ и Каховскій содержались въ Петропавловской крѣпости раздѣльно и были въ тѣхъ самыхъ мундирныхъ сюртукахъ, въ которыхъ были захвачены. До произнесенія смертнаго приговора преступники, навѣщаемые протопопомъ изъ Казанскаго собора, не были скованы; но потомъ были обременены самыми тяжелыми кандалами. Когда для предсмертной исповѣди предложили преступникамъ священника изъ ближайшей церкви Троицы, что у Троицкаго моста, то всѣ отъ онаго отказались и требовали, вполнѣ сознавая всю великость своего преступленія, прежде навѣщавшаго ихъ протопопа, которому приговоренные отдали на память о себѣ часы, перстни и другія находившіяся при нихъ вещи. Кажется, Рылѣевъ, послѣ со-

---

[2]) Оба эти отзыва болѣе достойны Рылѣева, нежели глупая шутка, которая приписана ему въ книгѣ одного французскаго путешественника: „Я не ожидалъ, что меня два раза повѣсятъ.“ *Примѣчаніе Шницлера.*

вершеннаго духовнаго раскаянія, сказалъ: хотя мы и преступники и умираемъ позорною смертію, но еще мучительнѣе и страшнѣе умиралъ за всѣхъ насъ Спаситель міра. Слова же, приписываемыя Пестелю, когда порвались веревки съ петлями: „вотъ какъ плохо Русское государство, что не умѣютъ изготовить и порядочныхъ веревокъ“ [1]), не были произнесены.

Висѣлица изготовлялась на Адмиралтейской Сторонѣ: [2]) за громоздкостью везли ее на нѣсколькихъ ломовыхъ извозчикахъ чрезъ Троицкій мостъ. Высочайшій приказъ былъ: исполнить казнь къ 4-мъ часамъ утра, но одна изъ лошадей ломовыхъ извозчиковъ, съ однимъ изъ столбовъ для висѣлицы, гдѣ-то въ потьмахъ застряла; почему исполненіе казни промедлилось значительно.

Пестель былъ слабѣе и истомленнѣе прочихъ, онъ едва переступалъ по землѣ. Когда онъ, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ и Рылѣевъ были выведены на казнь, уже всѣ въ мундирныхъ сюртукахъ и въ рубашкахъ, они расцѣловались другъ съ другомъ, какъ братья; но когда послѣднимъ вышелъ изъ воротъ Каховскій, ему никто не протянулъ даже руки. Причиною этого было убійство графа Милорадовича, учиненное Каховскимъ, чего никто изъ преступниковъ не могъ простить ему и передъ смертью. Въ воротахъ, чрезъ высокій порогъ калитки, съ большимъ трудомъ переступали ноги преступниковъ, обремененныхъ тяжкими кандалами, что было причиною паденія съ висѣлицы троихъ, а не одного, какъ носился слухъ въ народѣ. Пестеля должны были приподнять въ воротахъ: такъ былъ онъ изнуренъ.

Подъ висѣлицею была вырыта въ землѣ значительной величины и глубины яма; она была застлана досками; на этихъ-то доскахъ слѣдовало стать преступникамъ, и когда были бы надѣты на нихъ петли, то доски должно было изъ-подъ ногъ вынуть. Такимъ образомъ казненные повисли бы надъ самой ямой; но, за спѣшностію, висѣлица оказалась слишкомъ вы-

---

[1]) Каховскій передъ казнію сказалъ: *щуку поймали, а зубы остались.*

[2]) Висѣлица была дѣлана подъ надзоромъ гарнизоннаго военнаго инженера Матушкина, который за исправность висѣлицы былъ разжалованъ въ солдаты на одиннадцать лѣтъ. По минованіи этого срока, Матушкинъ снова произведенъ въ офицеры и впослѣдствіи самъ разсказывалъ обо всемъ случившемся съ нимъ вице-президенту Петерб. М. Хирургической Академіи И. Т. Глѣбову (бывшему профессору Московскаго Университета, находясь при постройкахъ Академіи.

сока, или, вѣрнѣе сказать, столбы ея недостаточно глубоко были врыты въ землю, а веревки съ ихъ петлями оказались поэтому коротки и не доходили до шей. Вблизи вала, на которомъ была устроена висѣлица, находилось полуразрушенное зданіе Училища Торговаго Мореплаванія, откуда были взяты школьныя скамьи, дабы поставить на нихъ преступниковъ. По предварительномъ испробованіи веревокъ, оказалось, что онѣ могутъ сдержать восемь пудовъ. Самъ Беркопфъ научилъ дѣйствовать непривычныхъ палачей, сдѣлавъ имъ образцовую петлю и намазавъ ее саломъ, дабы она плотнѣе стягивалась. Скамьи были поставлены на доски, преступники втащены на скамьи, на нихъ надѣты петли, а колпаки, бывшіе на ихъ головахъ, стянуты на лица. Когда отняли скамьи изъ-подъ ногъ, веревки оборвались, и трое преступниковъ, какъ сказано выше, рухнули въ яму, прошибивъ тяжестію своихъ тѣлъ и оковъ настланныя надъ ней доски.

Запасныхъ веревокъ не было, ихъ спѣшили достать въ ближнихъ лавкахъ, но было раннее утро, все было заперто; почему исполненіе казни еще промедлилось. Однако операція была повторена, и на этотъ разъ совершенно удачно. Спустя малое время, доктора освидѣтельствовали трупы, ихъ сняли съ висѣлицы и сложили въ большую телѣгу, покрывъ чистымъ холстомъ; но похоронить не повезли, ибо было уже совершенно свѣтло, и народу собралось вокругъ тьма-тьмущая. Поэтому телѣга была отвезена въ то же запустѣлое зданіе Училища Торговаго Мореплаванія; лошадь отпряжена, а извозчику (кажется изъ мясниковъ) наказано прибыть съ лошадью въ слѣдующую ночь.

Въ слѣдующую ночь извозчикъ явился съ лошадью въ крѣпость и оттуда повезъ трупы по направленію къ Васильевскому Острову; но когда онъ довезъ ихъ до Тучкова моста, изъ будки вышли вооруженные солдаты и, овладѣвъ возжами, посадили извозчика въ будку [3]). Чрезъ нѣсколько часовъ пустая телѣга возвратилась къ тому же мѣсту; извозчикъ былъ заплаченъ и поѣхалъ домой.

9 Іюля 1866 года.

---

[3]) Тогда о мѣстѣ, которое приняло въ себя трупы казненныхъ, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что ихъ зарыли на островѣ Голодаѣ; другіе увѣряли, что тѣла были вывезены на взморье и тамъ брошены, съ привязанными къ нимъ камнями, въ глубину водъ.

IV.

Со словъ присутствовавшаго по службѣ при казни.

1825 года іюля 14 или 15 числа по опредѣленію Верховнаго Суда назначена была казнь для пятерыхъ преступниковъ, а для прочихъ 120 приговоръ по степени преступленія. Устройство эшафота производилось заблаговременно въ С.-Петербургской городской тюрьмѣ, подъ вѣдѣніемъ архитектора Гернея и полиціймейстера полковника Постникова. Наканунѣ этого рокового дня Санктъ-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ Кутузовъ производилъ опытъ надъ эшафотомъ въ тюрьмѣ, который состоялъ въ томъ, что бросали мѣшки съ пескомъ, вѣсомъ въ восемь пудовъ, на тѣхъ самыхъ веревкахъ, на которыхъ должны были быть повѣшены преступники; однѣ веревки были тоньше, другія толще. Генералъ-губернаторъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, удостовѣрясь лично въ крѣпости веревокъ, опредѣлилъ употребить веревки тоньше, чтобы петли скорѣе затянулись.

Конча этотъ опытъ, приказалъ полиціймейстеру Постникову, разобравши по частямъ эшафотъ, отправить въ разное время отъ 11 до 12 часовъ ночи на мѣсто казни въ Кронверкъ близъ Петропавловской крѣпости. Эшафотъ былъ отправленъ на шести возахъ и неизвѣстно по какой причинѣ, вмѣсто шести возовъ, прибыли къ мѣсту назначенія только пять возовъ, шестой, главный, гдѣ находилась перекладина съ желѣзными кольцами, пропалъ; потому въ ту же минуту должны были дѣлать другой брусъ и кольца, что заняло время около 3 часовъ, и вмѣсто двухъ часовъ казнь совершилась въ 5 часовъ утра.

Въ 12 часовъ ночи генералъ-гебернаторъ и шефъ жандармовъ со своими штабами и прочія власти прибыли въ Петропавловскую крѣпость, куда прибыли и солдаты Павловскаго гвардейскаго полка, и сдѣлано было на площади противъ Монетнаго двора каре изъ солдатъ, куда велѣно было вывести изъ казематовъ, гдѣ содержались преступники, всѣхъ 120 осужденныхъ, кромѣ пяти, приговоренныхъ къ смерти. Они были

отправлены изъ крѣпости подъ конвоемъ Павловскихъ солдатъ, при полицiймейстерѣ Чихачевѣ, въ кронверкъ, на мѣсто казни. Эшафотъ уже строился въ кругу солдатъ. Преступники шли въ оковахъ; Каховскiй шелъ впереди одинъ, за нимъ Бестужевъ подъ руки съ Муравьевымъ, потомъ Пестель съ Рылѣевымъ подъ руку же и говорили между собою по-французски, но разговора нельзя было слышать. Проходя мимо строющагося эшафота, въ близкомъ разстоянiи, хоть было еще темно, слышно было, что Пестель, смотря на эшафотъ, сказалъ: „C'est trop!". Тутъ же ихъ посадили на траву въ близкомъ разстоянiи, гдѣ они оставались самое короткое время. Такъ какъ эшафотъ не могъ быть готовъ скоро, то ихъ развели въ кронверкѣ по разнымъ комнатамъ, и когда эшафотъ былъ готовъ, то они опять выведены были изъ комнаты при сопутствiи священника. Полицiймейстеръ Чихачевъ прочиталъ сентенцiю Верховнаго Суда, которая оканчивалась словами:—„за такiя злодѣянiя повѣсить!"

Тогда Рылѣевъ, обратясь къ товарищамъ, сказалъ, сохраняя все присутствiе духа: „Господа, надо отдать послѣднiй долгъ!" и съ этимъ они пали всѣ на колѣни, глядя на небо, крестились.

Рылѣевъ одинъ говорилъ — желалъ благоденствiя Россiи... Потомъ, вставши, каждый изъ нихъ прощался со священникомъ, цѣлуя крестъ и руку его; при томъ Рылѣевъ твердымъ голосомъ сказалъ священнику:—„батюшка, помолитесь за наши грѣшныя души; не забудьте моей жены и благословите мою дочь!" перекрестясь—взошелъ на эшафотъ, за нимъ послѣдовали прочiе, кромѣ Каховскаго, который упалъ на грудь священника, плакалъ и обнялъ его такъ сильно, что его съ трудомъ отняли. Они размѣщены были такъ:

1) Пестель (съ правой стороны).
2) Рылѣевъ.
3) Муравьевъ.
4) Бестужевъ.
5) Каховскiй.

При казни было два палача, которые надѣвали петлю сперва, а потомъ бѣлый колпакъ. На груди у нихъ была черная кожа, на которой было написано мѣломъ имя преступника; они были въ бѣлыхъ халатахъ, а на ногахъ были тяжелыя цѣпи. Когда все было готово, съ пожатiемъ пружины въ

эшафотѣ, помостъ, на которомъ они стояли на скамейкахъ, упалъ и въ то же мгновеніе трое сорвались; Рылѣевъ, Пестель и Каховскій упали внизъ. У Рылѣева колпакъ упалъ и видна была окровавленная бровь и кровь за правымъ ухомъ, вѣроятно отъ ушиба. Онъ сидѣлъ скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота.

Я къ нему подошелъ, онъ сказалъ: — „какое несчастье!"

Генералъ-губернаторъ, видя съ гласису, что трое упали, прислалъ адъютанта Башуцкаго, чтобы взяли другія веревки и повѣсили ихъ, что и было немедленно исполнено.

Я былъ такъ занятъ Рылѣевымъ, что не обратилъ вниманія на остальныхъ оборвавшихся съ висѣлицы и не слыхалъ — говорили ли они что-нибудь.

Когда доска была опять поднята, то веревка Пестеля такъ была длинна, что онъ носками доставалъ до помосту, что должно было продлить его мученье, и замѣтно было нѣкоторое время, что онъ еще живъ. Въ такомъ положеніи они оставались полчаса; докторъ, бывшій тутъ, объявилъ, что преступники умерли. Тогда веревки обрѣзали и отнесли ихъ тутъ же на одну телѣгу и полиціймейстеръ Дершау отвезъ ихъ въ сарай кронверка. Когда съ нихъ снимали петли, то слышенъ былъ звукъ въ родѣ хрипѣнія, вѣроятно отъ спертаго воздуха.

Гдѣ они похоронены — неизвѣстно. Говорятъ, что тѣла съ гирями спустили въ море на островѣ Голадай.

Зрѣлище это на близко-присутствующихъ имѣло сильное вліяніе: архитекторъ Герней умеръ черезъ мѣсяцъ отъ горячки. Полиціймейстеръ Постниковъ страдалъ отъ болѣзни болѣе года и умеръ; онъ всегда говорилъ, что это было причиной его болѣзни. Окончивъ разсказъ, онъ (?) заплакалъ, и сказалъ: — „много времени прошло съ тѣхъ поръ, но ни разу не могу вспомнить безъ слезъ объ этихъ несчастныхъ".

Воспоминанія
князя Евгенія Петровича Оболенскаго[1]).

Начало моего знакомства съ Кондратіемъ Федоровичемъ Рылѣевымъ было началомъ искренней, горячей къ нему дружбы. Навѣрное не помню, но кажется мнѣ—это было въ 1822 году, т.-е. вскорѣ послѣ возвращенія гвардейскаго корпуса изъ Бѣшенковичей, т.-е. послѣ предполагаемаго похода за границу противъ революціонныхъ движеній въ Италіи. К. Ѳ. Рылѣевъ въ то время только что издалъ Войнаровскаго и готовилъ къ печати свои Думы. Имя его было извѣстно между литераторами, а свободолюбивое направленіе его мыслей обратило на него вниманіе членовъ тайнаго Общества. Иванъ Ивановичъ Пущинъ первый, кажется, познакомился съ нимъ и, по разрѣшенію Верховной Думы, принялъ его въ число членовъ Общества [2]). Сблизившись съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ съ первыхъ дней знакомства, не могу не сказать, что я ввѣрился ему всѣмъ сердцемъ и нашелъ въ немъ ту взаимную довѣренность, которая такъ драгоцѣнна во всякомъ возрастѣ человѣческомъ, но наиболѣе цѣнится въ дни молодости, гдѣ силы души ищутъ простора, ищутъ обширнѣйшаго круга дѣятельности. Это стремленіе удовлетворялось отчасти вступленіемъ въ члены Тайнаго Общества.

---

1) Эти воспоминанія, князя Оболенскаго были напечатаны за границею въ 1861 г. въ IV томѣ „Русскаго Заграничнаго Сборника“ и въ издававшемся кн. П. В. Долгоруковымъ журналѣ „Будущность“. Въ 1862 г. эти же воспоминанія были изданы въ Лейпцигѣ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Mon exille en Sibérie. Souvenirs du prince E. Obolensky“. Въ Россіи воспоминанія Оболенскаго были напечатаны въ 1872 г. подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ“ въ сборникѣ Бартенева—„Девятнадцатый вѣкъ“; въ 1905 году напечатаны въ „Всемірномъ Вѣстникѣ“ съ рукописи Воронежскаго Музея. *Ред.*

2) Въ XIX вѣкѣ сказано напротивъ, безъ разрѣшенія Думы, хотя въ этомъ нарушеніи не пришлось раскаяваться. Однако во франц. изд. такъ, какъ у насъ, лишь съ поясненіемъ, что такое Верховная Дума. *Ред.*

Союзъ Благоденствія,—такъ оно называлось,—удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаяній Союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго знанія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ направленіе современнаго общества, посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ, общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ, и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой виднѣлась окончательная цѣль — политическое преобразованіе отечества,—когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа. Нетрудно было усвоить Рылѣеву всѣ эти начала, при его пылкой, поэтической душѣ и воспріимчивой натурѣ. Онъ съ перваго шага ринулся на открытое ему поприще, и всего себя отдалъ той высокой идеѣ, которую себѣ усвоилъ.

Скажу нѣсколько словъ о его наружности и первоначальной службѣ. Роста онъ былъ средняго. Черты его лица составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась предъ другою. Волосы его были черны, слегка завитые, глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклоненная впередъ, при мѣрной поступи показывала, что мысль его всегда была занята тою внутреннею жизнію, которая, въ минуту вдохновенія, выражаясь во вдохновенной пѣснѣ въ другія времена искала осуществленія той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности.

Образованіе онъ получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и началъ службу въ артиллеріи. Въ бесѣдахъ съ нимъ, я слышалъ, что его молодость была бурная; но подробностей объ этомъ періодѣ его жизни я не слыхалъ, и мнѣ не случалось даже быть знакомымъ съ его товарищами по службѣ въ этомъ періодѣ его жизни на военномъ поприщѣ. Онъ женился рано, по любви и, кажется, не съ полнымъ одобреніемъ его ста-

рушки-матери, Настасьи Федоровны Рылѣевой, жившей въ малой деревушкѣ, въ 60 верстахъ отъ Петербурга около села Рожествена. Жена его, Наталья Михайловна, любила его съ увлеченіемъ; маленькая дочь Настенька, тогда еще четырехъ или пяти лѣтъ—маленькая, смугленькая и живая, одушевляла его домашнюю жизнь.—О его общественной служебной жизни я немного могу сказать. Сначала онъ служилъ засѣдателемъ въ Петербургской Уголовной Палатѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, который промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на скромную службу, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую оно могло бы принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ, составляютъ надежную опору всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ, которые всегда и вездѣ составляютъ большинство, коихъ нужды и страданія едва слышны меньшинству богатыхъ и сильныхъ. Впослѣдствіи Кондр. Ѳед. перешелъ правителемъ дѣлъ въ Американскую Компанію и занялъ скромную квартиру въ домѣ Компаніи. Какъ поэтъ, онъ пользовался знакомствомъ и дружбою многихъ литераторовъ того времени. У Николая Ивановича Греча собиралась въ то время разъ въ недѣлю вся литературная семья. Рылѣевъ былъ однимъ изъ постоянныхъ его собесѣдниковъ; въ особенности же былъ онъ друженъ съ Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ, котораго, кажется, онъ и принялъ въ члены Общества. Вмѣстѣ съ нимъ вступилъ также въ члены Общества его братъ Николай Александровичъ и меньшій ихъ братъ Петръ, рано кончившій земное свое поприще [1]). Александръ Бестужевъ тогда уже начиналъ литературное свое поприще повѣстями, которыя по живости слога обѣщали блестящее развитіе, впослѣдствіи имъ такъ хорошо

[1])Членомъ тайнаго общества Петръ Бестужевъ никогда не былъ. Всѣ его братья (Николай, Александръ и Михаилъ) не желали, чтобы Петръ принималъ какое бы то ни было участіе въ тайномъ обществѣ; они желали сохранить хоть одного сына для ихъ матери и сестеръ. На Сенатскую площадь Петръ явился вопреки желаніямъ всѣхъ братьевъ, принимавшихъ даже особыя мѣры, чтобы этого не случилось. Объ этомъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ М. А. Бестужевъ. *Ред.*

оправданное [1]. Тутъ же должно вспомнить и Александра Осиповича Корниловича, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба, который усердно и съ любовію трудился надъ памятниками Петровскаго времени и изложилъ плоды своихъ трудовъ въ простомъ разсказѣ, возбудившемъ общее сочувствіе къ изложенному имъ предмету. У Рылѣева также собирались нерѣдко литераторы и многіе изъ близкихъ его знакомыхъ и друзей. Тутъ, кромѣ вышепоименованныхъ, бывали: Вильгельмъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пущина по лицею, Ѳаддей Булгаринъ, Ѳедоръ Глинка, Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій и многіе другіе, коихъ именъ не упомню. Бесѣда была оживлена не всегда предметами чисто-литературными; нерѣдко она переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ, и скромнымъ своимъ обращеніемъ внушала общее къ себѣ уваженіе.

Общественная дѣятельность К. Ѳ., по занимаемому имъ мѣсту правителя дѣлъ Американской Компаніи, заслуживала бы особеннаго разсмотрѣнія по той пользѣ, которую онъ принесъ Компаніи и своею дѣятельностію и, безъ сомнѣнія, болѣе существенными заслугами, потому, что не прошло и двухъ лѣтъ со времени вступленія его въ должность, правленіе Компаніи выразило ему свою благодарность, подаркомъ ему дорогой енотовой шубы, оцѣненной въ то время въ семьсотъ рублей.

Изъ воспоминаній того времени могу только вспомнить, что его сильно тревожила вынужденная, въ силу трактата съ Сѣверо-Американскимъ союзомъ, передача Сѣверо-Американцамъ въ Калифорніи, основанной нами колоніи Россъ, которая могла быть для насъ твердой опорной точкой для участія въ богатыхъ золотыхъ пріискахъ, столь прославившихся впослѣдствіи. По случаю этой важной для Американской Кампаніи мѣры, Рылѣевъ, какъ правитель дѣлъ, вступилъ въ сношенія съ важными государственными сановниками, и впослѣдствіи времени всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Наиболѣе же благосклонности оказывалъ ему Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

---

[1] Здѣсь въ „XIX вѣкѣ“ порядокъ измѣненъ, но мы слѣдуемъ порядку Лейпцигскаго и Пирожковскаго изданій. *Ред.*

Въ этомъ періодѣ времени, т.-е. въ концѣ 1823 года или въ началѣ 1824 г., прибылъ въ Петербургъ Павелъ Ивановичъ Пестель, имѣвшій порученіе отъ членовъ Южнаго Общества войти въ сношенія съ членами Сѣвернаго, дабы условиться на счетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ членовъ Союза. Этотъ пріѣздъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Рылѣева. Здѣсь нужно обратить вниманіе на замѣчательную личность Павла Ивановича Пестеля. Не имѣвъ случая сблизиться съ нимъ, я могу только высказать о впечатлѣніи, имъ на меня произведенное. Павелъ Ивановичъ былъ въ то время полковникомъ и начальникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Роста небольшого, съ пріятными чертами лица, Павелъ Ивановичъ отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные, и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли. Въ Южномъ Обществѣ онъ пользовался общимъ довѣріемъ и былъ избранъ, съ самаго основанія Общества, въ члены Верховной Думы. Его взглядъ на дѣйствія Общества и на настоящую цѣль онаго соотвѣтствовалъ его умственному направленію, которое требовало во всемъ ясности, опредѣленной цѣли и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Русская правда, имъ написанная, составляла программу, имъ предложенную для политическаго государственнаго устройства. Цѣль его поѣздки въ Петербургъ состояла въ томъ, чтобы согласить Сѣверное Общество на дѣйствія, сообразныя съ дѣйствіями Южнаго. — Членами Верховной Думы въ Петербургѣ въ то время были: кн. Трубецкой, Никита Мих. Муравьевъ и я. На первомъ совѣщаніи съ нами Павелъ Ивановичъ съ обычнымъ, увлекательнымъ даромъ слова, объяснилъ намъ, что неопредѣленность цѣли и средствъ къ достиженію оной давала обществу характеръ столь неопредѣленный, что дѣйствія каждаго члена отдѣльно терялись въ напрасныхъ усиліяхъ, между тѣмъ, какъ, бывъ направлены къ опредѣленной и ясно признанной цѣли, они могли бы служить къ скорѣйшему достиженію оной. Эта мысль была для насъ не новою: давно уже въ совѣщаніяхъ нашихъ она была обсуживаема и составляла предметъ думы каждаго изъ насъ, но не была еще облечена въ опредѣленную форму. Предложеніе Павла Ивановича представляло эту форму и было привлекательно, какъ плодъ долгихъ личныхъ соображеній ума свѣтлаго и въ осо-

бенности украшеннаго его убѣдительнымъ даромъ слова. Трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ.—Но при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдительности слова, каждый изъ насъ чувствовалъ, что, однажды принявъ предложенiе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденiя и, подчинившись ему, идти по пути, указанному имъ. Кромѣ того мы не могли дать рѣшительнаго отвѣта, не предложивъ его сначала членамъ Общества, наиболѣе облегченнымъ довѣрiемъ общимъ.

Многiе изъ нихъ были въ отсутствiи, и потому мы отложили рѣшительный отвѣтъ до того времени, когда представится возможность сообщить предложенiе тѣмъ, которыхъ довѣренность насъ поставила на занимаемое нами мѣсто. Между тѣмъ Павелъ Ивановичъ, познакомившись черезъ насъ съ Кондратiемъ Федоровичемъ, сблизился съ нимъ и, открывъ ему свои задушевныя мысли, привлекъ его къ собственному воззрѣнiю на цѣль общества и на средства къ достиженiю оной. Кажется, это сближенiе имѣло рѣшительное влiянiе на дальнѣйшiя политическiя дѣйствiя Рылѣева. Вскорѣ послѣ отъѣзда Пестеля, князь С. П. Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, котораго главная квартира находилась въ Кiевѣ и на его мѣсто былъ избранъ членомъ Думы Кондратiй Федоровичъ.

Къ этому же времени, т.-е. въ половинѣ 1824 года, должно отнести грустное событiе, въ коемъ Рылѣевъ принималъ участiе, какъ свидѣтель, и которое грустно отозвалось въ обществѣ того времени. Это была дуэль между офицеромъ лейбъ-гвардiи Семеновскаго полка Черновымъ и лейбъ-гвардiи гусарскаго Новосильцовымъ. Оба были юноши съ небольшимъ 20-ти лѣтъ, но каждый изъ нихъ былъ поставленъ на двухъ, почти противоположныхъ, ступеняхъ общества. Новосильцовъ — потомокъ Орловыхъ, по богатству, родству и связямъ принадлежалъ къ высшей аристократiи. Черновъ, сынъ бѣдной помѣщицы Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рожествена въ маленькой своей деревушкѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ офицеровъ, которые, получивъ образованiе въ кадетскомъ корпусѣ, выходятъ въ армiю. Переводомъ своимъ въ гвардiю онъ былъ обязанъ новому составу л.-гв. Семеновскаго полка, въ который вошло по цѣлому баталiону изъ полковъ: императора Австрiйскаго, короля Прусскаго и графа Аракчеева.

Между тѣмъ у Аграфены Ивановны Черновой была дочь замѣчательной красоты. Не помню по какому случаю, Новосильцовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной, былъ пораженъ красотою ея дочери и, послѣ нѣсколькихъ недѣль знакомства, рѣшился просить ея руки. Согласіе матери и дочери было полное. Новосильцовъ и по личнымъ достоинствамъ, и по наружности, могъ и долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на дѣвицу, жившую вдали отъ высшаго, блестящаго круга. Получивъ согласіе ея матери, Новосильцовъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабріолетѣ по ближайшимъ окрестностямъ, и въ обращеніи съ нею находился на той степени сближенія, которая допускается только жениху съ невѣстой. Въ порывѣ первыхъ дней любви и очарованія онъ забылъ, что у него есть мать, Екатерина Владиміровна, рожденная графиня Орлова, безъ согласія коей онъ не могъ и думать о женитьбѣ. Скоро, однакожъ, онъ опомнился, написалъ къ матери и, какъ можно было ожидать, получилъ рѣшительный отказъ и строгое приказаніе, прекратить немедленно всѣ сношенія съ невѣстой и ея семействомъ. Разочарованіе ли въ любви, или боязнь гнѣва матери, но только Новосильцовъ по полученіи письма, не долго думалъ, простился съ невѣстой, съ обѣщаніемъ возвратиться скоро, и съ того времени прекратилъ съ нею всѣ сношенія. Кондратій Федоровичъ былъ связанъ узами родства съ семействомъ Черновыхъ. Чрезъ брата невѣсты онъ зналъ всѣ отношенія Новосильцова къ его сестрѣ. Послѣ долгихъ ожиданій, въ надеждѣ, что Новосильцовъ обратится къ нареченной своей невѣстѣ, видя, наконецъ, что онъ совершенно ее забылъ и видимо ею пренебрегаетъ, Черновъ, послѣ соглашенія съ Рылѣевымъ, обратился къ нему сначала письменно, а потомъ лично съ требованіемъ, чтобы Новосильцовъ объяснилъ причины своего поведенія въ отношеніи его сестры. Отвѣтъ сначала былъ уклончивый; потомъ съ обѣихъ сторонъ было сказано, можетъ быть, нѣсколько оскорбительныхъ словъ и, наконецъ, назначена была дуэль, по вызову Чернова, переданному Новосильцову Рылѣевымъ. День назначенъ, противники сошлись, шаги размѣрены, сигналъ поданъ, оба обратились лицомъ другъ къ другу, оба спустили курки и оба пали смертельно раненые, обоихъ отвезли приближенные въ свои квартиры—Чернова въ скромную офицерскую квартиру Семе-

новскаго полка, Новосильцова въ домъ родственниковъ. Рылѣевъ былъ секундатомъ Чернова и не отходилъ отъ его страдальческаго ложа. Близкая смерть положила конецъ враждѣ противниковъ. Каждый изъ нихъ горячо заботился о состоянiи другого. Врачи не давали надежды ни тому, ни другому. Еще день, много два, и неизбѣжная смерть должна была кончить юную жизнь каждаго изъ нихъ.—Оба приготовились къ смертному часу. По близкой дружбѣ съ Рылѣевымъ, я и многiе другiе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствiе къ поступку благородному, въ которомъ онъ, вступясь за честь сестры, палъ жертвою того грустнаго предразсудка, который велитъ кровью омыть запятнанную честь. Предразсудокъ общiй, чуждый духа христiанскаго! Имъ ни честь не возстанавливается и ничто не разрѣшается, но удовлетворяется только общественное мнѣнiе, которое съ недовѣрчивостью смотритъ на того, кто рѣшается не подчиниться общему закону. Свѣжо еще у меня въ памяти мое грустное посѣщенiе. Вхожу въ небольшую переднюю: меня встрѣтилъ Рылѣевъ. Онъ вошелъ къ страдальцу и сказалъ о моемъ приходѣ; я вошелъ и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши, такъ рано обреченнаго на смерть; кажется, я взялъ его руку и спросилъ: „какъ онъ себя чувствуетъ?“ На вопросъ отвѣта не было; но послѣдовалъ другой, который меня смутилъ: „много лестныхъ словъ, незаслуженныхъ мною“ (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ), — сказалъ мнѣ умирающiй. Въ избыткѣ сердечнаго чувства, молча пожалъ я ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ, хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не растревожить его раны и ушелъ въ грустномъ раздумьи. За мною вошелъ Александръ Ивановичъ Якубовичъ, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, раненый пулею въ лобъ, прiѣхавшiй въ Петербургъ для излѣченiя отъ раны, выдержавшiй операцiю черепной кости, и громко прославленный во многихъ кругахъ за его смѣлый, отважный характеръ и за многiя доблестныя качества, засвидѣтельствованныя боевою кавказскою жизнью. Онъ былъ членомъ Общества. По своему обыкновенiю, Александръ Ивановичъ сказалъ Чернову рѣчь; отвѣтъ Чернова былъ скроменъ въ отношенiи къ себѣ, но онъ умѣлъ сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой струны боеваго сердца на-

шего кавказца: онъ вышелъ отъ него со слезами на глазахъ и мы, молча, пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова; мирно отошелъ онъ въ вѣчность. Въ то же время не стало и Новосильцова. Мать и родные услаждали его послѣднія минуты. Мать, убитая горемъ, приняла его послѣднее дыханіе. Она, съ немногими близкими, проводила его гробъ, въ родовой склепъ, послѣднее жилище единственнаго любимаго сына, единственной ея надежды на земную радость. Мать Чернова не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына. Кажется, онъ не желалъ, чтобы сообщили ей, а въ особенности сестрѣ то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбѣженъ. Многіе и многіе собрались утромъ назначеннаго для похоронъ дня ко гробу безмолвнаго уже Чернова. Товарищи вынесли его и понесли въ церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые, желая воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища. Все, чтó мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выражало сочувствіе тому, кто собою выразилъ идею общую, каждымъ сознаваемую и сознательно и безсознательно: — защиту слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ мыслятъ здѣсь на землѣ, съ земными помыслами! Высшій судъ, испытующій сердца, можетъ быть, видитъ иначе; можетъ быть, тамъ на небесахъ давно уже соединилъ узами общей, вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли.

Во второй половинѣ 1822 года родилась у Рылѣева мысль изданія альманаха, съ цѣлью обратить предпріятіе литературное въ коммерческое. Цѣль Рылѣева и товарища его Александра Алекс. Бестужева, состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ. Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя, напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же они, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли голодъ и холодъ, и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получать вознагражденіе за статьи, отданныя въ Альманахъ; въ томъ числѣ находился и

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. „Полярная Звѣзда" имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила чистой прибыли отъ 1500 до 2000 рублей.

Такимъ образомъ начался 1825 годъ, который встрѣченъ былъ нами съ улыбкой радости и надежды. Я встрѣтилъ его дома, въ семьѣ родной. Получивъ 28-мидневный отпускъ, я воспользовался имъ, чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ Общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву. Исполнивъ эту цѣль моей поѣздки и утѣшившись ласками престарѣлаго родителя и милыхъ сестеръ, я возвратился въ концѣ января въ Петербургъ. Я нашелъ Рылѣева еще занятаго изданіемъ Альманаха, а по дѣламъ Общества все находилось въ какомъ-то затишьѣ. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга: Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ за границей; Иванъ Ивановичъ Пущинъ переѣхалъ въ Москву; кн. Сергѣй Петровичъ Трубецкой былъ въ Кіевѣ; Михайло Михайловичъ Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ. Такимъ образомъ наличное число членовъ общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности чрезъ постоянное взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные періодически-назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 г. Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гренадерскаго полка, вышедшаго въ отставку по неудовольствію съ командиромъ полка и пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, находя въ немъ душу пылкую, принялъ его въ члены Общества. Лично я его мало зналъ, но, по отзыву Рылѣева, мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ второго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ жизни и не щадилъ для него своего кошелька.

Къ этому времени, т.-е. къ началу осени 1825 г., вслѣдствіе ли темнаго, неразгаданнаго предчувствія, или вслѣдствіе думъ, постоянно обращенныхъ на одинъ и тотъ же предметъ, возникло во мнѣ самомъ сомнѣніе, довольно важное для внут-

ренняго моего спокойствія. Я его сообщилъ Рылѣеву. Оно состояло въ слѣдующемъ: я спрашивалъ себя, — имѣемъ ли мы право, какъ частные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ населенія нашего отечества, предпринимать государственный переворотъ и свой образъ воззрѣнія на государственное устройство налагать почти насильственно на тѣхъ, которые, можетъ быть, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ лучшаго; если же ищутъ и стремятся къ лучшему, то ищутъ и стремятся къ нему путемъ историческаго развитія? Эта мысль долго не давала мнѣ покоя, въ минуты и часы досуга, когда мысль проходитъ процессъ самоиспытанія. Можетъ быть, она родилась во мнѣ вслѣдствіе слова, даннаго нами П. И. Пестелю, и рѣшенія, принятаго нами, воспользоваться или перемѣною царствованія, или другимъ важнымъ политическимъ событіемъ, для исполненія окончательной цѣли Союза, т.-е. для государственнаго переворота тѣми средствами, которыя будутъ готовы къ тому времени.

Сообщивъ свою думу Рылѣеву, я нашелъ въ немъ жаркаго противника моему воззрѣнію. Его возраженія были справедливы. Онъ говорилъ, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства; что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны, и если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго или своекорыстнаго, то суть только выраженія нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженія идеи общей, еще не выраженной большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ полнымъ своимъ одобреніемъ. Доказательствомъ сочувствія онъ приводилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости, и частныя и проистекающія отъ высшей власти; наконецъ, приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ, какъ купеческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ которыми онъ бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ. Чувствуя и цѣня справедливость его возраженій, я понималъ однакожъ, что если идеи истины, свободы, правосудія составляютъ необходимую принадлежность

всякаго мыслящаго существа, и потому доступны и понятны каждому, то форма ихъ выраженія, или выраженіе ихъ въ поступкѣ подлежитъ нѣкоторымъ общимъ законамъ, которые должны быть выраженіемъ одной общей идеи. Бѣднякъ, по чувству справедливости, можетъ сказать богатому: удѣли мнѣ часть своего богатства. Но если онъ, получивъ отказъ, рѣшится, по тому же чувству правды, отнять у него эту часть силою, то своимъ поступкомъ онъ нарушитъ самую идею справедливости, которая въ немъ возникла при чувствѣ своей бѣдности. Я понималъ также, что государственное устройство есть выраженіе или осуществленіе идей свободы, истины и правды; но форма государственнаго устройства зависитъ не отъ теоретическаго воззрѣнія, а отъ историческаго развитія народа, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ сочувствіи. Я смутно понималъ также, что кромѣ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и государственныхъ, какъ выраженія идей свободы, истины и правды, въ государственномъ устройствѣ должно быть выраженіе идеи любви высшей, связующей всѣхъ въ одну общую семью. Ея выраженіе есть Церковь. Много и долго спорили мы съ Рылѣевымъ или, лучше сказать, обмѣнивались мыслями, чувствами и воззрѣніями. Ежедневно въ продолженіе мѣсяца или болѣе, или онъ заѣзжалъ ко мнѣ, или я приходилъ къ нему, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ проводили мы часы и разставались, когда уже утомлялись отъ долгой и поздней бесѣды. Въ этихъ ежедневныхъ бесѣдахъ вопросы были и философскіе и религіозные. Но послѣ многихъ отступленій, Рылѣевъ приходилъ къ темѣ, заданной мною сначала и я видѣлъ, что онъ понималъ ее, какъ охлажденіе съ моей стороны къ дѣлу Общества, и потому его усилія клонились къ тому, чтобы не допускать меня до охлажденія.

Между тѣмъ въ тайнахъ высшихъ судебъ приготовлялось событіе грустное, о которомъ никто изъ насъ не помышлялъ, и которое поразило насъ, какъ поражаетъ громовой ударъ при безоблачномъ небѣ. Императоръ Александръ Павловичъ приготовлялся къ путешествію на югъ. Много слуховъ было тогда о причинахъ его путешествія. Между прочимъ говорили, что онъ готовилъ себѣ мѣсто успокоенія отъ царственныхъ трудовъ въ Таганрогѣ, гдѣ ему приготовляли дворецъ и гдѣ онъ думалъ съ добродѣтельной супругой, Елизаветой Алексѣевной, послѣ отреченія отъ престола, поселиться въ глубокомъ уеди-

ненiи и посвятить остатокъ дней покою и тишинѣ. Много признаковъ утомленiя отъ царственныхъ трудовъ и глубокаго потрясенiя лучшихъ силъ души давно уже видимо было не только тѣмъ, которые были близки къ его особѣ, но и намъ, занимавшимъ мѣста низшiя въ iерархiи правительственной. Раскасированiе стараго Семеновскаго полка [1]), наиболѣе имъ любимаго, первое потрясло его вѣру въ преданности къ его особѣ тѣхъ полковъ гвардiи, въ любви которыхъ онъ былъ наиболѣе увѣренъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ убѣжденъ, что причина явнаго неповиновенiя полка не заключалась единственно въ мелкихъ притѣсненiяхъ полковника Шварца, въ его неумѣнiи обращаться съ солдатами, въ его желанiи унизить духъ солдатъ и офицеровъ, но въ дѣйствiи тайнаго Общества, коего членами онъ полагалъ многихъ офицеровъ стараго Семеновскаго полка. Въ этомъ онъ ошибался.

Сколько мнѣ извѣстно, изъ офицеровъ, бывшихъ въ то время при полку, членомъ Общества и однимъ изъ первыхъ его основателей былъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ - Апостолъ [2]). Кромѣ его я не зналъ никого. Слѣдствiе, которое было сдѣлано, не раскрыло ничего [3]), кромѣ всѣмъ извѣстнаго обращенiя полковника Шварца съ солдатами и офицерами, и противодѣйствiя сихъ послѣднихъ тѣмъ благороднымъ обращенiемъ съ ввѣренными имъ нижними чинами, которое, само собою, безъ всякаго возмутительнаго начала, являло солдатамъ полковника Шварца въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Съ того времени можно было замѣтить, какъ вкралось недовѣрiе въ сердце императора къ любимому имъ войску. Многiе думали и говорили, что въ немъ преобладала фронтоманiя. Съ этимъ мнѣнiемъ я несовершенно согласенъ. Я весьма понимаю то возвышенное чувство, которое ощущаетъ всякiй военный, при видѣ прекраснаго войска, какимъ была и всегда будетъ гвардiя, стройно движущаяся по мановенiю начальника. Тутъ соединяется и стройность движенiй, и тишина, и та самоувѣ-

---

[1]) Исторiя возмущенiя полка помѣщена въ этомъ выпускѣ.

[2]) Въ Семеновскомъ полку служилъ еще (нѣсколько раньше) И. Д. Якушкинъ, а также юнкеромъ другъ С. И. Муравьева-Апостола, кончившiй вмѣстѣ съ нимъ свою жизнь на висѣлицѣ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ.

[3]) Шильдеръ говоритъ о революцiонной прокламацiи, подброшенной въ казармы, авторъ которой остался правительству неизвѣстенъ. Въ составленiи ея подозрѣвали, извѣстнаго Каразина, за что онъ даже пострадалъ.

ренность каждаго, движущагося безмолвно въ этомъ строю, которая являетъ собою невидимую, несокрушимую силу, и бодрость душевную, составляющія украшеніе человѣка. Это чувство могъ раздѣлять и раздѣлялъ Императоръ Александръ при видѣ своего войска. На ежедневныхъ его посѣщеніяхъ развода въ манежѣ, онъ искалъ не отличнаго фронтоваго образованія, но тотъ духъ, коимъ воодушевлялось войско. Подъѣзжая къ фронту и ожидая отвѣта на сердечный привѣтъ: „здорово, ребята", онъ въ одушевленномъ: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество" слышалъ или голосъ полный любви неподдѣльной, или какой-то полухолодный отвѣтъ, который болѣзненно отзывался въ его любящей душѣ. Онъ былъ счастливъ, если слышалъ первый, и всѣмъ былъ доволенъ. Тогда и министры принимались съ докладами, и ихъ доклады всегда счастливо проходили, и ученіе развода, хотя съ ошибками, сходило съ рукъ хорошо. Это настроеніе въ особенности замѣтно стало въ послѣдніе годы его жизни. Помню весьма хорошо послѣдній Петергофскій праздникъ 1825 года. Императоръ, проѣзжая по парку, встрѣтилъ рядового лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который, нечаянно увидѣвъ государя, выѣзжавшаго изъ-за кустовъ, сталъ во фронтъ по солдатскому обычаю, и, не дожидаясь царскаго привѣта, громко и воодушевленно воскликнулъ: „здравія желаю, Ваше Императорское Величество". Государь спросилъ его имя и велѣлъ немедленно произвесть въ унтеръ-офицеры. Заслуга рядового состояла единственно въ чувствѣ, которое онъ умѣлъ выразить. Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ высоко цѣнилъ это чувство императоръ Александръ.

Довольно трудно выразить, но не трудно понять и почувствовать тому, кто самъ служилъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ солдатами, сколько истины въ этихъ натурахъ, еще неиспорченныхъ воспитаніемъ свѣтскимъ, не изнѣженныхъ роскошью. Взявъ каждаго въ отдѣльности, можно найти въ немъ и лукавство, весьма естественное въ подчиненномъ, который въ начальникѣ видитъ не своего друга, но по большей части судью или безотвѣтственнаго начальника. Но въ строю, въ то время, когда ничто не возмущаетъ его чистыхъ побужденій, его голосъ есть голосъ истины, выражаемый всегда ея неподдѣльнымъ воодушевленіемъ къ тому лицу, которое заслужило его довѣріе. Тутъ видно и чувство народное, выражаемое

просто, но явственно слышимое тѣми, которые прислушиваются къ нему. Такъ понималъ я императора Александра въ его ежедневныхъ отношеніяхъ къ любимому имъ войску.

Но обратимся къ его поѣздкѣ въ Таганрогъ и къ первому извѣстію о его болѣзненномъ состояніи послѣ поѣздки въ Крымъ. Кто могъ помышлять при легкихъ припадкахъ лихорадки крымской, что болѣзнь опасна и поведетъ къ скорому концу? Телеграфовъ тогда еще не существовало и потому мы спокойно ожидали дальнѣйшихъ извѣстій, которыя, однакожъ, не замедлили придти съ характеромъ угрожающимъ. Тогда начались молебствія въ церквахъ о здравіи государя и, кажется, во время второго молебствія въ Зимнемъ Дворцѣ получено извѣстіе о его кончинѣ, и молебствіе обратилось въ торжественную панихиду. Затѣмъ провозглашенъ былъ императоромъ Константинъ Павловичъ, и на другой день вся гвардія и всѣ верховныя власти принесли ему присягу.

Наканунѣ присяги всѣ наличные члены Общества собрались у Рылѣева; всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что-либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того положено было, вмѣстѣ съ прибытіемъ новаго императора, дѣйствія Общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а можетъ быть и навсегда, отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни!—На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ и завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престолъ великаго князя Николая Павловича. Тутъ все пришло въ движеніе и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ. Не стану разсказывать о ежедневныхъ нашихъ совѣщаніяхъ, о дѣятельности Рылѣева, который, вопреки болѣзненному состоянію (у него открылась въ это время жаба), употреблялъ всю силу духа на исполненіе предначертаннаго намѣренія—воспользоваться перемѣною царствованія для государственнаго переворота.

Дѣйствія Общества и каждаго изъ членовъ обнародованы въ докладѣ коммиссіи и въ сентенціи Верховнаго Уголовнаго Суда. Нельзя отрицать истины, выраженной фактами, но по совѣсти могу и долженъ сказать, что и въ горячечномъ бреду человѣкъ говоритъ то, чего послѣ не помнитъ. Такъ и тутъ.

Все, что было сказано въ минуты, когда воображеніе, увлекаемое сильно-восторженнымъ чувствомъ, выговаривало въ порывѣ увлеченія, не можетъ и не должно быть принято за истину. Но Верховный Судъ не могъ быть тайнымъ свидѣтелемъ того, что происходило на совѣщаніяхъ, не могъ вникать въ нравственное состояніе каждаго. Онъ произносилъ приговоръ надъ фактомъ, а фактъ былъ неопровержимъ! [1]) Покроемъ завѣсою прошедшее!

Насталъ день 14-е декабря. Рано утромъ я былъ у Рылѣева; онъ давно уже бодрствовалъ. Условившись въ дѣйствіяхъ дальнѣйшихъ, я отправился къ себѣ домой, по обязанностямъ службы. Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ приходомъ Московскаго полка, я нашелъ Рылѣева тамъ. Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь и готовился стать въ ряды войскъ Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ лейбъ-гренадерскій полкъ для ускоренія его прихода. Онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе, но съ тѣхъ поръ, я его уже не видалъ. Много перечувствовалось въ этотъ знаменательный день; многое осталось запечатлѣннымъ въ сердечной памяти чертами неизгладимыми. Я и многіе со мною изъявляли мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день Обществомъ, но необинуемость близкая, неотвратимая, заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось Общество въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха; едва ли кто изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ! Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливою звѣздою; но, при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ Обществу исполнить данное слово,—обязанъ исполнить свое назначеніе, и съ этими чувствами, этими убѣжденіями въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды. Дѣйствія каждаго извѣстны.

15-го декабря я былъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Послѣ долгаго, томительнаго дня, наконецъ я остался одинъ. Это первое отрадное чувство, которое я испыталъ въ этотъ долгій, мучительный день. Рылѣевъ былъ тамъ же, но я этого не зналъ. Моя комната была отдалена отъ всѣхъ про-

---

[1]) Не за одинъ фактъ возмущенія Верх. Судъ приговаривалъ къ смерти. Н. Тургеневъ былъ за границею въ 1825 году, а ему была присуждена казнь.

чихъ номеровъ; ее называли офицерскою. Особый часовой стоялъ на стражѣ у моихъ дверей. Нѣмая прислуга, нѣмые приставники, все покрылось мракомъ неизвѣстности. Но изъ вопросовъ коммиссіи я долженъ былъ убѣдиться, что Рылѣевъ раздѣляетъ общую участь. Первая вѣсть мною отъ него получена была 21-го января [1]); при чтеніи этихъ немногихъ строкъ радость моя была неизъяснима. Теплая душа Рылѣева не переставала любить горячо, искренно; много отрады было въ этомъ чувствѣ. Я не могъ ему отвѣчать; я не имѣлъ искусства уберечь перо, чернила и бумагу; послѣдняя всегда была номерована; перо, чернильница—въ одномъ экземплярѣ; ни посудки для чернилъ, ни мѣста, куда бы спрятать; все такъ было открыто въ моей комнатѣ, что я не находилъ возможности спрятать что-нибудь.

Что скажу я о дняхъ, проведенныхъ въ заключеніи, подъ гнетомъ воспоминаній еще свѣжихъ, страстей, еще не утихшихъ, вопросовъ коммиссіи, непрестанно-возобновляемыхъ, опасеній за близкихъ сердцу, страха однимъ лишнимъ словомъ въ отвѣтѣ прибавить лишнее горе тому, до кого коснется это слово. Все это было въ первый періодъ заключенія. Постепенно вопросы сдѣлались рѣже, личный вызовъ въ коммиссію прекратился, тишина водворилась постепенно въ душѣ; новый свѣтъ проникалъ въ нее, озарялъ ее въ самыхъ темныхъ изгибахъ, гдѣ хранится тотъ итогъ жизни, мыслящей, чувствующей, дѣйствующей, который составился со дней немыслящей юности до времени мыслящаго мужа. Съ чѣмъ сравню этотъ свѣтъ, и какъ достойно восхвалю его? Слабый образъ его есть восходящее солнце, которое, выходя изъ невидимой глубины небесной, освѣщаетъ сначала верхи горъ и едва замѣтными лучами касается долины; постепенно возвышаясь, лучи его постепенно дѣлаются ярче, постепенно ими освѣщаются и всѣ горы, и ярче, и теплѣе освѣщаются долины, гдѣ растенія нѣжныя постепенно привыкаютъ къ его живительной теплотѣ, и открываютъ его лучамъ свои сомкнутыя чашечки, вдыхаютъ въ себя его живительную силу. Такъ и свѣтъ Евангельской истины освѣтилъ сначала тѣ черты жизни и характера, которыя рѣзко обозначались въ глубинѣ самопознанія. Пестепенно привыкая далѣе, свѣтъ Евангельскій, лу-

---

[1]) Въ „XIX вѣкѣ“ здѣсь приводится стихотвореніе „Прими, прими...“; см. I т. 166 стр.

чами живительными, лучами теплыми, любви вѣчной, полной совершенной озарялъ, согрѣвалъ, оживлялъ все то, что въ самосознаніи способно было принять его свѣтъ, вдохнуть въ себя его теплоту, раскрыться для принятія его живительной теплоты, его живительной силы. Такимъ образомъ протекали дни за днями, недѣли за недѣлями. Открылась весна, наступило начало лѣта; намъ, узникамъ, позволено было пользоваться воздухомъ въ маломъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевскаго равелина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этимъ удовольствіемъ.

Однажды добрый нашъ сторожъ приноситъ два кленовыхъ листа и осторожно кладетъ ихъ въ глубину комнаты, въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часового. Онъ уходитъ—я спѣшу къ завѣтному углу, поднимаю листы и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ;
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ?
Да полечу и почію.
Весь міръ, какъ смрадная могила!
Душа отъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье,
И духъ отъ тѣла разрѣши!

Кто пойметъ сочувствіе душъ, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близкое коснется ея, тотъ пойметъ и то, что я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ Рылѣева! То, что мыслилъ, чувствовалъ Рылѣевъ, сдѣлалось моимъ; его болѣзнь сдѣлалась моею, его уныніе усвоилось мнѣ, его вопіющій голосъ вполнѣ отразился въ моей душѣ! Къ кому же могъ я обратиться съ новою моею скорбію, какъ не къ Тому, къ Которому давно уже обращались всѣ мои чувства, всѣ тайные помыслы моей души? Я молился, и кто можетъ изъяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цвѣтокъ, раскрывшій свою чашечку лучамъ солнечнымъ, едва которымъ оно было вызвано; но если оно впивается ручьемъ, то

вопьетъ ихъ въ себя, какъ издаетъ благоуханіе, которое слышно всѣмъ приблизившимся къ цвѣтку. Неужели это благоуханіе, издаваемое цвѣткомъ, не впивается и лучемъ, которымъ оно было вызвано, но если оно впивается лучемъ, то имъ же возносится къ тому источнику, отъ коего получило начало! Такъ уподобляя видимое невидимому—сила любви вѣчной, коснувшись души, вызываетъ молитву, какъ благоуханіе, возносимое тому, отъ кого получило начало! Кончилась молитва. У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой оберточной бумаги. Я накалывалъ долго, въ возможно сжатой рѣчи все то, что просилось подъ непокорное орудіе моего письма, и, потрудившись около двухъ дней, успокоился душой и передалъ свою записку тому же доброму сторожу. Отвѣтъ не замедлилъ. Вотъ онъ:

„Любезный другъ! Какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ!—Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О, какая была эта молитва, какія были это слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку, словомъ за весь міръ! Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь? Скажи мнѣ: чужое оно или твое? Ежели эта рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но оно уже мое такъ, какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества“. Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоцѣнныхъ строкъ; но она была не полная, до полученія слѣдующихъ строфъ, написанныхъ также на кленовыхъ листахъ:

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ!
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Спасителю, сей Истинѣ Верховной,
Мы всецѣло подчинить должны
Отъ полноты своей души
И міръ вещественный и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая
И благовѣствуя речетъ о ней
Сама намъ истина святая!

Блаженъ, кого отецъ нашъ избираетъ,
Кто истинѣ здѣсь будетъ проповѣдникъ,
Тому вѣнецъ того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ!
Блаженъ, кто вѣдаетъ, Богъ Единъ,
И міръ, и истина, и благо наше;
Блаженъ, чей духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямый мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому!
Душею чистъ и сердцемъ правъ
Передъ кончиною подвижникъ постоянный;
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Узритъ онъ край обѣтованный! [1]).

Это была послѣдняя, лебединая пѣснь Рылѣева. Съ того времени онъ замолкъ, и кленовые листы не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты.

Между тѣмъ Верховный Судъ оканчивалъ порученное ему дѣло. Насъ приводили, показывали подписанныя нами показанія. Я не зналъ, для чего меня спрашиваютъ; не зналъ, что вмѣсто слѣдствія Верховный Судъ уже окончательно рѣшилъ нашу участь; видѣлъ мои показанія; отвѣчалъ, что признаю ихъ за свои. Скоро насталъ день 9-го іюля. Насъ собрали въ залы комендантскаго дома. Радость быда велика при встрѣчѣ съ друзьями, съ коими такъ давно мы жили въ разлукѣ. Напрасно, однакожъ, я искалъ Рылѣева и прочихъ четверыхъ. Смутно я понималъ, что они избраны изъ среды насъ для испытанія высшаго, нежели что предстояло намъ. Вошли мы въ залу. Знакомыя и незнакомыя лица сидѣли въ парадныхъ мундирахъ и безмолвно смотрѣли на насъ. Оберъ-прокуроръ громко прочелъ сентенціи каждаго изъ насъ. Я выслушалъ свой приговоръ какъ-то равнодушно. Въ эти минуты нѣтъ времени на размышленіе; и будущность, намъ предстоявшая, коснувшись слуха, не представляла никакого яснаго понятія о ея истинномъ значеніи. Мы вышли и насъ повели обратно не въ прежній Алексѣевскій равелинъ. Мнѣ назначили пребы-

---

[1]) Эта редакція записана Оболенскимъ по памяти; есть и другая (см І-ый томъ соч. Р—ва); трудно сказать въ какой редакціи стихотворенія получилъ Оболенскій: можетъ быть во второй, и Оболенскій забылъ, или же Рылѣевъ уже послѣ отсылки передѣлалъ стихотвореніе.

ваніе въ Кронверкской куртинѣ. Въ длинномъ и широкомъ корридорѣ указали мнѣ на дверь. Я взошелъ въ маленькую комнату, досчатой перегородкой отдѣленную отъ сосѣдняго номера. Я удивился близкому сосѣдству, отъ котораго отвыкъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Вечеромъ на другой день приходитъ къ намъ постоянный собесѣдникъ, постоянный утѣшитель, который съ первыхъ дней заключенія свято исполнялъ свой долгъ, какъ священникъ, какъ духовный отецъ, какъ единственный другъ заключенныхъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора. Онъ зашелъ къ каждому, чтобы по возможности приготовить къ предстоящему исполненію приговора. Зная его скромность въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ прямую его обязанность, какъ священника, я не смѣлъ спросить его сначала о предстоящей участи пятерыхъ, отдѣленныхъ отъ насъ и избранныхъ къ высшему испытанію.

Наконецъ, передъ уходомъ я рѣшился спросить: что же будетъ съ ними? Когда онъ прямо отвѣчать не могъ, онъ отвѣчалъ всегда загадочно. Его послѣднія слова въ этотъ день были: „Конфирмація-декорація". Я понялъ, что испытаніе будетъ, но что оно кончится помилованіемъ. И онъ былъ въ этомъ убѣжденъ. И онъ надѣялся. Надежды не сбылись.

Настала полночь; священникъ со святыми дарами вышелъ отъ Кондратія Өедоровича; вышелъ и отъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, вышелъ и отъ Петра Каховскаго и отъ Михаила Бестужева-Рюмина. Пасторъ напутствовалъ Павла Ивановича Пестеля.

Я не спалъ; намъ велѣно было одѣваться; я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени,—слышу звукъ цѣпей. Дверь отворилась на противоположной сторонѣ коридора; цѣпи тяжело зазвенѣли. Слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго, Кондратія Өедоровича Рылѣева: „простите, простите, братья!", и мѣрные шаги удалились къ концу корридора. Я бросился къ окошку; начало свѣтать; вижу взводъ Павловскихъ гренадеръ и знакомаго мнѣ поручика Пильмана; вижу всѣхъ пятерыхъ, окруженныхъ гренадерами съ примкнутыми штыками. Знакъ поданъ и они удалились. И намъ сказано было выходить. И насъ повели тѣ же гренадеры, и мы при-

шли на эспланаду передъ крѣпостью. Всѣ гвардейскіе полки были въ строю. Вдали я видѣлъ пять висѣлицъ; видѣлъ пятерыхъ избранниковъ, медленно приближающихся къ роковому мѣсту. Еще въ ушахъ моихъ звенѣли слова: „Конфирмація-декорація“; еще надежда не оставляла меня. Съ нами скоро кончили: переломили шпаги, скинули мундиры и бросили въ огонь; потомъ, надѣвъ халаты, тѣмъ же путемъ повели обратно въ ту же крѣпость. Я опять занялъ тотъ же номеръ въ кронверкской куртинѣ.

Избранныя жертвы были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними. Онъ подходитъ къ Кондратію Ѳедоровичу и говоритъ слово увѣщательное. Рылѣевъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и говоритъ: „слышишь, отецъ, оно не бьется сильнѣе прежняго“. Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни, и казнь совершилась...

Такъ пали пять жертвъ, избранныхъ среди насъ, какъ жертвы искупительныя, за грѣхъ общій; какъ готовыя, спѣлыя грозди, они упали на землю. Но не земля ихъ приняла, а Отецъ Небесный, который нашелъ ихъ достойными небесныхъ своихъ обителей. Они отошли въ вѣчность, предочищенные отъ всего земного въ горнилѣ скорбей, и внутреннихъ, и внѣшнихъ, и, принявъ смерть, приняли вмѣстѣ съ нею и вѣнецъ мученическій, который не отымется отъ нихъ во вѣки.—Слава Господу Богу!

Прозаическія статьи.

Возмущеніе

стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1820 г.

Такъ называемое возмущеніе полка удивило многихъ, потому что еще подобнаго въ россійской арміи не было. Не могли его предвидѣть тѣ, которые съ презрѣніемъ смотрятъ на людей, обязанныхъ повиноваться. По несчастію, не всегда власть соединена съ умѣньемъ. При началѣ всякаго постановленія имѣютъ въ виду пользу, которую благоразумными мѣрами доставляютъ; но впослѣдствіи страсть, или недоразумѣніе, или невѣжество, а часто все это вмѣстѣ, заставляя переступать границы умѣренности и благоразумія, изъ полезнаго начала извлекаютъ вредныя и гибельныя послѣдствія.

Съ военною дисциплиною, требующею безпрекословнаго повиновенія, власть сдѣлала то же. Благоразумные начальники обнаруживали власть свою рѣдко и только въ военныхъ случаяхъ, и тогда ее истинно почитали; но вдругъ начальникамъ пришла мысль превратить войско въ машину, пріятную глазамъ. Чтобы дойти до сей цѣли, предположили какую-то пользу, никого въ ней не увѣрили и взамѣнъ убѣжденія употребили власть!

Люди ограниченные и низкіе съ радостію приняли на себя исполненіе высшей воли: первые потому, что нашли дорогу по себѣ, вторые потому, что всякая воля—имъ законъ. Сихъ людей, какъ удобнѣйшее оружіе деспотизма искали, поддерживали, возвышали. Въ замѣну требуемыхъ услугъ, прощали видимые недостатки, какъ-то: грубость, непросвѣщенье, алчность къ деньгамъ! Они не имѣли понятія о достоинствѣ человѣка, стали съ людьми поступать, какъ съ животными, и сдѣлались жестокими. Возвышен-

наго духа въ подчиненныхъ боялись и стремились истребить его. Большая власть, имъ данная, сдѣлала ихъ страшными, а неотвѣтственность, ненаказанность произвели несправедливость. Люди все терпятъ: труды, болѣзни, самое униженіе, но несправедливость производитъ негодованіе и при возможности мщеніе! Давно уже нѣмецкая дисциплина, усовершенствованная Фридрихомъ и состоящая въ томъ, чтобы лишить разсужденія всѣхъ подчиненныхъ и подчинить ихъ себѣ, тяготила русское войско. Гвардія, обязанная быть примѣромъ арміи и находиться всегда въ глазахъ государя, болѣе всѣхъ отъ оной страдала, но еще наблюдали осторожность. Начальники, которые еще дорожили любовью подчиненныхъ, и, будучи сами болѣе воинами, нежели придворными, не старались обременять иго и безъ того тяжелое. Сей порядокъ не понравился—трудно рѣшить почему?..

Васильчиковъ, въ которомъ природа соединила ограниченный умъ и большое терпѣніе, слабый характеръ и сильное желаніе возвыситься, недостатокъ и неразборчивость способовъ, съ помощью пронырства неизвѣстнаго, грубаго голоса лести, но еще болѣе по духу времени,—Васильчиковъ былъ назначенъ императоромъ въ начальники гвардіи. Чтобъ удержать себя на семъ мѣстѣ, ему надлежало исполнить то, чего отъ него ожидали, т.-е. довести гвардію до мнимаго совершенства. Для сего ему необходимо было безпрекословное повиновеніе. Но такъ какъ гвардейскими полками начальствовали люди, изъ которыхъ нѣкоторые чинами и годами были ему равные, многіе умомъ его превосходящіе, то онъ рѣшился всѣхъ ихъ удалить, а начальство поручить своимъ тварямъ, въ чемъ и успѣлъ. Тутъ онъ не расчелъ одного, что люди, которыми онъ легко могъ управлять, не могли управлять другими.

Семеновскій полкъ достался Шварцу и противъ него взбунтовался—если можно только назвать бунтомъ справедливыя и законныя требованія людей, притѣсненныхъ безразсуднымъ начальникомъ. Шварца нельзя, впрочемъ, строго судить, нельзя предположить, чтобъ человѣкъ въ здравомъ умѣ могъ быть столько жестокъ, несправедливъ и низокъ.

Генералъ-маіоръ Потемкинъ, отлично служившій въ прошедшую войну, любимый солдатами, уважаемый офицерами, былъ душою и командиромъ полка. Васильчиковъ удалилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что полкъ распущенъ. Шварцъ, начальникъ армейскаго полка, въ которомъ оставилъ по себѣ незабвенную память (погостъ назвали его именемъ), незадолго передъ симъ произведенный въ

лейбъ-гренадеры, ученикъ Желтухина, любимецъ великаго князя, по выбору Васильчикова, назначенъ былъ преемникомъ Потемкина. Шварцу не для чего было стараться не походить на Потемкина. Онъ, по собственному убѣжденію, сталъ поступать совершенно противнымъ образомъ: ученья предъ прежнимъ устроены были не соображаясь даже съ силою людей, и множество больныхъ было слѣдствіемъ сего перваго распоряженія; но полкъ видимо началъ маршировать лучше и Шварца хвалили старшіе, извиняли младшіе! Онъ пересталъ пускать солдатъ на работу, говоря, что они, выправленные на ученьи, поработавъ, теряютъ солдатскую стойку. Онъ не боялся причину сію говорить громко. Ее приняли, какъ утонченіе военнаго искусства; однако жъ доходы солдата уменьшались, а расходы постоянно прибавлялись, потому что чистоплотный полковникъ требовалъ необыкновенной чистоты и опрятности, и въ два мѣсяца 1-я рота употребила свои артельныя деньги, на говядину опредѣленныя, на щетки и мѣлъ. Изнуреніе и бѣдность произвели всеобщее неудовольствіе, только страхъ заграждалъ уста. Шварцъ, неистощимый въ притѣсненіяхъ, кажется, взялся быть мѣриломъ терпѣнія русскаго солдата. Онъ приказалъ, чтобъ всякій день роты поочереди присылали къ нему по 10-ти дежурныхъ, что было названо десятками. Ихъ училъ онъ для развлеченія отъ дневныхъ трудовъ въ залѣ и они были мучениками его бѣшенаго сумасбродства. Ихъ раздѣвали до-нага, заставляли неподвижно стоять по цѣлымъ часамъ, ноги связывали въ лубки, кололи ножами и вилками, рвали усы, плевали въ глаза, — однимъ словомъ, дѣлали все то, что выдумывалъ полковникъ, который въ это время лежалъ навзничь на полу и стучалъ ногами и руками въ землю, и презрѣнные съ ненавистью дѣлили чувства побѣдителей Кульма и Бородина!

Наконецъ, верхъ безразсудства повѣнчалъ жестокости. Гренадерскія роты были составлены изъ людей, отличныхъ заслугами и покрытыхъ ранами. Они имѣли предъ прочими ротами особыя права и получали двойное жалованье. Изъ природы вещей проистекающее разнообразіе въ сихъ ротахъ не понравилось, и красивыхъ людей сталъ переводить, безъ всякихъ другихъ заслугъ, въ гренадерскія роты, — заслуженныхъ и старыхъ гренадеръ, безъ всякой вины, перемѣщать въ другія, и тѣмъ лишалъ ихъ не только денежныхъ выгодъ, но и заслуженныхъ почестей, столь драгоцѣнныхъ солдату, ибо онѣ — цѣна крови!

Явная несправедливость подѣйствовала сильно и, совокупясь съ вышеозначенными причинами, довела ненависть до высочайшей степени. Презрѣнья не скрывали, роптали громко и явно косились.

Офицеры, столь же недовольные Шварцемъ за его грубое и невѣжественное обращеніе съ ними, не только не старались остановить солдатъ, но еще внутренно радовались сему движенію. Хотя изъ осторожности никто изъ нихъ не принималъ дѣятельнаго участія, но чувства каждаго, вырываясь невольно, болѣе и болѣе воспламеняли угнетенныхъ страдальцевъ. Всѣ кипѣли и волновались. По привычкѣ къ тишинѣ, новость неповиновенья и темная надежда на инспекторскій смотръ еще удерживали рѣшительный шагъ. Одинъ Шварцъ, занятый ученьями и смотрами, ничего не зналъ и не подозрѣвалъ. Наконецъ, давно всѣми и съ нетерпѣніемъ ожидаемый инспекторскій смотръ приспѣлъ. Корпусный командиръ зналъ о нѣкоторыхъ неудовольствіяхъ солдатъ на Шварца, но тоже зналъ, что Шварцъ любимецъ великаго князя Михаила Павловича. Никогда не умѣя соображать двухъ мыслей, Васильчиковъ не сталъ задумываться и искать способа согласить двѣ противоположныя выгоды. Онъ хотѣлъ, подобно Александру, разсѣчь гордіевъ узелъ и вмѣсто того, чтобы быть человѣкомъ и генераломъ, онъ выбралъ роль придворнаго, дабы сохранить формы, которыя однѣ свято наблюдались. Васильчиковъ выѣхалъ предъ фронтъ и громко возвѣстилъ, „что буде кто осмѣлится произнесть жалобу на начальника, тотъ будетъ прогнанъ сквозь строй". Тогда, отдѣливъ офицеровъ отъ солдатъ, началъ спрашивать о претензіяхъ. Всѣ, пораженные не столько страхомъ, сколько удивленіемъ, молчали. Смотръ кончился и солдаты съ кипящею яростью и негодованіемъ разошлись по казармамъ.

Шварцъ получилъ благодарность за опрятность и устройство и за хорошее обхожденіе съ подчиненными, и Васильчиковъ, довольный насмѣшкою здравому смыслу, поѣхалъ къ нему завтракать.

Ободренный Шварцъ продолжалъ свои угнетенья, которыя тѣмъ тягостнѣе становились, чѣмъ способы ихъ выносить уменьшались. Несчастные солдаты, потерявъ послѣднюю надежду, истощивъ все терпѣніе и думая еще, что потому только допускаютъ ихъ мучить, что не знаютъ, до какой степени страданья они доведены, рѣшились довести до свѣдѣнія начальства всѣ безконечные варварскіе поступки Шварца, но хотѣли испытать, не образумится ли онъ самъ: столь боялись самой тѣни ослушанья! Всѣ

роты взаимно обѣщались клятвою не отставать другъ отъ друга ни въ какомъ случаѣ. Возложили на государеву роту, такъ названную главу полка, обязанность подать первымъ голосъ и принесть первую жалобу, — и рота сію честь приняла съ радостью и дѣйствовать рѣшилась.

Послѣ переклички, на которой рота не могла говорить, потому что въ строю солдатъ обязанъ молчать, рота собралась въ казармахъ и послала просить къ себѣ своего капитана Кошмарева. Капитанъ пріѣзжаетъ немедленно и рота единогласно проситъ его ѣхать къ полковнику Шварцу и объяснить ему, что они угнетены ученьями, разорены непозволеніемъ работать на волѣ и непомѣрнымъ требованіемъ чистоты и щегольства. На вопросъ капитана: „Чѣмъ они особенно угнетены?“ отвѣчаютъ: „десятками, и что полковникъ имъ особенную сдѣлаетъ милость, если ихъ отмѣнитъ!“

Капитанъ обѣщалъ все исполнить по ихъ просьбѣ, приказалъ ротѣ разойтись, и она разошлась.

Кошмаревъ тотчасъ ѣдетъ къ Шварцу, излагаетъ ему происшествіе, какъ было, и проситъ его войти въ положеніе солдатъ, которыхъ просьба кажется ему справедливою, и представляетъ, что упрямство въ семъ случаѣ можетъ имѣть вредныя послѣдствія.

Шварцъ отвѣчаетъ ему строгимъ выговоромъ, укоряетъ въ слабости и увѣряетъ, что онъ завтра все кончитъ.

Кошмаревъ уѣхалъ, но Шварцъ, не взирая на свою наружную бодрость, покоенъ не былъ, на себя не надѣялся и боялся одинъ показаться солдатамъ, которыхъ ненависть онъ зналъ. Робость съ жестокостью часто одна другую рождаетъ.

На другой день, въ 8-момъ часу, поѣхалъ онъ къ великому князю, представилъ ему законную жалобу — какъ неповиновеніе, умѣренность Кошмарева — какъ непростительную слабость, и увѣрялъ его, что строгостью все сіе можно прекратить.

Великій князь, обрадованный случаемъ, гдѣ могъ показать всю свою власть, ѣдетъ самъ въ полкъ съ Шварцемъ.

Собираютъ роту и начинаютъ ее бранить, называютъ бунтовщиками, достойными презрѣнія, жесточайшаго наказанія. Пламенные взоры и горделивая осанка солдатъ ясно доказывали причину ихъ молчанія, означающую презрѣніе къ глупости одного и безрассудству другого.

Великій князь взбѣшеный неуспѣхомъ мнимой рѣшительности своей, поспѣшилъ къ Васильчикову и со всею злостію оскорбленнаго

самолюбія нажаловался на роту, представляя ихъ дерзкими ослушниками, даже ему должнаго почтенія неоказывающими. Его слова подтверждены были Шварцемъ и приняты Васильчиковымъ.

Могъ или не могъ корпусный командиръ разобрать сіе дѣло, пришла ли ему мысль усомниться въ истинѣ Великокняжескаго разсужденья, но онъ постарался заглушить ее,—или вовсе не пришла,—неизвѣстно! Но слѣдствіемъ сего было то, что онъ, положась на ихъ свидѣтельство, рѣшился роту наказать. Какими причинами онъ тутъ руководствовался—мудрено рѣшить, потому что дворъ и ничтожество всегда его дѣлили между собою!

Опасаясь употребить явную строгость, онъ прибѣгнулъ къ коварству. Приказавъ спрятать баталіонъ Павловскихъ гренадеръ съ заряженными ружьями въ экзерциргаузѣ, послалъ повелѣніе въ Семеновскій полкъ, чтобы пригласили капитана Кошмарева съ ротою, но безъ офицеровъ и въ полуформѣ въ экзерциргаузъ для справки объ аммуниціи. Кошмаревъ роту повелъ. При входѣ въ манежъ, Васильчиковъ ихъ спросилъ:

— „Вы недовольны Шварцемъ?"

— Точно такъ, ваше превос.! — былъ единодушный отвѣтъ роты.

Тутъ Васильчиковъ изъявилъ имъ свое негодованіе и, окруживъ гренадерами, повторилъ вопросъ, угрожая крѣпостью.

Они повторили отвѣтъ, хотя чрезвычайно удивились вооруженію. Ихъ повели въ крѣпость въ 10 час. утра.

Между тѣмъ полкъ отгадывалъ участь роты, ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ безпокойства. Солдаты ходили по казармамъ, собирались и разсуждали.

Офицеровъ никого не было. Долговременное отсутствіе ихъ встревожило, сомнѣнья усилились, родился ропотъ, слышны были нареканья, напоминали другъ другу данную клятву; до нихъ доходили глухія вѣсти, которыя умножали безпорядокъ и утверждали въ истинѣ предположеній. Они почувствовали бѣду товарищей и, движимые обыкновеннымъ толпѣ великодушіемъ, рѣшились пожертвовать собою, или всѣмъ погибнуть, или облегчить ихъ участь!

Между тѣмъ наступила ночь. Дежурные офицеры, пріѣхавъ, возстановили порядокъ, развели роты по отдѣленіямъ и все, казалось, умолкло.

Наружная тишина царствовала, но покоя не было. Всѣ молчали, но никто не спалъ, никто не двигался, но всѣ готовы были. Вдругъ въ полночь 1-я рота выходитъ изъ своего отдѣленія и

идетъ къ прочимъ, напоминаетъ опасность товарищей, данныя клятвы. Въ одно время всѣ роты на ногахъ. Напрасно дежурные офицеры останавливаютъ, грозятъ, просятъ, — все тщетно! Весь полкъ нестройными, но единодушными толпами выбѣгаетъ на площадь и собирается передъ госпиталемъ. Тутъ удивленные и обрадованные неизвѣстною дотолѣ имъ свободою, они предаются вполнѣ своему восхищенію: другъ друга поздравляютъ, цѣлуютъ!

Но заблужденіе продолжалось недолго. Вскорѣ вспомнили они цѣль своего сборища и стали заниматься способами освободить своихъ товарищей или, въ противномъ случаѣ, раздѣлить ихъ участь, наказать Шварца и не показаться бунтовщиками. Они сначала рѣшились не идти въ назначенный на завтрашній день караулъ, ежели не отдадутъ имъ государевой роты, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ пристроиться не къ чему—головы нѣтъ! Къ тому же они почитали государя обиженнымъ, котораго роту безъ него посадили въ крѣпость!

Сею дипломатическою тонкостію, вѣроятно, надѣялись они заслужить милость царя. По сей причинѣ не взяли они и ружей, которыя въ семъ случаѣ имъ лучше послужили бы, нежели одни слова съ правдою. Легко впрочемъ быть можетъ, что они были въ душѣ увѣрены, что царь не обвинитъ ихъ, потому что они правы; они же государя, который лично давно ими командовалъ, любили, думали, что его обманываютъ и ни единаго оскорбительнаго слова противъ его лица во все время волненья сказано не было. Потомъ прехладнокровно отрядили 130 человѣкъ убить Шварца, но его не нашли. Онъ, какъ будто желая оправдать всеобщее къ себѣ презрѣніе, спрятался въ навозъ. Въ домѣ ничего не тронули, кромѣ семеновскаго мундира, отъ котораго оторвали воротникъ, говоря, что Шварцъ недостоинъ носить его. Мальчикъ, у него воспитанный и котораго почитали его сыномъ, попался имъ: они бросили его въ воду, но одинъ унтеръ-офицеръ его вытащилъ, говоря, что онъ невиненъ.

— Выраcтетъ, да въ отца будетъ, тогда еще успѣемъ сладить!

Никакого буйства и излишества не было, хотя нѣкоторые и были пьяны. Хотѣли было освободить арестантовъ, но Преображенскаго полка офицеръ, который стоялъ въ караулѣ, попросилъ ихъ отойти и они не покушались болѣе.

Всѣ сіи несообразности и противорѣчія ихъ поступковъ объясняются, когда вникнешь въ ихъ положеніе. Они думали справедливо, что ихъ притѣсняютъ противъ воли и безъ вѣдома госу-

даря, и не взяли ружей. Они чувствовали свою справедливость и думали, что имъ отдадутъ оную—и ошиблись! Они видѣли, что Шварцъ достоинъ наказанія, и хотѣли его наказать, никакъ не разбирая, имѣютъ ли на то право.

Мщеніе въ семъ случаѣ раздраженной толпы превосходило природную доброту человѣка, которая оказалась на мальчикѣ. Впрочемъ, въ поступкахъ ихъ оказались тѣ же чувства и мысли, которыя замѣчаются во всякомъ необразованномъ, естественномъ человѣкѣ. Дѣйствія привычекъ и мнѣній, принятыхъ безъ разсужденія, ими управляли. Такъ они бросились освободить арестантовъ по какому-то сочувствію, но, вспомнивъ слово: преступникъ, оставили ихъ въ покоѣ; оторвали воротникъ отъ мундира по внушенному уваженію къ лоскуткамъ. Впрочемъ, какъ требовать сообразности и разсудка отъ тѣхъ людей, которые въ первый разъ въ жизни только догадались, что они мыслить и разсуждать могутъ! Однако же со всѣмъ основательнымъ страхомъ не показаться бунтовщиками, они главной цѣли—спасенія товарищей—изъ виду не теряли.

Въ семъ волненіи проходитъ ночь.

Подполковникъ Ватковскій извѣщаетъ великаго князя. Полковой адъютантъ Васильчикова—Бибиковъ и прочіе офицеры, ничего не зная, готовились въ караулъ, но, пріѣхавъ въ казармы, съ тѣмъ, чтобы взять свои отдѣленія, очень удивились, найдя полкъ неодѣтымъ и въ сборѣ. Они узнали причину, немногіе были опечалены. Солдаты обходились со всегдашнимъ почтеніемъ и вообще дисциплина неслишкомъ была нарушена.

Генералы, удивленные, встревоженные, но еще болѣе испуганные, вскорѣ собираются. Они опасались гнѣва императора и всякій спѣшилъ употребить свое краснорѣчіе, которое однако же успѣха не имѣло, потому что справедливые и разные отвѣты солдатъ вскорѣ заставили замолчать людей, привыкшихъ говорить предъ молчаливымъ строемъ.

Первый пріѣхавшій, Закревскій, сказалъ имъ, „что ему стыдно смотрѣть на нихъ!"

— А намъ, отвѣчалъ впередъ выступившій, старый гренадеръ, на которомъ было 15 ранъ, ни на кого смотрѣть не стыдно!

Милорадовичъ и великій князь пріѣхали за нимъ. Перваго слушали съ почтеніемъ, но жаловались на притѣсненія, говоря, что при немъ сего не было: второму отвѣчали прежнимъ молчаніемъ... Наконецъ, Васильчиковъ, который, подъ предлогомъ болѣзни, при-

слалъ только повелѣнія, видя тщету оныхъ, рѣшился выѣхать самъ. Его встрѣтили не радостные клики: неизвѣстно почему, не взирая на его строгій видъ и привлекательную наружность, къ нему солдаты никакого почтенія не имѣли. Пріѣхавъ верхомъ, онъ спросилъ причину неудовольствія и почему не хотятъ строиться.

— Мы не можемъ служить съ полковникомъ Шварцемъ, отвѣчалъ полкъ въ одинъ голосъ, а не строимся потому, что нѣтъ у насъ главной государевой роты.

— „Шварца я уже отрѣшилъ, а назначилъ къ вамъ генералъ-майора Бистрома",—и весь полкъ поднялъ радостный крикъ!

— Я вашъ командиръ, ребята, закричалъ Бистромъ, довольны ли вы?

— Довольны, довольны! Мы рады служить съ вашимъ превосходительствомъ! Вы своихъ на работу пускаете!

— Ну, пойдемте-жъ теперь въ караулъ!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ караулъ итти не можемъ, государевой роты нѣтъ,—гдѣ она?

— Въ крѣпости, сказалъ Васильчиковъ, и ея отпустить нельзя.

— А намъ безъ нея въ караулъ итти нельзя, возразилъ полкъ; ведите и насъ туда же, мы также виноваты!

Удивительно было видѣть сей полкъ, прежде блестящій, однообразный, одному движенію покорный, а теперь превращенный въ шумную, нестройную толпу; но еще болѣе удивленія было достойно единомысліе, одушевляющее эту нестройную толпу людей,—единомысліе, которымъ она горѣла только въ часы битвы, предводимая любимымъ начальникомъ. Тогда почитали ихъ героями, теперь—бунтовщиками! Тогда они забывали себя для пользы общей,—теперь хотятъ напомнить о своихъ страданіяхъ! Благодарность тяжела, мщеніе легко!

Между тѣмъ Васильчиковъ послалъ повелѣніе егерскому полку занять семеновскія казармы, гдѣ находились ружья; приказалъ вывесть всѣ прочіе пѣхотные полки. Оба полка кирасирскіе, гвардейскую артиллерію и два загородные полка были приготовлены. Всѣ генералы вмѣстѣ и по одиночкѣ уговаривали семеновцевъ повиноваться итти въ караулъ,—они всякому отвѣчали съ почтеніемъ и окорностью, но пребыли тверды въ своемъ намѣреніи. Потемкину сказали:

— Ваше превосходительство! не просите, мы васъ любимъ, и намъ больно будетъ не послушаться, но дѣлать нечего: товарищи погибаютъ!

Великій князь ничего отъ нихъ добиться не могъ—молчали.

Желая солдатъ попугать, распустили подъ рукою слухи, что на нихъ идетъ конница и готовы 6 пушекъ. „Мы подъ Бородинымъ и не шесть видѣли", возразили они. Послѣ сего съ радостію приняли ихъ вызовъ итти въ крѣпость. Хотѣли полкъ вести рядами, но они не пошли, говоря: „мы подъ арестъ идемъ, какъ ни итти — лишь бы тамъ быть".

Такъ спѣшили пользоваться минутнымъ облегченіемъ безполезнаго и тягостнаго бремени. Офицеры пошли съ ними. Въ крѣпости, сойдясь съ государевою ротою, они сказали: „вы вчерась за насъ заступались, а мы нынче—за васъ!"

Въ городѣ волненіе и тревога не переставали. Полки ходили безпрестанно; пушки везли, снаряды готовили, адъютанты скакали, народъ толпился, въ домахъ было недоумѣніе, не знали, что придумать и что предпринять, опасаясь бунта, и даже мудрено, какъ страхъ мнимой опасности не произвелъ настоящей.

Васильчиковъ не разсчелъ, что ежели Семеновскій полкъ бунтуетъ отъ того только, что онъ недоволенъ Шварцемъ, то два взвода достаточно для усмиренія безоружной толпы; ежели онъ предполагалъ другія причины, то сіи сѣмена неудовольствія существовали уже во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, и принятыя мѣры могли обратиться во вредъ; потому что всѣ угнетенные и негодующіе были собраны вмѣстѣ, и одна искра могла воспламенять всеобщій пожаръ бунта. Но на бунтъ ничего похожаго не было, чего Васильчикову нельзя было не знать, если знать только онъ что-нибудь могъ или хотѣлъ. Вѣроятно, что Васильчиковъ всѣми этими приготовленіями желалъ въ глазахъ государевыхъ волненія Семеновцевъ показать бунтомъ и придать мнимою опасностію важность дѣлу, которое само по себѣ ничего не значило и до сей даже точки были доведены солдаты только его неосмотрительностію.

Посему видно, что неудовольствіе государя и сопряженная съ нимъ потеря мѣста его болѣе ужасали, нежели клятва несчастныхъ и справедливое негодованіе Россіи.

Еслибъ онъ зналъ расположеніе умовъ, какъ счетъ пуговицамъ, то легко бы могъ предвидѣть послѣдствія своей строгости неумѣстной.

Узнавши обстоятельнѣе о первомъ движеніи, онъ бы увидѣлъ въ немъ не частное неудовольствіе одной роты, но справедливое неудовольствіе всего полка, равно угнетеннаго выбраннымъ имъ самимъ начальникомъ. Еслибъ онъ тогда же назначилъ инспектор-

скій смотръ, вмѣсто того, чтобъ сажать солдатъ въ крѣпость, а на смотру принялъ бы дѣльныя жалобы и, уваживъ справедливость оныхъ, отрѣшилъ бы Шварца, такъ какъ онъ черезъ нѣсколько часовъ и сдѣлалъ, то смѣло можно ручаться, что полкъ никогда бы не дошелъ до крайности повиновенія, но еще благословилъ бы его справедливость, а посторонніе похвалили бы его благоразуміе. Онъ неповиновеніе власти принялъ за бунтъ, не разсмотрѣвши не только что законна ли она, но даже благоразумна ли и есть ли способы исполнить ея предписанія? Ежели солдатъ не долженъ разсуждать, и такъ какъ нѣтъ возможности повиноваться безразсудству, то не всякое неповиновеніе достойно наказанія. Васильчикову показалось гораздо легче за свою вину казнить другихъ.

Ежели бунтомъ назвать неповиновеніе законамъ, то первый бунтовщикъ — Шварцъ, потому что онъ поступалъ противъ законовъ; но нарушеніе законовъ солдатами было природнымъ слѣдствіемъ поступковъ Шварца. Еслибъ вздумалось Шварцу приказать разграбить дворецъ, вѣроятно, что и самые страстные охотники дисциплины скажутъ, что полкъ имѣлъ право не слушаться его и представить его повелѣніе на видъ высшему начальству, не для того, что дворецъ тутъ замѣшанъ, но потому, что поступокъ сей противузаконный, а высшее начальство не терпитъ нарушенія законовъ. Тутъ случай подобный: Шварцъ училъ въ непозволительное время, не соблюдалъ праздниковъ, билъ солдатъ за ученіе, и за всякія бездѣлицы наказывалъ строжайшимъ образомъ, чѣмъ преступилъ законы не только здраваго смысла и человѣколюбія, но и законы военнаго устава, гдѣ подобные поступки именно запрещаются. Слѣдовательно, полкъ, упираясь на существующій уставъ и предполагая, что и высшее начальство сего терпѣть не можетъ, рѣшился принести прописанную выше жалобу на нарушителей законовъ; а тотъ не бунтуетъ тѣмъ, что выставляетъ беззаконные поступки бунтовщика.

Пусть одинъ здравый смыслъ разберетъ и рѣшитъ, кого тутъ обвинять надобно? Солдатъ ли, которые, не въ состояніи будучи болѣе сносить всѣ несправедливыя истязанія начальника, пришли сказать прямо, законнымъ порядкомъ,—потому что рота во всякое время можетъ говорить со своимъ капитаномъ, — или тѣхъ, которые дали имъ начальника неспособнаго управлять ими? Всякій бунтъ предполагаетъ насиліе. Они угрозъ не употребляли, ружья оставили въ казармахъ и добровольно пошли въ крѣпость. Сей поступокъ могъ повредить ихъ дѣлу, но вины имъ не придалъ.

По всему кажется, что все сіе можно было кончить, не упоминая слова бунтъ, и никому не показавъ, что бунтовать можно.

На другой день Васильчиковъ, изъ предосторожности, положилъ—полкъ раздѣлить на части и разослать по разнымъ городамъ. Для сего снова всѣ генералы съѣхались въ крѣпость уговаривать солдатъ раздѣлиться. Они долго не соглашались, наконецъ просьбы и увѣренія Милорадовича подѣйствовали. Еще полагаясь на высшее правосудіе, они покорились судьбѣ своей. 2-й баталіонъ рѣшили отослать въ Кексгольмъ, 3-й моремъ въ Свеаборгъ [1]), а 1-й, для производства надъ нимъ военнаго суда, оставить въ крѣпости.

Принявъ сіи мѣры, Васильчиковъ успокоилъ жителей, но самъ покоенъ не былъ. Онъ чувствовалъ себя виновнымъ, по крайней мѣрѣ въ неблагоразуміи и зналъ, что Милорадовичъ не преминетъ довести до свѣдѣнія императора все происшествіе въ истинномъ его видѣ. Первое потому, что графъ, всегдашній защитникъ невинныхъ, особенно воиновъ, свидѣтелей и сподвижниковъ его славы, и потому еще, что Милорадовичъ личный соперникъ Васильчикову, который своими происками успѣлъ заступить его мѣсто въ начальствѣ гвардіи.

Васильчиковъ зналъ, что графъ писалъ уже къ императору, и рѣшился попробовать пожертвовать всѣми, чтобъ оправдать только себя. Страно показаться можетъ, что въ президенты суда выбранъ человѣкъ, который никогда не отличался глубокими свѣдѣніями и еще болѣе справедливостью.

Но вотъ причины. Полагаясь на деспотическій и сумасбродный нравъ судьи, Васильчиковъ думалъ, что никто скорѣе Левашова не обвинитъ младшихъ въ дѣлѣ со старшими, а справедливость могла бы тутъ помѣшать. Второе, хотѣлось угодить государю, выбравъ человѣка имъ любимаго, и потѣшить сей надежной довѣренностью самого Левашова, котораго онъ боялся. Послѣ сего послалъ онъ съ адъютантомъ своимъ, ротмистромъ Чаадаевымъ,

---

[1]) При отправкѣ произошелъ слѣдующій случай: Одинъ батальонъ выступилъ въ Кексгольмъ, другой посаженъ на пароходы въ Свеаборгъ. Одинъ человѣкъ осмѣливался грубымъ образомъ возразить Милорадовичу, который произносилъ имъ напутственную рѣчь. Онъ былъ извлеченъ изъ толпы Закревскимъ, и хотя пытался возмутить другихъ, крича: «спасите меня, мои друзья», но его никто не поддержалъ. Въ случаѣ, если бы мятежники отказались идти, было рѣшено заставить ихъ выступить подъ угрозой шести пушекъ, заряженныхъ картечью, и подъ конвоемъ одного изъ кирасирскихъ полковъ».

государю полное донесеніе всего случившагося. Въ сей любопытной бумагѣ онъ, обвинивъ всѣхъ—Шварца въ неумѣніи командовать, солдатъ—въ нехотѣніи повиноваться и офицеровъ, какъ неоказавшихъ должной твердости въ подобныхъ обстоятельствахъ,—кончилъ наказать всѣхъ строжайшимъ образомъ. Въ ожиданіи отвѣта, довольный увѣренностью — пострадалъ не одинъ, заперся дома и никому не показывался подъ предлогомъ болѣзни.

3-й баталіонъ, отправленный сухимъ путемъ въ Кексгольмъ, дошелъ довольно хорошо, потерпѣвъ только отъ наставшей погоды и сильнаго мороза, ибо имъ не дали времени взять ничего теплаго. 2-й, отправленный моремъ въ Свеаборгъ, былъ гораздо несчастнѣе. Ихъ въ Кронштадтѣ не приняли, потому что повелѣніе было тотчасъ отправить баталіонъ въ путь; но какъ мореплаваніе уже кончилось и готовыхъ судовъ не было, многіе перемерли отъ простуды, другіе отъ духоты, нѣкоторые отъ недостатка пособій. Наконецъ ужасные три дня кончились; солдатъ посадили на поспѣвшіе три фрегата и отправили въ Свеаборгъ. Поднявшаяся буря раздѣлила корабли и отбросила одинъ въ Ревель, а о другомъ долго не знали, гдѣ онъ. Причина, заставившая Васильчикова поступить столь жестокимъ образомъ съ людьми, которыхъ онъ, если не въ бумагѣ къ императору, то въ душѣ еще болѣе признавалъ невинными, было одно желаніе оправдать себя, показавъ государю ихъ бунтовщиками, которыхъ опасно въ городѣ держать. Не могъ онъ сказать, что поступаетъ такимъ образомъ для примѣра, потому что, по словамъ сей же бумаги, примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее, чѣмъ дурное вліяніе на прочія войска. Если онъ не достигъ цѣли, то, по крайней мѣрѣ, нельзя сказать, чтобъ его остановилъ выборъ средствъ.

Въ столицѣ между тѣмъ уныніе и ропотъ былъ всеобщій. Гвардейскіе полки грозили вступиться за товарищей. Находили подброшенныя прокламаціи. Люди, одни тронутые бѣдственнымъ положеніемъ солдатъ, другіе по одному желанію перемѣны, поджигали неудовольствіе. Жители опасались возмущенія. Полки переведены были, масса ночныхъ разъѣздовъ; многихъ хватали по улицамъ и воинскимъ судомъ угрожали. Полиція скакала съ необыкновенною дѣятельностью и разгоняла толпы народныя. Семеновскія казармы опустѣли и затихли; одни жены и дѣти, которыя останавливали толпы прохожихъ со слезами и спрашивали, не знаютъ ли чего объ участи мужей и отцовъ? разсказывали жестокости Шварца и подробности происшествія, какъ будто утѣшаясь

извѣстностію въ наказаніи несправедливости. Крѣпость, въ которой томились несчастные остатки прекраснѣйшаго полка, наводила мрачный ужасъ и содроганье за узниковъ; страшились всего, что можетъ выдумать мщеніе и сокрыть мракъ.

Родственники отправленныхъ офицеровъ, не имѣя о нихъ никакого извѣстія и почитая ихъ погибшими, въ извинительной горести обвиняли Васильчикова. Милорадовичъ вездѣ говорилъ, что въ ногахъ у государя будетъ просить его выслушать, доказывалъ всѣмъ извѣстную невинность семеновцевъ и поджигалъ общее несправедливое негодованіе на корпуснаго командира.

Все общество раздѣлилось. Большая часть поддерживала Милорадовича; меньшая—защищала Васильчикова; нѣкоторые заступались даже за Шварца, котораго уже на третій день отыскали.

Великій князь долженъ былъ что-нибудь значить въ мнѣніи, какъ по своему посту, такъ и по участію въ исторіи, былъ кажется совсѣмъ забытъ, о немъ говорили, какъ о ребенкѣ, достойномъ сожалѣнія.

Положеніе всѣхъ было нерѣшительное и затруднительное. Никто не зналъ мнѣнія государя [1]) и всѣ ожидали его съ равнымъ нетерпѣніемъ, потому что уже всякій объявилъ свое. Неизвѣстность, присутствіе шпіоновъ раздражали ожиданіе въ обществѣ. Левашовъ дѣятельно продолжалъ судъ и, сверхъ чаянія, оправдывалъ семеновцевъ, потому что онъ, справедливо презрѣнный въ мысляхъ общества многими жестокостями и нѣкоторыми убійствами, воспользовался симъ случаемъ примириться съ общимъ мнѣніемъ. Его намѣреніе жениться на знатной и богатой дѣвушкѣ сего требовало. Васильчиковъ былъ или сказывался больнымъ.

---

[1]) Александръ по полученіи извѣстій писалъ великому князю М. П. въ отвѣтъ на его самобичующее письмо слѣдующее: «Дорогой Михаилъ! Я принужденъ написать вамъ эти строки, чтобы высказать вамъ мой взглядъ. Въ какой ошибкѣ я могу васъ обвинить во всей этой отвратительной исторіи?! Я знаю, что вы употребили всѣ усилія, чтобы сдѣлать полкъ блестящимъ, знаю также, что вы никогда не употребляли жестокости. Единственная вещь, въ которой васъ можно было бы упрекнуть,—это ваше незнаніе того, что полковникъ обращался жестоко и свирѣпо. Но это еще надо доказать, такъ какъ является сомнѣніе. Признаюсь, я въ этомъ сомнѣваюсь, но въ чемъ не сомнѣваюсь—это въ постороннемъ вліяніи, которому подвергнулся полкъ...» Аракчееву онъ писалъ еще опредѣленнѣе: «Никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всѣмъ извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ?»

Вдругъ указъ императора [1]) рѣшилъ неизвѣстность, прекратилъ споры и судъ, наложилъ молчаніе на мнѣніе и удивилъ всѣхъ скоростью и неожиданностью приговора. Симъ указомъ повелѣно: всѣхъ нижнихъ чиновъ въ полки раскассировать, офицеровъ перевесть обыкновеннымъ порядкомъ въ армейскіе полки, а 1-й баталіонъ и Шварца предать военному суду.

Указъ немедленно былъ разосланъ по баталіонамъ Семеновскаго полка. Какъ громомъ пораженные, слушали семеновцы его чтеніе; нѣкоторое время самимъ себѣ не вѣрили, — наконецъ, послѣ продолжительнаго окаменѣлаго молчанія, зарыдали, облились слезами, обнимали другъ друга, прощались навѣки, какъ будто шли на вѣрную смерть, и съ негодованіемъ укора показывали на многочисленныя свои раны, какъ будто желая сказать: того ли мы за нихъ ожидали?.. И люди, которые смыкались тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ убійственнѣе былъ огонь, отъ одного слова противъ воли разсѣялись по землѣ.

Офицеры тотчасъ получили повелѣнія развести порученные имъ отряды по назначеннымъ полкамъ. Какъ будто желая усугубить мученія солдатъ, провели ихъ въ виду Петербурга, но зайти не позволили. Въ самомъ городѣ ихъ жены и дѣти, которыхъ выслали, представляли зрѣлище не менѣе горестное, но болѣе плачевное: въ стужу, въ сырость ихъ спѣшили гнать толпами; полунагія женщины съ грудными младенцами и дѣти воплемъ и рыданіемъ оглашали воздухъ. Напрасно просили нѣсколько часовъ сроку, чтобы забрать свои пожитки, напрасно больные и слабые молили о помощи. Само небо, казалось, отъ нихъ отступилось и предало на жертву жестокости, властолюбію и мщенію.

Нѣкоторые офицеры бывшаго Семеновскаго полка явились точно достойными своего званія. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ М... по многократномъ представленіи, что у людей нѣтъ сапоговъ и получивъ въ отвѣтъ, что его дѣло вести, а не представленія дѣлать, употребилъ свои 2.000 руб. и пошилъ сапоги имъ. Въ извиненіи многихъ и къ оправданію нѣкоторыхъ должно сказать, что сдѣлали бы то же, но не имѣли способовъ.

Участь сихъ несчастныхъ рѣшилась, но оставались юнкера. Не знали, къ какому классу ихъ причислить. Въ приказѣ сказано:

---

[1]) Приказъ этотъ, пишетъ Семевскій, сопровождался слезами Александра и Николая Павловича; однако это ему не помѣшало быть исполненнымъ, такъ какъ, по мнѣнію Александра, того требовала «святость законовъ и честь имени россійской арміи».

нижнихъ чиновъ перевесть въ разные полки, также и офицеровъ, по обыкновеннымъ переводамъ, т.-е. съ повышеніемъ. Такъ какъ юнкера дворяне, то ихъ на дѣлѣ никогда не смѣшивали съ нижними чинами, тѣмъ болѣе, что они, прослужа годъ въ гвардіи подпрапорщиками, имѣли право выходить въ армію офицерами. Васильчиковъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, но получилъ выговоръ за то, что осмѣлился разсуждать и повелѣніе поступать по словамъ закона. Юнкеровъ перевели тѣми же чинами, вскорѣ однакожъ почувствовали ошибку и безполезную несправедливость и отдали имъ чины.

Сей случай, самъ по себѣ ничтожный, ясно доказываетъ, сколь мало Васильчикова уважали. Легко можетъ быть, что тутъ дѣйствовала досада, произведенная исторіею.

Васильчиковъ, распорядившись съ Семеновскимъ полкомъ, какъ выше сказано, читалъ указъ во всѣхъ прочихъ гвардейскихъ полкахъ. Нѣкоторые слушали оный съ негодованіемъ, другіе (Конногвардейскій и Павловскій), къ стыду своему, кричали ура! какъ будто радуясь погибели товарищей, и заранѣе оправдывали всѣ жесткости, которыя съ ними могутъ быть произведены. Офицерамъ говорилъ рѣчь, въ которой желалъ доказать вредныя слѣдствія свободомыслія, и кончилъ угрозою, что со всѣми будетъ то же, что и съ семеновцами. Его пророчество сбылось.

Собравши всѣхъ генераловъ и обратясь къ Розену и Потемкину, которые болѣе прочихъ противъ него возставали, приказалъ имъ теперь молчать, потому что самъ государь былъ съ нимъ одного мнѣнія. Сильнѣе аргумента онъ употребить не могъ, и дѣйствительнѣе никакъ. Всѣмъ полкамъ дѣлалъ инспекторскіе смотры, на которыхъ принималъ уже жалобы солдатъ, а командирамъ совѣтовалъ быть поосторожнѣе.

Солдаты тотчасъ почувствовали перемѣну обращенія и начали узнавать права свои, которыя одними были отняты, а другими были забыты. Случилось, что обыкновенно при семъ случается: одни начали требовать, а другіе не хотѣли уступить; одни свергали иго, другіе не умѣли его упрочить. Желанія порядка новаго съ привычкой къ старому боролись. Самовластіе узрѣло соперника въ безначаліи, волненіе было сильное. Умы возгорались, кипѣли мщеніемъ, негодовали на несправедливое требованіе, разсуждали о безполезности многаго и грозили показать себя людьми, отмстивъ правителямъ. Трудно было предположить, чѣмъ все это могло

окончиться; часъ отъ часу броженіе умножалось. Вдругъ объявленъ походъ. Походъ порадовалъ многихъ, опечалилъ нѣкоторыхъ, польстилъ надеждою всѣмъ и произвелъ желаемое дѣйствіе, обративъ умъ къ другому предмету.

Никто еще не зналъ, куда идутъ. Правительство, зная пристрастіе войска къ походамъ заграничнымъ, распускало слухъ, что пойдутъ въ Италію. Тогдашнія ея политическія дѣла были благовиднымъ сему предлогомъ. Вскорѣ однакожъ замѣтили хитрость и увидѣли настоящую цѣль сего движенія, цѣль, чтобы чѣмъ-нибудь занять войско. Открытіе сего намѣренія умножило недовѣрчивость къ правительству и произвело новые безпорядки. Солдаты съ радостью хотѣли итти за границу, потому что тамъ прибавляли жалованье, пища была лучше и, чувствуя въ нихъ нужду, съ ними обходились человѣколюбивѣе; а въ теперешнемъ походѣ, видя одну перемѣну мѣста, а совсѣмъ не своего положенія, принужденные оставить семейства, нѣкоторыя заведенія и къ тому же не видя никакой пользы отъ трудовъ своихъ, роптали, и говорили: „мы идемъ бить невидимку!" Офицерское положеніе было и того хуже. Удаляясь отъ пособія столицы, они разорялись излишними расходами или покупая дорогими цѣнами вещи, нужныя для похода и за безцѣнокъ отдавали свои экипажи, мебель и пр. И за всѣ сіи безпокойства не предвидя ничего, кромѣ скуки, досадовали и невсегда были скромны! Еще болѣе умножало ихъ негодованіе то, что всѣмъ симъ обязаны они жертвовать прихоти одного человѣка котораго они не уважали и давно любить перестали.

Всѣ сіи причины, соединясь, заставили скорѣе вывесть гвардію нежели думали, и безъ нихъ вѣроятно бы ее только что пугали походомъ.

На дорогѣ ихъ встрѣтилъ государь, возвращавшійся изъ Лайбаха; осмотрѣлъ всѣ полки и хотя они далеко были отъ порядка, но онъ хвалилъ все и казался всѣмъ доволенъ. Вскорѣ отнялъ девизіи у Розена и Потемкина; Васильчикова и Желтухина, который формировалъ новый Семеновскій полкъ, наградилъ.

Теперь 60 тыс. отборнаго войска разсыпали по всей Польшѣ, безпрестанно заняты и ничего не дѣлаютъ, угнетены безполезными трудами и лишены надежды видѣть когда-нибудь сему конецъ.

Вотъ положеніе солдатъ! Офицеры можетъ быть еще несчастнѣе; всякій изъ нихъ получилъ образованіе и готовился употребить оное въ свою пользу, и теперь лишены всякаго упражненія, удалены отъ людей разсуждающихъ, раздѣлены межъ собою, обречены

составлять часть будущей машины и отданы на жертву скуки и разврата.

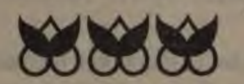
Вотъ положеніе цвѣтущаго юношества въ Россіи! Спросятъ: для чего же они служатъ въ военной службѣ? Отвѣчать не мудрено. Недостатокъ просвѣщенія, покоряющій ихъ привычкамъ, а не разсудку, молодость начинающихъ службу, презрѣніе ко всякому другому сословію и большія выгоды, предоставленныя тѣмъ, которые выбьются, выгоды быть деспотомъ всего, что насъ ниже, и рабомъ тѣхъ, кто выше.

Еще кромѣ гвардіи въ Россіи много войска, подверженнаго равной участи. Но когда государство въ мирѣ и столь сильно, что опасаться нечего, зачѣмъ милліонъ войска, которое само страждетъ и изнуряетъ государство людьми и деньгами? Войско подчинено защищать, а владѣющій дисцеплиной избавленъ труда разсуждать.

Полтора года продолжалось изгнаніе гвардіи. Наконецъ, послѣ смотра подъ Бѣшенковичами, гдѣ былъ данъ великолѣпный обѣдъ отъ офицеровъ царю, они были возвращены.

По приходѣ въ С.-Петербургъ впалъ въ немилость Левашовъ Васильчиковъ, получившій ленту, былъ отставленъ отъ начальств гвардіею и впалъ въ первое ничтожество, изъ котораго ему, для покоя младшихъ и для чести старшихъ, никогда бы выходить не слѣдовало.

На его мѣсто поступилъ Уваровъ, извѣстный своею глупостью; но послѣ Васильчикова и онъ показался хорошъ. Что касается до духа гвардіи, кажется успѣли въ ней погасить послѣднюю искру разсужденія. [1]).

[2]) Принадлежность этой статьи Рылѣеву оспаривается; однако съ одинаковымъ правомъ она приписывается ему; цѣликомъ нигдѣ не напечатана, и здѣсь появляется впервые.

Отзывы о событіи въ Семеновскомъ полку

Событіе въ Семеновскомъ полку было выдающимся по своей важности послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I; оно вызвало интересную оффиціальную и частную переписку, главныя черты которой мы приводимъ ниже въ извлеченіяхъ, дополняющихъ или освѣщающихъ сообщенные факты. Оно конечно блѣднѣетъ передъ событіями изъ военной жизни послѣднихъ лѣтъ, однако, не потеряло окончательно своего историческаго значенія. Начнемъ съ оффиціальной записки.

„Предмѣстникъ полковника Шварца,—писалъ одинъ изъ представителей военной бюрократіи—Закревскій, нынѣшняго командира лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Потемкинъ, человѣкъ добрый, но слабый начальникъ, неосновательною и излишнею деликатностію своею пріучилъ подчиненныхъ ему офицеровъ не полагать никакого различія между чинами и внѣ фрунта не оказывать ни малѣйшаго уваженія къ старшимъ своимъ, частнымъ ихъ начальникамъ и даже къ нему самому. Симъ распустилъ онъ полкъ до того, что вредный духъ офицеровъ распространился и между нижними чинами.

„Полкъ сей безпрестанно становился по службѣ хуже, и рѣдко случались ученія полковыя или баталіонныя, которыми бы государь столько же доволенъ былъ, сколько прочими гвардейскими полками.

„Послѣ такого управленія назначенъ командиромъ полка Шварцъ, человѣкъ, не получившій хорошаго воспитанія, не имѣющій большихъ познаній и полагающій все свое достоинство, всю надежду въ службѣ. Находясь въ оной съ 1797 года, безъ всякой протекціи, усерднымъ и долговременнымъ служеніемъ достигъ до званія полкового командира. Онъ всегда отличался неутомимостью своею, и бывшій прежде подъ начальствомъ его гренадерскій Екатеринославскій полкъ доведенъ имъ до такой степени исправности, что

поставленъ былъ примѣромъ для всей арміи. Лестно для него было новое назначеніе; онъ захотѣлъ оправдать довѣріе государя: довести Семеновскій полкъ до совершеннаго познанія фрунтовой службы и представить его въ блестательномъ видѣ какъ насчетъ движенія, такъ и одежды".

Послѣ этой „примѣрной" характеристики Шварца, Закревскій описываетъ извѣстные факты самаго возмущенія полка и затѣмъ даетъ весьма интересныя объясненія этому бунту. Они, конечно, вполнѣ, характеризуютъ лицо, сдѣлавшее эти объясненія.

„Разсматривая всѣ обстоятельства сего дѣла, видно, что первоначальными причинами описаннаго происшествія, какъ выше сего упомянуто, были, во-первыхъ, слабость Потемкина, поселившая во всемъ полку нерадѣніе къ службѣ и неуваженіе къ начальству; во-вторыхъ, скорый переходъ отъ слабаго управленія къ строгости и дисциплинѣ (?), кои принужденъ былъ ввести Шварцъ, чѣмъ возстановилъ противъ себя цѣлый полкъ; въ-третьихъ, ненависть офицеровъ къ полковнику Шварцу и безпечность ихъ къ службѣ. Первая побуждала ихъ ругать его и насмѣхаться надъ нимъ даже передъ фрунтомъ при нижнихъ чинахъ; послѣдняя лишала ихъ довѣрія сихъ чиновъ до того, что они въ свое время не могли и не умѣли привести оныхъ въ должное повиновеніе. Обѣ показываютъ совершенное невѣжество ихъ о пользѣ общей.

„Несмотря однако же на все то, сколь ни ожесточала нижнихъ чиновъ взыскательность полковника Шварца, сколь ни вредно впечатлѣніе, произведенное въ нихъ офицерами неуваженіемъ къ полковому начальству и явными насмѣшками, со всѣмъ тѣмъ, говорю, трудно повѣрить, чтобы они рѣшились на столь неслыханный въ русскихъ войскахъ поступокъ, если бы не были кѣмъ-нибудь особенно къ тому подучены и даже руководимы. Весьма полезно открыть сіе лицо, или, быть можетъ, и многія. Таковыя по справедливости заслуживали бы примѣрной строгости въ наказаніи, но, къ сожалѣнію, нѣтъ надежды къ открытію по суду. Одно время можетъ обнаружить истину: зачинщики и руководители, вѣроятно, окажутся не изъ нижнихъ чиновъ сего полка...

„Конечно, повторяю, всѣ обстоятельства могли предуготовить несчастный случай; но вопросъ: кто внушилъ столь удивительное единодушіе нижнимъ чинамъ для произведенія онаго въ дѣйствіе? Откуда взялось единогласіе, или лучше, одни слова въ отвѣтахъ ихъ? Единство—въ ихъ поступкахъ? Таковое согласіе въ поведеніи 3.000 человѣкъ безъ особеннаго руководства — невозможно. При-

скорбно подозрѣвать неблагонамѣреннаго между офицерами; но кто знаетъ русскаго солдата, тотъ вѣрно усумнится, чтобы посторонній человѣкъ въ силахъ былъ владѣть имъ.“

Дальше Закревскій не ограничивается подозрѣніями и прямо указываетъ „истинныхъ“ виновниковъ.

„Впрочемъ, оставимъ подозрѣнія—пишетъ онъ; безъ того офицеры наложили на себя нестираемое пятно: они, оказывая передъ нижними чинами неуваженіе къ полковому командиру, пріучили или, по крайней мѣрѣ, возродили въ нихъ мысль, что есть возможность не почитать своихъ начальниковъ. Вотъ причина, по которой они, вопреки усилій, не могли заставить ихъ слушать себя во время происшествія. Вообще русскіе солдаты привыкли повиноваться слѣпо и управлять ими легко; слѣдовательно, въ семъ случаѣ господа офицеры доказали свою неспособность командовать и даже не заслуживаютъ званія, ими носимаго [1]). По одной развѣ молодости и неопытности ихъ позволительно имѣть къ нимъ нѣкоторое снисхожденіе. По тѣмъ же причинамъ могли они быть завлечены къ неуваженію начальства нынѣшними событіями въ Европѣ, событіями, произведенными вольнодумствомъ и такъ называемыми либеральными идеями. Сія зараза гнѣздится между офицерами и другихъ гвардейскихъ полковъ; но уповательно начальники примутъ благоразумныя мѣры, чтобы ничего похожаго съ семеновскимъ происшествіемъ въ нихъ не случилось“.

Характерны очень мѣры, рекомендовавшіяся Закревскимъ послѣ столь глубокомысленныхъ замѣчаній [2]).

„Для исправленія провинившихся субалтернъ-офицеровъ полагаю необходимымъ: перевесть ихъ въ армейскіе полки, поручить

---

[1]) Закревскій очевидно не замѣтилъ какой злой приговоръ писалъ этими словами онъ себѣ:—вѣдь его слушались солдаты меньше, чѣмъ кого-другого.

[2]) Впрочемъ его мѣры не такъ ужъ „страшны“; предлагались и лучше; вотъ что пишетъ Кочубей:

«Вы хорошо знаете, что въ такихъ случаяхъ всегда являются люди, которые, будучи избавлены отъ всякой отвѣтственности, не замедлятъ проявить жестокія намѣренія, чтобы прославиться своей мнимой энергіей. Предложено было разстрѣлять сейчасъ же десятаго изъ всѣхъ заключенныхъ. Но Васильчикова нельзя было убѣдить сдѣлаться палачемъ людей, которые безъ всякаго конвоя сами пошли въ тюрьму. Другіе предлагали немедленно уничтожить этотъ полкъ, а всѣхъ солдатъ перевести въ разные армейскіе полки. Общее мнѣніе склонялось въ пользу этой мѣры, но послѣ болѣе зрѣлаго размышленія Васильчиковъ не призналъ за собой достаточно власти уничтожить полкъ, который имѣлъ честь считать своимъ шефомъ самого императора».

полковымъ командирамъ имѣть за ними неослабное наблюденіе и нѣкоторое время не представлять къ производству, дабы они почувствовали тягость заслуженнаго наказанія. Баталіонныхъ и ротныхъ начальниковъ выписать въ армію тѣми же чинами, не поручать имъ никакой команды, безпрестанно употреблять на службу и нѣсколько лѣтъ не принимать отъ нихъ просьбъ ни въ отпускъ, ни въ отставку.

„Командиры прочихъ гвардейскихъ полковъ (исключая весьма немногихъ) равномѣрно въ семъ случаѣ оказали свою неспособность и ненадежность на самихъ себя: каждый почти не былъ увѣренъ въ своихъ подчиненныхъ и страшился, чтобы у него того же не произошло. Опасно имѣть такихъ начальниковъ во время военное, и Боже избавь отъ нихъ, во всякомъ политическомъ обстоятельствѣ. По поводу сего нужно бы на нихъ обратить особенное вниманіе и не пренебрегать строгою, тщательною разборчивостью при назначеніи оныхъ. Не менѣе полезно обратить глаза на офицеровъ и найти способъ укротить быстроту производства по гвардіи, дабы слишкомъ молодымъ изъ нихъ дать время образоваться для своего званія и пріобрѣсти нужную опытность по службѣ. Средства къ тому: принятіе въ службу дворянъ не моложе 18-ти лѣтъ; въ штабъ-капитанскомъ и капитанскомъ чинѣ — выслуга положеннаго времени для приготовленія себя въ полковники, какъ въ чинъ, требующій непосредственной способности и довѣрія. Теперь солдаты съ жалостью смотрятъ на своихъ офицеровъ и, кажется, обѣщаютъ имъ свое покровительство, а не отъ нихъ ожидаютъ онаго. Сему случилось мнѣ быть очевиднымъ свидѣтелемъ во время происшествія.

„Для самой пользы службы поступокъ Семеновскаго полка не можетъ и не долженъ быть прощенъ. Въ примѣръ другимъ полкамъ и предупрежденіе отъ подобнаго своевольства, надлежитъ оный подвергнуть строжайшему наказанію. Если затруднительно перевести въ армію весь полкъ, то 2-й и 3-й баталіоны, менѣе виновные и завлеченные первымъ, могутъ быть оставлены, но тутъ же приведены къ присягѣ, какъ нарушившіе оную. Прибавивъ къ нимъ недостающее до комплекта число людей изъ арміи, сформировать вновь сей полкъ. Формированіе произвести внѣ города и не поручать онаго великому князю. Первый же баталіонъ долженъ быть наказанъ непремѣнно по опредѣленію военнаго суда предъ всѣми полками гвардіи. Менѣе виновныхъ разослать на службу въ Грузію, Оренбургъ и Сибирь.

„Офицеры, какъ выше сказано, заслуживаютъ наказанія переводомъ въ армію; однако же, не слѣдуетъ сдѣлать сіе безъ разбора; тѣхъ, кои во время происшествія находились въ командировкахъ или отпуску, равно кои недавно поступили на службу и не знали, что должно было таковое случиться, оставить во вновь формируемомъ полку или распредѣлить по другимъ гвардейскимъ полкамъ безъ всякаго наказанія".

Распорядившись съ полкомъ, Закревскій записку свою кончалъ обычнымъ припѣвомъ о сыскѣ:

„Происшествіе сіе, равно какъ и событія во всей Европѣ, заставляютъ обращать особенное вниманіе на военныхъ. Почему полезно учредить на добрыхъ правилахъ особенную тайную полицію, тайную во всемъ смыслѣ и существѣ. Первою обязанностью поставить ей: не оказывать ни въ какомъ случаѣ власти, но стараться единственно узнавать обо всемъ происходящемъ въ войскахъ, о духѣ солдатъ и офицеровъ, о мнѣніи ихъ насчетъ начальниковъ и проч. Всѣ таковыя свѣдѣнія должна она сообщать непосредственно корпусному командиру, который, согласно донесеніямъ ея, будетъ принимать мѣры для предупрежденія могущихъ встрѣтиться безпорядковъ. Въ агенты полиціи избрать людей, испытанныхъ въ честности и благонамѣреніяхъ. Привлечь ихъ къ тому прочнымъ обезпеченіемъ состоянія, какъ то было въ царствованіе императрицы Екатерины Вторыя. Иначе, дать еще болѣе вѣсу полковымъ командирамъ, коимъ словесно подтверждать о бдительномъ наблюденіи умовъ и поведенія своихъ подчиненныхъ, преподавъ имъ на сей предметъ нѣкоторые способы. Впрочемъ, начальство, по точному или небрежному отправленію существенной службы, можетъ заключать о духѣ подчиненныхъ. Не довольно токмо приказать; надобно посмотрѣть, какъ приказаніе исполняется [1])".

Этотъ сыскъ онъ желалъ развить даже на всѣхъ русскихъ гражданъ.

„Публика, увлеченная мнѣніемъ родственниковъ семеновскихъ офицеровъ во всемъ оправдываетъ полкъ и обвиняетъ однихъ начальниковъ, принимающихъ въ теперешнемъ случаѣ строгія надежныя мѣры. На это смотрѣть нечего: отъ сихъ пріемлемыхъ мѣръ зависитъ спокойствіе не только прочихъ гвардейскихъ полковъ, но даже всей арміи и, можно сказать, всей Россіи.

---

[1]) Шильдеръ приводилъ очень интересный проектъ такой сыскной полиціи съ подробной смѣтой (вѣдь это главное!) окладовъ. Однако, почему то проектъ не возымѣлъ силы закона.

„Весьма желательно, чтобы люди, развозящіе по городу разные слухи съ примѣчаніями своими, были осторожнѣе въ изложеніи и толкованіи оныхъ. Гораздо ближе къ обязанностямъ ихъ и личной выгодѣ не упускать изъ виду того, что ложными, нелѣпыми толками, особенно при нынѣшнемъ духѣ времени, въ Европѣ царствующемъ, они дѣлаютъ очевидный вредъ своему отечеству и могутъ его ввергнуть въ крайнюю погибель“.

Однако всѣ эти подозрѣнія и прямой доносъ на офицеровъ, сдѣланный Закревскимъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергался тогда же и тоже оффиціальными лицами. Вотъ что писалъ по поводу бунта Бутурлинъ.

„Я пользуюсь экспедиціей Чаадаева, чтобы вамъ дать отчетъ, мой дорогой генералъ, о страшномъ происшествіи, которое вчера дало печальный образчикъ, эффектъ котораго былъ бы неизмѣримъ, если бы не поспѣшили потушить возстаніе, возбужденное чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ авторитету власти, но по крайней мѣрѣ остановленное съ твердостью, достойной самой большой похвалы. Я вижу отсюда, какъ вы протираете себѣ глаза и отказываетесь вѣрить совершившемуся возстанію въ Петербургѣ. И вотъ именно эта фатальная увѣренность и служитъ причиной того происшествія, которое я желаю вамъ изложить — происшествіе, которое относится къ категоріи такихъ—которымъ вѣрятъ только на слѣдующій день послѣ ихъ совершенія.

„Я перехожу къ факту.

„Вы знаете лучше меня, какъ Семеновцевъ разсердило назначеніе Шварца командиромъ въ этотъ полкъ. Офицеры были оскорблены и унижены тѣмъ, что имѣли командиромъ проходимца безъ имени, безъ военной славы и лишеннаго тѣхъ формъ европейскаго общежитія, которыя и среди насъ дѣлаются необходимыми. Солдаты подъ вліяніемъ офицеровъ тоже смотрѣли плохо на своего командира, ниспосланнаго сверху подобно бичу, такъ какъ его назначеніе разсматривалось въ полку, какъ наказаніе, которое Государь въ сердцахъ ниспослалъ всему полку. При такихъ обстоятельствахъ простой здравый смыслъ приписывалъ Шварцу стараться дѣйствовать на умы солдатъ твердостью, но умѣреннымъ и приличнымъ поведеніемъ, онъ поступилъ наоборотъ. Не будучи большимъ мордобоемъ, онъ имѣлъ талантъ сдѣлаться солдату болѣе ненавистнымъ, чѣмъ если бы онъ ихъ билъ. Передъ фронтомъ онъ позволялъ себѣ ругать солдатъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, плевалъ имъ въ лицо и дергалъ ихъ за усы. Однимъ словомъ,

онъ не оставилъ ни одного оскорбленія, которое не безчестило бы одинаково какъ того, кто давалъ его, такъ и того, кто получалъ. И къ довершенію всего онъ заставлялъ ихъ даже покупать на ихъ собственные гроши нужные предметы для ихъ одежды. Вы признаете, что такое поведеніе не могло примирить недовольныхъ. Умы озлоблялись все больше. Офицеры еще дополняли это своими неосторожными бесѣдами, которыя они себѣ позволяли въ присутствіи своихъ солдатъ, и содержаніе которыхъ служило развѣнчаніе ихъ командира, подчеркивая съ жестокостью все то, что было предосудительнаго въ его поведеніи. Полкъ былъ, наконецъ, приведенъ въ такое положеніе, когда одна капля переполняетъ терпѣніе. Малѣйшее происшествіе должно было сыграть роль этой капли. Бомба взорвалась, наконецъ вчера въ воскресенье.

„Шварцу недостаточно было, чтобы люди его работали въ будни ему пришла еще фатальная мысль: заставить ихъ маневрировать по воскресеньямъ. Онъ издаетъ приказъ ротѣ Его Имп. Вел. приготовиться къ этому дню. Съ этого и началось. Шварцъ имѣлъ случай рискнуть своей собственной персоной. Подвергаясь опасности быть разорваннымъ въ куски, онъ долженъ былъ предстать передъ возставшими. Этотъ поступокъ имѣлъ бы извѣстное вліяніе, которое бы ихъ, можетъ быть, сдержало. Однако Шварцъ забаррикадировался въ своемъ домѣ и не появлялся въ казармѣ“.

Разсматривая событіе, Бутурлинъ, повторяемъ, совершенно разошелся мнѣніемъ съ Закревскимъ объ „истинныхъ“ виновникахъ.

Онъ писалъ:—„событіе, о которомъ я только что далъ вамъ отчетъ, доказало намъ двѣ истины, одну ужасную, другую, наоборотъ, очень успокоительную. Первая—это легкость возмущенія солдатъ, которые кажутся вполнѣ готовыми сбросить съ себя иго дисциплины (?), которую сдѣлали, можетъ быть, уже слишкомъ тяжелой. Что касается другой истины—то это превосходный духъ, проявленный всѣми офицерами гарнизона. Въ такое время, какъ мы теперь переживаемъ, достаточно одного вздорнаго человѣка, чтобы вызвать общую вспышку. Достаточно самому младшему изъ офицеровъ стать во главѣ солдатъ и велѣть имъ взять оружіе, чтобы все пошло къ чорту. Были сильныя причины думать, что всѣ пѣхотные полки, если бы ихъ послали противъ нихъ, только увеличили бы ихъ количество. Въ какой странѣ не нашелся бы такой вредный человѣкъ? У насъ же, наоборотъ, всѣ офицеры свободно и охотно присоединились къ начальству. Духъ общества познается только въ такихъ великихъ случаяхъ, а не въ крикахъ, вызванныхъ [illegible]чностью и маніей

непремѣнно порицать нашу націю, и распаляемыхъ сложными разсказами шпіоновъ, прямая выгода которыхъ придавать какъ можно болѣе важности своимъ сообщеніямъ".

Подтвержденіе этихъ словъ и напротивъ рѣзкое опроверженіе доноса Закревскаго мы находимъ въ письмѣ гр. В. П. Кочубея къ Александру I.

„Государь,—писалъ онъ.—Вы легко можете понять, что подобное происшествіе должно сильно занимать и живо заинтересовать всѣхъ. Вашему Величеству не трудно догадаться также, что оно прежде всего породило тысячу слуховъ и разговоровъ о сопровождавшихъ его подробностяхъ и только потомъ приступили къ обсужденію принятыхъ мѣръ. Изъ всей массы разговоровъ, которые какъ это и естественно продолжаются и еще долго будутъ продолжаться, должно извлечь одинъ достовѣрный фактъ, а именно, что никто не заблуждается въ опредѣленіи истинной причины недовольства. Ее приписываютъ исключительно полковнику Шварцу, необдуманное и, по словамъ нѣкоторыхъ, деспотическое поведеніе котораго до крайности раздражило солдатъ и породило недовольства среди офицеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, государь, невозможно отыскать другого объясненія для этого неповиновенія.

„Развѣ бы вели себя солдаты съ такой нерѣшительностью, еслибы это неповиновеніе направлялось кѣмъ-нибудь? Развѣ бы не взялись они за оружіе? Развѣ ни постарались бы они искать сочувствія въ другихъ полкахъ, когда всѣми согласно признается, что эти послѣдніе не высказались бы противъ своихъ товарищей. Это—общее мнѣніе, Государь, и если прискорбно, что этотъ первый случай нарушенія дисциплины случился въ рядахъ вашей гвардіи и ваши добрые слуги должны быть глубоко тронуты скорбью, которую испытаетъ Ваше Величество, тѣмъ не менѣе нельзя, съ другой стороны, не найти утѣшенія въ той мысли, что это недовольство арміи, въ противоположность другимъ странамъ, не имѣло никакой политической цѣли; что, имѣя мѣстный характеръ и касаясь только одного полка, она не распространилась дальше этого. Сами принимавшіе въ немъ участіе выказали покорность, мало свойственную людямъ, которые въ раздраженіи, легко могли бы обратиться къ насилію. Если бы мнѣ было позволено высказать мое личное мнѣніе по поводу этого неповиновенія солдатъ, то я призналъ бы его результатомъ не деспотизма полковника Шварца, какъ его изображаютъ въ обществѣ, а его безразсуднаго, несдержаннаго поведенія, безпрестанно приводившаго его къ унижаю-

щимъ и раздражающимъ людей поступкамъ, какъ-то: плевать въ лицо, дергать за усы, наносить удары, произносить оскорбленія по адресу всего войска и т. п.“.

Возмущеніе полка вызвало страшный переполохъ и, какъ министръ вн. дѣлъ, Кочубей спѣшитъ предупредить планы Закревскаго о повальномъ сыскѣ.

„Какъ ни слабы средства нашей полиціи, Государь, писалъ онъ, я все-таки счелъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы узнать, что происходитъ въ полкахъ. Свѣдѣнія, собранныя мной этимъ путемъ и черезъ знакомыхъ въ настоящее время, очень разнообразны. Всѣ согласны теперь только въ одномъ, а именно, что въ общемъ все обстоитъ спокойно и нѣтъ никакихъ дурныхъ признаковъ. По временамъ проявляется неудовольство въ отдѣльныхъ частяхъ и у отдѣльныхъ лицъ, повидимому по поводу нѣкоторыхъ строгостей и излишнихъ требованій въ баталіонѣ и въ одной ротѣ. Прошлые дни слышались отдѣльныя жалобы на усталость и требованія по службѣ, которыя теперь солдаты называютъ „лишней службой“.

Больше всего были напуганы высшіе чины, о настроеніи которыхъ мы читаемъ въ письмѣ Бутурлина.

„Васильчиковъ соединилъ въ генеральномъ штабѣ всѣхъ извѣстнѣйшихъ изъ военныхъ лицъ. Это родъ военнаго совѣщанія былъ въ продолженіе 24 часовъ. При такихъ обстоятельствахъ было благоразумно высказать бдительное вниманіе, чтобы сдержать тѣхъ, которымъ пришла бы въ голову злосчастная мысль въ слѣдующую ночь послѣдовать примѣру семеновцевъ. Ко всему прибавить, что полное число семеновцевъ не оказалось. Человѣкъ четыреста разошлись по разнымъ улицамъ и надо было помѣшать имъ соединиться съ другими войсками. Устроили объѣзды верховыхъ, которые собрали всѣхъ отпавшихъ. Представьте теперь себѣ, генералъ, положеніе города. Части войска, которыя собираются въ разныхъ мѣстахъ города; многочисленная стража кавалеріи, проѣзжающая по городу; колонна солдатъ безъ оружія — съ лицами наполовину разсерженными, наполовину удивленными—направлялись въ крѣпость; группы любопытныхъ или взволнованныхъ обитателей квартала Семеновскихъ казармъ; лавки запираются ранѣе времени. Прибавить къ этому безпокойство тѣхъ, которые знали, что что-то случилось, но не знали, что именно. Представьте себѣ все это и тогда вы узнаете.

„Васильчиковъ просилъ меня отправиться къ англійскому послу, у котораго по понедѣльникамъ большіе [illegible]. Мнѣ предложили

партію въ вистъ, которую я принялъ, чтобы лучше скрыть то волненіе и печаль, которыя мы всѣ испытали. Около полуночи послышался шумъ, произведенный двумя пьяными кучерами, этотъ шумъ произвелъ въ гостиной движеніе общаго страха, который мнѣ выдалъ страхъ, скрытый до сихъ поръ отъ меня дипломатическими пріемами".

Однако больше всего боялись, какъ взглянетъ на событіе Западная Европа, которую увѣряли, что только тамъ „бунты и возмущенія", а въ Россіи этого не можетъ никогда случиться. Интересны мѣры, которыя принимались, чтобы ввести и на этотъ разъ въ обманъ Европу. Тотъ же Кочубей писалъ:

„Хотя я не получалъ, Государь, никакого приказанія, однако я счелъ своимъ долгомъ поручить М. Дивову подъ предлогомъ отсутствія или другимъ какимъ не давать пропускныхъ свидѣтельствъ иностраннымъ курьерамъ въ понедѣльникъ, чтобы В. В. могли получить первыя новости, а иностранные министры могли убѣдиться, что это происшествіе не имѣло никакихъ послѣдствій. Въ то же время я предложилъ М. Дивову, если бы его сталъ спрашивать кто-нибудь изъ дипломатическаго корпуса, отвѣчать, что: „одинъ полковникъ злоупотребилъ своей властью, а солдаты отказались повиноваться, но т. к. русскій уставъ и военная дисциплина ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ никакихъ уклоненій, то виновныхъ строго наказали, тѣмъ все и кончилось.

„Не знаю, Государь, хорошо ли я поступилъ. Я дѣйствовалъ по указанію моего разсудка и прошу вашего снисхожденія.

„В. И. В. разрѣшитъ мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, которое, можетъ быть, ускользнетъ отъ вашего вниманія среди вашихъ важныхъ занятій. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранныя газеты, говоря объ этомъ происшествіи, преувеличатъ его значеніе и представятъ въ иномъ свѣтѣ. Не найдетъ ли В. В. нужнымъ приказать статсъ-секретарямъ департамента иностранныхъ дѣлъ составить нѣсколько газетныхъ статей, которыя бы не носили оффиціальнаго характера и были помѣщены въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ"?

Такъ морочили себя и желали морочить Западъ русскіе бюрократы о событіяхъ въ Семеновскомъ полку, о событіяхъ, которыя далеко не были „неслыханными", какъ писалъ Александръ I (онъ забылъ очевидно ночь 11 марта 1801 года), и которыя поучительны въ сравненіи съ событіями прошлаго года: они показываютъ, что наша бюрократія ничему никогда не можетъ научиться.

Ред.

Нѣчто о среднихъ временахъ.

По дорогѣ отъ Бреславля, 15 мая 1815.

Влѣво за обширными равнинами синѣются горы Силезскія. Гигантскія вершины оныхъ, однѣ предъ другими возвышаясь, скрываются наконецъ въ туманныхъ облакахъ. Нѣкоторыя—покрытыя снѣгомъ, другія—лѣсомъ, представляютъ зрѣлище величественное, благоговѣйное. Это Ризенгебирге. Мракъ необразованности среднихъ временъ вѣрилъ, что тамъ обитаютъ чародѣи. Народныя сказки ближнихъ мѣстъ подтверждаютъ то. Умъ не могъ тогда развиться: духъ необычайнаго суевѣрія и странныхъ предразсудковъ сковалъ его. Все просвѣщеніе таилось во мракѣ стѣнъ монастырскихъ безъ всякой пользы. Монашество, изъ собственныхъ выгодъ, старалось не токмо не выводить народъ изъ того невѣжества, которое въ тогдашнія времена между онымъ царствовало, но погружало оный еще въ глубочайшее. Тогда ужасныя, теперь смѣшныя сказки о духахъ были главнѣйшимъ содержаніемъ ихъ проповѣдей. Народъ толпами стекался слушать оныя и, пересказывая дѣтямъ своимъ, поселялъ въ нихъ суевѣріе и невѣжество, которое съ возрастомъ болѣе и болѣе въ нихъ укоренялось; и когда являлся одинъ умъ — умъ, который могъ быть страшенъ монахамъ, то гроза проклятій отъ сихъ послѣднихъ дотолѣ съ каѳедръ не переставала поражать ихъ, доколѣ оный не умолкалъ или не удалялся. Нерѣдко случалось, что таковые несчастные погибали ужасно... Но явился Лютеръ — предпріимчивый, благоразумный Лютеръ—и гдѣ ярмо несчастныхъ?.. Великій, чудесный духъ! удивляюсь тебѣ и благоговѣю!..

Еще о храбромъ М. Г. Бедрагѣ *).

Послѣ десяти-мѣсячнаго отсутствія возвратившись въ здѣшнюю столицу и прочитывая періодическія изданія, въ продолженіе того времени вышедшія, съ великимъ удовольствіемъ нашелъ я во второй книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" слѣдующую статью:

„Поправка сочинителемъ „Партизанскаго Дневника" ошибки, найденной имъ въ выпискѣ, помѣщенной въ 1-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ".

«... Я никогда не командовалъ 1-мъ эскадрономъ, а командовалъ 1-мъ батальономъ Ахтырскаго гусарскаго полка: тогда гусарскіе полки состояли въ 10 эскадронахъ и раздѣлялись на два батальона; 1-мъ же эскадрономъ командовалъ ротмистръ (что нынѣ л.-г. конно-егерскаго полка полковникъ) Михаилъ Григорьевичъ Бедрага, высокой храбрости и дарованій офицеръ, изувѣченный на священной бородинской битвѣ. Пользуясь вкравшейся опечаткой, я радъ, что имѣю случай изъявить чувства мои товарищу, столько же достойному уваженія на полѣ брани, какъ и въ мирномъ уединеніи, и проч.». Денисъ Давыдовъ.

Такимъ образомъ славный партизанъ нашъ, смѣю сказать, равно оригинальный и на войнѣ, и въ стихотвореніяхъ своихъ, отдалъ предъ публикою должную справедливость храброму и отличному товарищу, подававшему о себѣ великую надежду всѣмъ тѣмъ, которые знали его... Да дозволено будетъ и мнѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ и тѣмъ принести ему должную благодарность отъ лица прежняго моего начальника, извѣстнаго въ артиллеріи своею ревностію и усердіемъ къ службѣ, полковника П. А. Сухозанета, а равно и отъ любезныхъ моихъ товарищей: капитана Н. А. Костомарова, командовавшаго въ корпусѣ гр. Витгенштейна въ концѣ 1812 года особеннымъ летучимъ отря-

*) Письмо къ редактору „Отечественныхъ Записокъ", П. П. Свиньину.

домъ, поручика барона Унгернъ-Штернберга, столь славно отличившагося при Гальберштатѣ въ отрядѣ храбраго Чернышева, и отъ прочихъ—за тѣ ласки и пріятныя бесѣды, коими пользовались мы въ домѣ гг. Бедрагъ въ продолженіе двухъ-лѣтняго пребыванія нашего съ конно-артиллерійскою ротою № 12 въ селѣ Бѣлогорьѣ, что въ Воронежской губерніи.

М. Г. Бедрага служилъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку почти съ самаго малолѣтства, вмѣстѣ съ младшими братьями своими Николаемъ и Сергѣемъ Григорьевичами. И во время мира, и во время войны всѣ они почитались за отличнѣйшихъ офицеровъ, что можетъ засвидѣтельствовать Ахтырскій полкъ и прежній начальникъ онаго, командующій нынѣ гвардейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ Л. В. Васильчиковъ. М. Г. Бедрага въ чинѣ поручика до роковой раны своей командовалъ лейбъ-эскадрономъ и довелъ его до такой степени совершенства, что многіе гг. генералы и штабъ-офицеры, привлекаемые молвою, изъ за нѣсколько сотъ верстъ пріѣзжали смотрѣть оный. Будучи самыхъ высокихъ понятій о чести и благороденъ чувствами и поступками, онъ умѣлъ вдохнуть и въ нижнихъ чиновъ духъ свой и любовь къ чести. Если кто-нибудь изъ нихъ изобличенъ бывалъ въ какомъ-либо постыдномъ дѣлѣ, то весь эскадронъ, какъ бы стыдясь имѣть такого товарища, чуждался его. Всегда постоянно строгій къ себѣ, онъ строгъ былъ и къ подчиненнымъ, но какъ строгость его никогда не выходила за предѣлы благоразумія и не обращалась въ жестокость, то онъ не только не заставлялъ роптать ихъ, но напротивъ, вселялъ къ себѣ глубочайшее почтеніе и почти дѣтскую привязанность; такъ что когда онъ былъ раненъ, эскадронъ, какъ бы приведенный въ ужасъ, замѣшался, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней, по увѣренію нѣкоторыхъ офицеровъ Ахтырскаго полка, находился въ примѣтномъ унынии.

Эскадронъ его, не только на кантониръ-квартирахъ, но даже и въ быстрыхъ переходахъ во время отечественной войны щеголялъ чистотою и исправностью. Во время ужасовъ сраженія гусары его, какъ будто на ученьи, хранили глубокое молчаніе, строились въ примѣрномъ порядкѣ, подъ картечами стояли неподвижно и какъ бы прикованные, взоры свои не сводили съ начальника, на лицѣ коего блистало хладнокровіе и грозная храбрость. Въ бородинской битвѣ, сраженный пулею близъ самаго виска, онъ упалъ... Нѣсколько гусаровъ подскочили къ нему, дабы подать помощь. Отъ чрезмѣрной боли бывъ не въ

состояніи ни слова сказать, но и въ сіе роковое мгновеніе думая единственно о пользѣ любезнаго отечества, онъ отвергъ услуги ихъ, указывая на непріятеля.

Сія-то жестокая язва, лишивъ его возможности продолжать службу, для коей онъ, можно сказать, родился, лишила отечество одного изъ отличнѣйшихъ сыновъ его, армію—храбраго и искуснаго воина, офицеровъ—рѣдкаго умомъ и способностями товарища, подчиненныхъ—примѣрнаго начальника.

Теперь живетъ онъ Воронежской губерніи въ селѣ Бѣлогорьѣ, въ совершенномъ уединеніи. Тамъ-то имѣлъ я счастливый случай познакомиться съ нимъ и пріобрѣсть лестное для меня дружество.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, нѣкоторыя черты храбраго воина. Если письма подобнаго содержанія имѣютъ мѣсто въ „Отечественныхъ Запискахъ", то вы одолжите помѣщеніемъ въ нихъ сего [1]).

Кондратій Рылѣевъ.

С-Петербургъ. Ноября 20 дня 1820.

Провинціалъ въ Петербургѣ.

1.

ПЕРВЫЙ ВЫѢЗДЪ. МАГАЗИНЫ.

Пріѣхавъ съ женою въ Петербургъ, котораго ни *я*, ни она родясь еще не видали, захотѣлось намъ побывать въ немъ *вездѣ* и посмотрѣть *на все*. Вслѣдствіе сего намѣренія, на другой же день нашего пріѣзда предположили мы начать осмотръ свой съ храма Казанской Богоматери: „въ которомъ-де кстати, промолвила жена моя,—и отслужимъ, по долгу добрыхъ христіанъ, благодарственный молебенъ за благополучное совершеніе нашего пути, а оттуда, душенька, заѣдемъ въ магазинъ мадамъ А..." На первое предложеніе, какъ на богоугодное, я согласился съ удовольствіемъ, но при второмъ, признаюсь чистосердечно, отъ страху я невольно затрепеталъ, лобъ мой покрылся морщинами и брови нахмурились... Жена моя, хотя и не читывала Лафатера, но въ четыре года замужества такъ успѣла всмотрѣться во всѣ черты лица моего, что по малѣйшему движенію умѣетъ

[1]) Отечественныя записки, 1820 г., ч. IV.

узнавать сокровеннѣйшія мысли мои. Примѣтивъ, вѣроятно, что я готовлюсь противорѣчить ей, она подскочила ко мнѣ и такъ нѣжно, такъ сладко поцѣловала, что всѣ мои морщины, подобно тучамъ отъ дуновенія вѣтра, исчезли, и я приказалъ Трифону (который, если не хвастаетъ, знаетъ Петербургъ *и вдоль и поперекъ*) надѣть свою ливрею и съ запятокъ указывать кучеру дорогу.

Едва проѣхали мы нѣсколько саженъ по Невскому проспекту, какъ жена моя вскричала: „Ахъ, другъ мой, посмотри, какая безподобная шляпка! Заѣдемъ, пожалуйста!“—Что̀ ты! Въ умѣ ли? Развѣ позабыла, что мы не отслужили еще молебна! — „Другъ мой, ангелъ, утѣшь же меня! Ну, самъ посмотри: что за шляпка на мнѣ! Какъ я буду стоять въ Казанской? Я сгорю со стыда!“ Она проговорила это съ такимъ жаромъ и такъ громко, что и проѣзжающіе и проходящіе оглянулись на насъ. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорѣй приказалъ поворотить сани и привезъ ее въ магазинъ.

— Что вамъ угодно?—спросила насъ француженка, не приподнявшись даже со стула своего. Она, вѣрно, встрѣтила насъ по платью...

— Вотъ эту шляпку,—сказалъ я,—указывая на ту, которая соблазнила жену мою.

— Подай!—сказала француженка одной изъ сидѣвшихъ за рукодѣльемъ дѣвицъ.

Шляпокъ было множество и одна другой лучше! Прежняя не обращала уже на себя вниманія. Ее поставили на свое мѣсто,— и начался переборъ, который продолжался около часа. Сама мадамъ подошла на помощь—и, наконецъ, шляпка выбрана. Только я приготовился отсчитать 120 руб., какъ былъ остановленъ сими словами:

— Постой, другъ мой! Я еще хочу взять этотъ эшарпъ.

— Не угодно ли, сударыня,—спросила мадамъ съ чрезвычайною вѣжливостію,—взять еще чего-нибудь? У меня теперь очень много новостей изъ Парижа.

— Изъ Парижа? Ахъ, покажите, пожалуйста!

И услужливая торговка начала выдвигать ящики и отпирать шкафы. Не болѣе какъ въ двѣ минуты столы были завалены: матеріи разныхъ сортовъ, платки, платочки, блонды, кружева лежали въ самомъ соблазнительномъ безпорядкѣ.

Между тѣмъ какъ на лицѣ жены моей, у которой, какъ говорится, разбѣжались глаза, было написано удовольствіе и радость,

сердце мое билось такъ сильно, такъ сильно... какъ стѣнные часы! Мнѣ весьма было досадно и на жену мою, и на модную торговку. Я предчувствовалъ, что отъ прихотей первой и отъ услужливости другой бумажникъ мой можетъ истощиться. Разсудокъ безпрестанно твердилъ мнѣ: пора для собственнаго благополучія сдѣлать формальную ретираду; но природная моя застѣнчивость и боязнь услышать отъ вѣжливой и услужливой мадамъ А. какое-нибудь непріятное привѣтствіе, не позволили мнѣ воспользоваться добрымъ совѣтомъ его. Я безмолвствовалъ, торговка безъ умолку лепетала, дѣвушки какъ угорѣлыя бѣгали по магазину съ модною дрянью, а жена моя съ жадностію пересматривала все. Наконецъ, выбравъ себѣ матеріи и на капотъ, и на платья—съ длинными и короткими рукавами, два эшарпа, изъ коихъ одинъ *тру-тру*, блондъ и нѣсколько платочковъ, жена моя попросила все уложить въ кордонъ. Я заплатилъ пятьсотъ-семьдесятъ-пять рублей, и мы отправились далѣе. Мадамъ А. проводила насъ до самыхъ дверей, отворила ихъ и наговорила столько вѣжливостей, что самымъ мелкимъ письмомъ не упишешь и половины изъ оныхъ на цѣломъ листѣ. Она, вѣрно, проводила насъ по покупкѣ.

Только спустились мы съ Полицейскаго моста, какъ, взглянувъ налѣво, жена моя опять вскричала: „Ахъ, другъ мой, что мы сдѣлали! Стой, Федотъ!“ Кучеръ остановился. Я перепугался и подумалъ, не позабыла ли она чего въ магазинѣ, или не оставилъ ли я въ немъ бумажника своего, въ которомъ было еще четыреста-двадцать-пять рублей, кромѣ пятнадцати рублей, особенно отложенныхъ для молебна; я осмотрѣлся и удостовѣрился, что послѣдней бѣды еще не случилось.

— Что-жъ сдѣлали мы, и куда ты ведешь меня? - спросилъ я у жены, которая, взявъ меня за руку, почти тащила на лѣстницу.

— Ужасную глупость!—отвѣчала она.

— Какую же?

— Ту, что купили шляпку не въ этомъ магазинѣ. Я видѣла въ окошко одну такую, какой родясь еще не видывала.

— Сумасшедшая!—вскричалъ я. Но двери были уже отперты, и мы вошли. Жена моя и здѣсь принялась пересматривать и перебирать модныя вещи, только-что привезенныя изъ Парижа. Мадамъ Б. услуживала еще ловче, нежели мадамъ А., и особенно умѣла прельстить одною шляпкою и модными часами съ золотою цѣпочкою. Я было рѣшился вооружиться всѣмъ моимъ хладнокро-

віемъ, не слушать никакихъ просьбъ и убѣжденій и тѣмъ сохранить бумажникъ свой отъ конечнаго разоренія, почему, принявъ рѣшительный видъ, сказалъ твердымъ голосомъ: „Теперь у меня нѣтъ денегъ. Заѣдемъ завтра!“ Но жена моя такъ нѣжно взглянула на меня, какъ еще ни разу не взглядывала, — даже и въ самый день свадьбы нашей. Я растаялъ... и спросилъ:

— Что стоютъ часы сіи и шляпка?

— Ровно пятьсотъ рублей.

— Не дорого ли?

— Помилуйте! Мы лишняго никогда не просимъ: это весь городъ знаетъ! Мы никого не грабимъ.

При сихъ словахъ мадамъ сдѣлала такой суровый видъ, какъ будто бы я обидѣлъ ее ужаснѣйшимъ образомъ. „Что дѣлать, потѣшу жену и удовлетворю мадамъ“, подумалъ я и, вынувъ бумажникъ, отдалъ послѣдніе изъ онаго четыреста сорокъ рублей, включая въ то число и пятнадцать, взятыхъ на молебенъ. Потомъ вынулъ я и кошелекъ, въ которомъ какъ будто нарочно было золота и серебра ровно на шестьдесятъ рублей. Расплатившись такимъ образомъ и простясь съ удовлетворенною француженкою, сѣли мы въ сани.

— Куда же мы теперь поѣдемъ?—спросилъ я у жены.

— Какъ куда, другъ мой? А къ Казанской — ты развѣ позабылъ?

— Да зачѣмъ? Вѣдь мы хотѣли молебенъ отслужить, а у меня, по милости твоей, не осталось теперь ни копѣйки. Что дѣлать! Поворачивай, Федотъ! Поѣдемъ домой.

Такимъ образомъ возвратились мы къ себѣ въ домъ, не только не отслуживъ молебна, но даже не видѣвъ Казанскаго собора. Теперь я вотъ уже трое сутокъ безвыходно сижу дома. Боюсь выйти. Что мнѣ дѣлать, самъ не знаю! Первый выѣздъ стоилъ мнѣ тысячи семидесяти пяти рублей. Что, если и второй, и третій столько же будутъ стоить? Ѣхать вмѣстѣ съ женою—бѣда! Одну ее отпустить—и того опаснѣе. Самъ выѣхать—боюсь; ибо, судя по неотступнымъ просьбамъ жены, чтобы опять ѣхать въ Казанскій соборъ, я подозрѣваю, что она снова умышляетъ навѣстить или мадамъ А., или мадамъ Б., или незнакомую еще мадамъ В., которую особенно рекомендовала женѣ моей двоюродная сестрица.

2.

ДРЕВНІЕ И НОВЫЕ.

— Что тутъ удивительнаго, сестрица! Люди всегда и вездѣ люди! говорилъ нашъ уѣздный судья.

Люди всегда и вездѣ люди!.. Какъ это прекрасно сказано! Сіе изреченіе, конечно, принадлежитъ какому-нибудь *древнему* мудрецу, который зналъ свѣтъ, какъ Трифонъ Петербургъ—и вдоль и поперекъ. Готовъ биться объ закладъ, что *новые* не скажутъ такъ коротко и вмѣстѣ такъ ясно.

— Какъ же бы они сказали?—спросила меня двоюродная сестрица, которая не терпитъ ничего *стараго.*

— Они вѣрно бы сказали: „*Люди* и во времена патріарховъ, и во времена фараоновъ, и въ золотой вѣкъ Греціи, и въ славные дни Рима, т.-е. *всегда,* и на востокѣ, и на западѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ, т.-е. *вездѣ,* были, какъ и въ наше время,—злы, лицемѣрны, низки, подлы, льстивы, глупы, жестоки, коварны, любопытны, невѣрны, слабы, несправедливы...“ Но, сударыня, если я стану продолжать, то, вѣрно, и въ цѣлый часъ не кончу, ибо *новые* такъ плодовиты, такъ болтливы, что каждую мысль, которую бъ *древніе* выразили въ нѣсколькихъ словахъ, распространятъ, разукрасятъ, распестрятъ съ такимъ усердіемъ, что едва оная умѣстится и на двухъ страницахъ. Да и кому можетъ нравиться долгій періодъ? Онъ утомителенъ...

— Воля ваша,—сказала сестрица,—думать какъ вамъ угодно, а мнѣ *новые* нравятся гораздо болѣе, нежели *древніе.*

Кто переспоритъ женщину, а особливо такую, какъ моя сестрица? Что однажды возьметъ она себѣ въ голову, того уже ничѣмъ не вытѣснишь изъ нея. Такъ, напримѣръ, она утверждаетъ и твердо стоитъ въ томъ, что „Липецкія воды“ несравненно превосходнѣе „Недоросля“. Сколько я ни опровергалъ сіе странное мнѣніе, но никакъ не могъ оспорить онаго. Я говорилъ, что характеры въ „Липецкихъ водахъ“ не выдержаны; она, напротивъ, увѣряла, что они и выдержаны, и списаны еще съ натуры, и именно главное лицо и есть настоящій портретъ княгини N., съ которою сестрица не ладитъ. „Когда сужденіемъ управляетъ ненависть или пристрастіе, можно ли тогда ожидать справедливости“, подумалъ я и—замолчалъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели полюбопытствуютъ узнать, къ чему сказалъ я сестрицѣ: люди всегда и вездѣ люди.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Сестрица, которой новости обѣихъ столицъ и даже изъ нашей степной губерніи сообщаются посредствомъ ея корреспондентовъ съ непостижимою скоростію, пріѣхала удивить меня и жену мою вѣстью, полученною ею изъ нашего уѣзднаго городка.

— Знаете ли вы госпожу Зефирину?

— Боже мой, какъ не знать!—вскричала жена моя:—она первая красавица въ нашемъ уѣздѣ и хотя, по бѣдности родителей своихъ, не имѣла за собою ничего, но по счастію вышла за одного хотя и *стараго*, но богатаго и добраго человѣка, который женитьбою своею составилъ не только для нея, но и для всѣхъ родственниковъ ея счастіе, помогая имъ въ нуждахъ и воспитывая дѣтей ихъ на свой счетъ.

— Ну, такъ поздравьте же благодѣтельнаго помѣщика: Зефирина бросила *старика* и бѣжала съ однимъ *молодымъ* драгунскимъ офицеромъ.

— Какая ужасная неблагодарность!—вскричала жена моя, и на лицѣ ея изобразилось негодованіе.

— Вотъ, братецъ, какіе казусы случаются нынѣ и у васъ въ степи!

— Что-жъ тутъ удивительнаго, сестрица?—сказалъ я: — *люди всегда и вездѣ люди*! [1])

Чудакъ.

Угрюмовъ былъ странный человѣкъ: онъ ненавидѣлъ женщинъ и, не вѣря добродѣтели ихъ, вездѣ поносилъ прекрасныхъ. За два года предъ симъ писалъ онъ другу своему:

„Представь себѣ: батюшка было вздумалъ меня женить и, не сказавъ мнѣ ни слова, повезъ къ Добронравову. На половинѣ дороги признался онъ, что ѣдетъ сватать за меня Лизу, старшую дочь сего стараго своего друга, сослуживца и сосѣда.—Но развѣ не знаете вы, что сынъ вашъ никогда не намѣренъ жениться?—сказалъ я ему.—Почему?—спросилъ онъ сурово.—Потому, что я ненавижу женщинъ.—Такой вздоръ и слушать я не хочу. Ты долженъ непремѣнно жениться, и жениться на Лизѣ, если не имѣешь

---

[1]) Перв. напеч. „Невскій Зритель" 1821, ч. V.

въ виду другой дѣвицы. — Но, батюшка, мнѣ ни Лиза, никто не нравится: вы сдѣлаете насъ несчастными. — И это вздоръ! Женись! Я тебѣ приказываю. — Такъ рѣшительно батюшка никогда еще не говорилъ мнѣ; я заключилъ, что онъ рѣшился женить меня во что бы то ни стало! Между тѣмъ мы подъѣхали къ дому Доброправовыхъ. Входимъ и застаемъ все семейство въ гостиной. Лиза имѣетъ видъ весьма привлекательный. Что, подумалъ я, еслибы и душевныя ея качества соотвѣтствовали наружнымъ! Я бы могъ быть счастливымъ... Но мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любитъ шутить, рѣшился открыться ей самой, что я не могу быть ея супругомъ. Избравъ удобный случай, когда старики удалились, я безъ дальнихъ околичностей объяснился съ нею. Она дала слово отказать мнѣ и исполнила оное. Теперь, слава Богу, я спокоенъ. Батюшка не тревожитъ меня, и я восхищаюсь, что такимъ образомъ избавился отъ ужаснаго несчастія— *быть женатымъ*".

Шутливый другъ отвѣчалъ чудаку въ слѣдующихъ выраженіяхъ:
„Съ боязнію за тебя читалъ я послѣднее письмо твое; оно дышетъ ненавистью къ нѣжному полу... Или ты забылъ, какая участь постигла смѣльчака Тирезія, дерзнувшаго только отдать преимущество мужскому полу предъ женскимъ (что онъ одинъ только и былъ въ состояніи справедливо сдѣлать, бывъ и мужчиною, и женщиною). Юнона, мстя ему за сіе и, вѣроятно, затѣмъ, дабы онъ впредь не видѣлъ недостатковъ пола ея, безчеловѣчно лишила его зрѣнія, котораго, конечно, не промѣнялъ бы онъ на даръ пророчества, коимъ за оказанную справедливость надѣлилъ его царь боговъ и человѣковъ. Ревнуя ко благу друзей моихъ, поставляю себѣ за священную обязанность предостеречь тебя, дабы ты, говоря впредь о миломъ полѣ, былъ нѣсколько поосторожнѣе, если только не желаешь на самомъ себѣ испытать несчастіе Тирезія, тѣмъ вѣрнѣе, что Юноны нашего времени нимало не снисходительнѣе и не хуже Юноны лѣтъ древнихъ. Красота многихъ изъ нихъ ослѣпительна, и если ты не надѣленъ отъ Гермеса, подобно Улиссу, чудесною травкою моли, предохраняющею отъ очарованія красоты, то будь увѣренъ, что никакія средства не спасутъ тебя отъ сѣтей какой-нибудь красавицы—слѣдственно, и отъ ослѣпленія; даже непобѣдимое хладнокровіе того философа, надъ которымъ славная Лаиса, тщетно истощивъ всѣ средства обольстительнаго искусства хитрыхъ гетеръ, сказала наконецъ, что она взялась прельщать *человѣка*, а не *статую*.

„Такъ, любезный другъ, я боюсь за тебя. Нѣжный полъ, тобою оскорбленный, будетъ непремѣнно отомщенъ".

И представьте: боязнь шутливаго друга была справедлива! По прошествіи года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посѣщая ихъ, чудакъ непримѣтно влюбился въ прежнюю свою невѣсту и на опытѣ дознадъ, что и женщины могутъ быть добродѣтельными, ибо Лиза, не смотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась вѣрною супругою Ариста, за котораго отдана была противъ желанія [1]).

Нѣсколько мыслей о поэзіи.

(отрывокъ изъ письма къ N. N.).

Споръ о романтической и классической поэзіяхъ давно уже занимаетъ всю просвѣщенную Европу, а недавно начался и у насъ. Жаръ, съ которымъ споръ сей продолжается, не только отъ времени не простываетъ, но еще болѣе и болѣе увеличивается. Не смотря однакожъ на это, ни романтики, ни классики не могутъ похвалиться побѣдою. Причины сему, мнѣ кажется, тѣ, что обѣ стороны спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ, и что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная, самобытная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣ же.

Приступимъ къ дѣлу.

Въ средніе вѣка, когда заря просвѣщенія уже начала заниматься въ Европѣ, нѣкоторые ученые люди избранныхъ ими авторовъ для чтенія въ классахъ и образца ученикамъ назвали классическими, т.-е. образцовыми. Такимъ образомъ Гомеръ, Софоклъ, Виргилій, Горацій и другіе древніе поэты наименованы поэтами классическими. Учители и ученики отъ души вѣрили, что только слѣпо подражая древнимъ и въ формахъ и въ духѣ поэзіи ихъ, можно достигнуть до той высоты, до которой они достигли, и сіе-то несчастное предубѣжденіе, сдѣлавшееся общимъ, было причиною ничтожности произведеній бо́льшей части новѣйшихъ поэ-

[1]) Перв. напеч. „Невскій Зритель" 1821 г. ч. V.

товъ. Образцовыя творенія древнихъ, долженствовавшія служить только поощреніемъ для поэтовъ нашего времени, замѣняли у нихъ самые идеалы поэзіи. Подражатели никогда не могли сравниться съ образцами и, кромѣ того, они сами лишали себя силъ своихъ и оригинальности, а если и производили что-либо превосходное, то, такъ сказать, случайно и всегда почти только тогда, когда предметы твореній ихъ взяты были изъ древней исторіи и преимущественно изъ греческой, ибо тутъ подражаніе древнему замѣняло изученіе духа времени, просвѣщенія вѣка, гражданственности и мѣстностей страны того событія, которое поэтъ желалъ представить въ своемъ сочиненіи. Вотъ почему „Меропа", „Эсѳирь", „Митридатъ" и нѣкоторыя другія творенія Расина, Корнеля и Вольтера превосходны. Вотъ почему всѣ творенія сихъ же или другихъ писателей, предметы твореній которыхъ почерпнуты изъ новѣйшей исторіи, а вылиты въ формы древней драмы, почти всегда далеки совершенства.

Наименованіе классиками безъ различія многихъ древнихъ поэтовъ не одинаковаго достоинства принесло ощутительный вредъ новѣйшей поэзіи и понынѣ служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ сбивчивости понятій нашихъ о поэзіи вообще, о поэтахъ въ особенности. Мы часто ставимъ на одну доску поэта оригинальнаго съ подражателемъ: Гомера съ Виргиліемъ, Эсхила съ Вольтеромъ. Опутавъ себя веригами чужихъ мнѣній и обезкрыливъ подражаніемъ генія поэзіи, мы влеклись къ той цѣли, которую указывала намъ формула Аристотеля и бездарныхъ его послѣдователей. Одна только необычайная сила генія изрѣдка прокладывала себѣ новый путь, и облетая цѣль, указанную педантами, рвалась къ собственному идеалу. Когда же явилось нѣсколько такихъ поэтовъ, которые, слѣдуя внушенію своего генія, не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзіи, подарили Европу своими оригинальными произведеніями, тогда потребовалось классическую поэзію отличить отъ новѣйшей, и нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзію романтическою, вмѣсто того, чтобы назвать просто новою поэзіею. Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гёте—наименованы романтиками. Къ сему прибавить должно, что самое названіе романтическій взято изъ того нарѣчія, на которомъ явились первыя оригинальныя произведенія трубадуровъ. Сіи пѣвцы не подражали и не могли подражать древнимъ, ибо тогда уже отъ смѣшенія съ разными варварскими языками языкъ греческій былъ искаженъ, латинскій раз-

вѣтвился, и литература обоихъ сдѣлалась мертвою для народовъ Европы.

Такимъ образомъ поэзіею романтическою назвали поэзію оригинальную, самобытную, а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ, всѣ лучшіе греческіе поэты-романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя по правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты не изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ и не признаютъ таковыми. Изъ всего вышесказаннаго не выходитъ ли, что ни романтической, ни классической поэзіи не существуетъ? Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она различается только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появлялась. Вообще можно раздѣлить поэзію на древнюю и новую. Это будетъ основательнѣе. Наша поэзія болѣе содержательная, нежели вещественная: вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ; у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей. Новая поэзія имѣетъ еще свои подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу вѣковъ, въ коихъ появлялись ея геніи. Таковы „Divina Comedia“ Данта, чародѣйство въ поэмѣ Тасса, Мильтонъ, Клопштокъ съ своими высокими религіозными понятіями, и наконецъ, въ наше время поэмы и трагедіи Шиллера, Гёте и особенно Байрона, въ коихъ живописуются страсти людей, ихъ сокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему-то высокому, къ чему-то безконечному.

Я сказалъ выше, что формамъ поэзіи вообще придаютъ слишкомъ много важности. Это также важная причина сбивчивости понятій нашего времени о поэзіи вообще. Тѣ, которые почитаютъ себя классиками, требуютъ слѣпого подражанія древнимъ и утверждаютъ, что всякое отступленіе отъ формъ ихъ есть непростительная ошибка. Напримѣръ, три единства въ сочиненіи драматическомъ — у нихъ есть непремѣнный законъ, нарушеніе коего ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Романтики, напротивъ, отвергая сіе условіе, какъ стѣсняющее свободу генія, полагаютъ достаточнымъ для драмы единство цѣли. Романтики въ этомъ случаѣ имѣютъ нѣкоторое основаніе. Формы древней драмы, точно какъ формы древнихъ республикъ, намъ не въ пору. Для Аѳинъ, для Спарты и другихъ республикъ древняго міра чистое народоправ-

леніе было удобно, ибо въ ономъ всѣ граждане безъ изъятія могли участвовать. И сія форма правленія ихъ не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекла изъ природы вещей, была необходимостью того положенія, въ какомъ находились тогда гражданскія общества. Точно такимъ же образомъ триединства греческой драмы въ тѣхъ твореніяхъ, гдѣ оныя встрѣчаются, не изобрѣтены нарочно древними поэтами, а были естественнымъ послѣдствіемъ существа предметовъ ихъ твореній. Всѣ почти дѣянія происходили тогда въ одномъ городѣ или въ одномъ мѣстѣ; это самое опредѣляло и быстроту, и единство дѣйствія.

Многолюдность и неизмѣримость государствъ новыхъ, степень просвѣщенія народовъ, духъ времени, словомъ, всѣ физическія и нравственныя обстоятельства новаго міра опредѣляютъ и въ политикѣ, и въ поэзіи поприще, болѣе обширное. Въ драмѣ три единства уже не должны и не могутъ быть для насъ непремѣннымъ закономъ, ибо театромъ дѣяній нашихъ служитъ не одинъ городъ, а все государство, и по бóльшей части такъ, что въ одномъ мѣстѣ бываетъ начало дѣянія, въ другомъ продолженіе, а въ третьемъ видятъ конецъ его. Я не хочу этимъ сказать, что мы вовсе должны изгнать три единства изъ драмъ своихъ. Когда событіе, которое поэтъ хочетъ представить въ своемъ твореніи, безъ всякихъ усилій вливается въ формы древней драмы, то разумѣется, что и три единства не только тогда не лишнее, но иногда даже необходимое условіе. Нарочно только не надобно искажать историческаго событія для соблюденія трехъ единствъ, ибо въ семъ случаѣ всякая вѣроятность нарушается. Въ такомъ быту нашихъ гражданскихъ обществъ намъ остается полная свобода, смотря по свойству предмета, соблюдать три единства, или довольствоваться однимъ, т.-е. единствомъ происшествія или цѣли. Это освобождаетъ насъ отъ веригъ, наложенныхъ на поэзію Аристотелемъ.

Замѣтимъ однакожъ, что свобода сія, точно какъ наша гражданская свобода, налагаетъ на насъ обязанности труднѣйшія тѣхъ, которыхъ требовали отъ древнихъ три единства. Труднѣе соединить въ одно цѣлое разныя происшествія такъ, чтобы они гармонировали въ стремленіи къ цѣли и составляли совершенную драму, нежели написать драму съ соблюденіемъ трехъ единствъ разумѣется, съ предметами, равномѣрно благодарными. Много также вредитъ поэзіи суетное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и мнѣ кажется, что тѣ справедливы, которые утверждаютъ, что

поэзіи вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по сю пору никто еще не опредѣлилъ ее удовлетворительнымъ образомъ: всѣ опредѣленія были или частныя, относящіяся до поэзіи какого-нибудь вѣка, какого-нибудь народа, или поэта, или общія со всѣми словесными науками, какъ Ансильоново [1]).

Идеалъ поэзіи, какъ идеалъ всѣхъ другихъ предметовъ, которые духъ человѣческій стремится обнять, безконеченъ и недостижимъ, а потому и опрелѣленіе поэзіи невозможно, да мнѣ кажется, и безполезно. Еслибъ было можно опредѣлить, что такое поэзія, то можно-бъ было достигнуть и до высочайшаго идеала оной, а когда бы въ какомъ-нибудь вѣкѣ достигли до него, то что̀ бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось perpetuum mobile?

Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе къ нимъ, но отнюдь не благоговѣніе, ибо это противно законамъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинства человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, препятствующій приблизиться къ превозносимому поэту и даже видѣть въ немъ недостатки. Итакъ, будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея и, оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ [2]).

---

[1]) По мнѣнію Ансильона, „поэзія есть сила выражать идеи посредствомъ слова, или свободная сила представлять, помощью языка, безконечное подъ формами конечными и опредѣленными, которыя бы въ гармонической дѣятельности говорили чувствомъ сообщенію и сужденію“. Но сіе опредѣленіе идетъ и къ философіи, идетъ и ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, которыя выражаются словомъ. Многіе также (см. „Вѣсти. Евр.“ 1825, № 17, стр. 26), соображаясь съ ученіемъ новой философіи нѣмецкой, говорятъ, что сущность романтической (по нашему истинной) поэзіи состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нея необходимому стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ поэтовъ сего рода. Но не въ этомъ ли состоитъ сущность и философія всѣхъ изящныхъ наукъ?

[2]) Перв. напеч. Сынъ Отечества 1825 г. ч. CIV.

Планы и программы.

Духъ времени или судьба рода человѣческаго.

I. Человѣкъ отъ дикой свободы стремится къ деспотизму; невѣжество причиною тому.

1. Первобытное состояніе людей. Дикая свобода.

2. Покушенія деспотизма. Раздѣленіе политики, нравственности и религіи.

3. Греція. Свобода гражданская, философы, цари.

4. Римъ. Его владычество. Свобода въ немъ. Цезарь. Духъ времени.

5. Римъ порабощенный.

6. Христосъ.

II. Человѣкъ отъ деспотизма стремится къ свободѣ; причиною тому просвѣщеніе.

1. Гоненія на христіанъ распространяютъ христіанство. Распри ихъ.

2. Феодальная система и крестовые походы. Духъ времени.

3. Лютеръ, свободомысліе въ религіи. Духъ времени.

4. Французская революція. Свободомысліе въ политикѣ.

5. Наполеонъ. Сверженіе его. Духъ времени.

6. Борьба народовъ. Начало соединенія религіи, нравственности и политики.

Мазепа. Гетманъ Малороссіи. Угрюмый семидесятилѣтній старецъ. Человѣкъ властолюбивый и хитрый; великій лицемѣръ, скрывающій свои злыя намѣренія подъ желаніемъ блага къ родинѣ.

Галаганъ. Полковникъ. Человѣкъ обыкновенный.

Зеленскій. Іезуитъ. Другъ Мазепы.

Орликъ. Генеральный писарь. Хитрый честолюбецъ.

Кочубей. Мстительный человѣкъ.

Любовь. Жена его. Твердая и благородная женщина.

Матрена. Дочь ихъ. Любовница Мазепы. Пылкая дѣвушка.

Искра. Полтавскій полковникъ, своякъ Кочубея.

Святаило. Духовникъ Кочубея }
Глуховецъ. Писарь Кочубея } Друзья Кочубея.
Яковлевъ. Перекрестъ }
Чуикѣвичъ. Своякъ Кочубея }

Чечель. Полковникъ, преданный Мазепѣ. Отчаянная голова.

Войнаровскій. Племянникъ Мазепы. Пылкій, благородный молодой человѣкъ.

Скоропадскій. Преданный Петру.

Апостолъ }
Чар.... } Полковники.

Полуботко, молодой человѣкъ, пылающій любовью къ родинѣ и благу соотечественниковъ, рѣшительный казакъ. Гордый и благородный человѣкъ.

Вельяминовъ-Зерновъ }
Ломяковскій, генералъ обозный } Судьи, друзья Мазепы.
А. Гамалѣя, генералъ асаулъ. }

К..., асаулъ ....

Казаки. Сердюки. Русскіе солдаты.

Орликъ—хитрецъ, представляющій при случаѣ Мазепу преданнымъ Россіи.

Прометей.

1. Юпитеръ. Сверженіе Сатурна. Прометей обмануть.
2. Прометей возмущаетъ Титановъ. Они побѣждены.
3. Прометей, прикованный къ Кавказу. Смерть его.

Или еще:

Промыслъ. Духъ времени. Геній Греціи. Геній Рима. Геній Россіи. Геній Франціи. Геній Британіи. Геній Америки. Геній Азіи. Геній Африки. Геній Европы. Врагъ человѣческій. Духи зла.

Судьба Россіи.

1. Распри въ Новгородѣ. Рюрикъ.
2. Владиміръ. Введеніе христіанства. Удѣлы.
3. Нашествіе Батыя.
4. Іоаннъ III. Уничтоженіе удѣловъ.
5. Петръ Великій.
6. Вѣкъ Александра.

Дворъ Екатерины.

Потемкинъ, Зубовъ, Орловы, Ланской и между Суворовъ, Румянцевъ, Дидеротъ, Панинъ, Державинъ, Павелъ съ причтомъ Гатчинскимъ, Лагарпъ, Александръ, Екатерина—наставница его. Сегюръ, Кобенцель, Делиль, Іосифъ, Таврида, Петербургъ, Москва, Царское Село. Гатчино, Революція во Франціи. Покушенія шведовъ. Польша. Праздникъ Потемкина. Запорожцы, Головатой и проч.

Переселеніе казаковъ.

Первое переселеніе казаковъ въ Рыбинскъ (слободскіе полки) случилось при Богд. Хмельницкомъ изъ Кіевскаго, Бѣлоцерковскаго, Переяславскаго полковъ, по неудовольствію на гетмана.

Второе — при немъ же изъ пограничныхъ съ Польшею мѣстъ, ... изъ жившихъ околицами и куренями около рѣкъ Стыри, Слуни, Припети и Сожи. Они сѣли у Донца и составили Изюмскій полкъ.

Третье—при немъ же: разоренные жители разныхъ мѣстъ Малороссіи при нашествіи Четвертинскаго; они поселились при р. Сулѣ, Псіолу и Ворсклѣ; изъ (нихъ) составились Сумскій, Ахтырскій и Харьковскій полки. Они впослѣдствіи умножились и другими малороссійскими выходцами.

Четвертое — во время нашествія турокъ на Заднѣпровье, многіе, Дорошенко...“

Изъ жизни Кавказа.

Смерть лезгинца на груди казака.

Разсказъ казака злодѣя: его любовь, коварство, ... любовницы Его мученья, сонъ. Убійство... Взятіе...; плѣнная Асіата.

Онъ влюбляется въ Асіату. Кто она? Онъ возвращаетъ ее ея брату.

Обряды; клятва и рѣшеніе его объ Асіатѣ; мужу ея угрозы. Смерть ея.

Онъ любитъ Асіату, но старается преодолѣть въ себѣ страсть: онъ предназначилъ себѣ славное дѣло, съ которымъ онъ долженъ погибнуть непремѣнно, и всѣ цѣли свои приноситъ въ жертву; онъ радуется до восхищенія чужою храбростью и добродѣтелью и каждымъ великодушнымъ поступкомъ трогается до слезъ, а самъ совершаетъ чудныя дѣла, вовсе того не замѣчая. Міръ для него пустъ; другъ убитъ, онъ отмстилъ за его смерть; жизнь для него бремя, онъ алчетъ истребиться и живетъ только для цѣли своей; онъ ненавидитъ людей, но любитъ все человѣчество, обожаетъ Россію и всѣмъ готовъ жертвовать ей; онъ презрѣлъ людей, но не разлюбилъ ихъ. Никто болѣе его не имѣетъ враговъ и друзей въ горахъ.

Нравы казаковъ; храбрость награждается красотою, трусость наказывается; возвращеніе изъ похода.

Точки въ этомъ наброскѣ означаютъ неразобранное. Бумага 1824 г.

Отрывки и замѣтки.

(О Мазепѣ). Для Мазепы, кажется, ничего не было священнымъ кромѣ цѣли, къ которой стремился: ни уваженіе, оказываемое ему Петромъ, ни самыя благодѣянія, излитыя на него симъ великимъ монархомъ, ничто не могло отвратить его отъ измѣны. Хитрость въ высочайшей степени, даже самое коварство почиталъ онъ средствами, дозволенными на пути къ оной...

(О нравственности). Прежде нравственность была опорою свободы, теперь должно ею быть просвѣщеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ родъ человѣческій снова должно привести къ нравственности. Прежде она

была врожденна, человѣкъ былъ добръ по природѣ; съ просвѣщеніемъ онъ будетъ добръ и добродѣтеленъ по знанію, по увѣренности, что быть таковымъ для его блага необходимо.

(О Наполеонѣ). Тебѣ всѣ средства были равны, лишь бы они вели прямо къ цѣли; каковаго бы цвѣта волны ни были......, лишь потокъ достигалъ..... цѣли. Добродѣтели и пороки, добро и зло въ твоихъ глазахъ не имѣли другого различія, какое имѣютъ между собою цвѣта: каждый хорошъ, когда...... Ты старался быть превыше добродѣтелей и пороковъ: они для тебя были разноцвѣтныя тучи, носящіяся около Кавказа, который, недосягаемымъ челомъ прорѣзывая ихъ, касается неба дѣвственными вершинами.

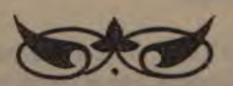
Твое могущество захватило всѣ власти и пробудило народы. Цари, уничиженные тобою, возстали и при помощи народовъ низвергли тебя. Ты палъ—но самовластіе съ тобою не пало. Оно стало еще тягостнѣе, потому что досталось въ удѣлъ *многимъ*...

(О духѣ времени). Человѣкъ святъ, когда согласуетъ поступки свои съ дѣлами Промысла.

Человѣчество не имѣетъ свободы воли.

Усовершеніе есть цѣль, къ которой стремится оно по предназначенію Промысла; исторія всѣхъ народовъ служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Никакія усилія Омаровъ не въ состояніи остановить его на семъ пути; высокія истины, обнаруженныя однажды мудрецами, безсмертны; это такія монеты, штемпель которыхъ отъ времени не изглаживается, но, напротивъ, еще дѣлается явственнѣе. Вотъ почему ни одна истина древнихъ мудрецовъ не пропала для насъ.

Человѣкъ въ частности одаренъ свободою воли; онъ властенъ дѣлать или не дѣлать то, что внушаютъ ему страсти или разсудокъ; но его дѣянія худы или хороши только въ отношеніи къ нему; на судьбу же всего человѣчества они не имѣютъ никакого вліянія, особенно, когда они не согласовались съ видами Промысла. Противорѣчія намѣреній съ послѣдствіями дѣяній человѣческихъ яснымъ служатъ тому доказательствомъ. Брутъ, желая спасти міръ отъ деспотизма, убилъ Цезаря. Дѣяніе это не имѣло вліянія на судьбу человѣчества, ибо не было согласно съ видами Промысла. Такимъ образомъ, принявъ за .... истину, что человѣкъ въ частности свободенъ, а человѣчество нѣтъ, можно и должно будетъ поставить нравственнымъ закономъ для нашихъ дѣяній: поступай такъ, чтобы твои поступки не противорѣчили волѣ Промысла. Но спросятъ: какимъ образомъ распознать волю сію? Воля Промысла изъявляется въ духѣ времени [1]).

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1888, № 11.

1.

Я помню васъ, мои друзья,
Я помню васъ, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды.

2.

Свободой, правдой вдохновенный,
Отъ знатныхъ сохранилъ я честь
И не вымѣнивалъ на лесть
Ихъ благосклонности надменной.

3.

Но черный призракъ мнимой чести
Борьба души, волненье думъ
И жажда кровожадной мести
Затмили юношескій умъ.

4.

Вы снисходительны, я знаю,
Порука мнѣ вашъ милый взоръ;
Я съ вами отъ души болтаю,
Простите вы сердечный вздоръ...

5.

Такъ за мечтою легкокрылой
Отъ шумныхъ невскихъ береговъ
Перелеталъ пѣвецъ унылой
Въ страну пустынную снѣговъ[1]).

6.

Лишь отъ пурпурной денницы
Загорѣлся небосклонъ...

7.

Что имениницѣ прелестной
Я пожелаю въ этотъ день?..

8.

Тогда какъ рой друзей младыхъ
Душою вашей очарованъ...

Рус. стар. 71 г. Изд. 72 г.

9.

Повсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой;
Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огнь, сквозь дымъ и мракъ ночной
Столпомъ огромнымъ прорѣзался,
И, въ небесахъ блестя челомъ,
Во всемъ величіи своемъ,
Великой жертвой любовался.

10.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ,
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ
Какъ снѣгъ внезапный налетаемъ.

⁂

Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Въ-расплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми Донцами.

⁂

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ,
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.

⁂

Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча...

11.

Въ краю, гдѣ солнце рѣдко блещетъ
На мрачныхъ небесахъ;
Гдѣ Сосва [2]) съ ревомъ въ берегъ плещетъ,
Гдѣ воетъ вѣтръ въ лѣсахъ;

---

[1]) Въ страну изгнанья и снѣговъ.

[2]) Рѣка Сосва Тобольской губ.

Гдѣ снѣгъ лежитъ двѣ трети
года,
Какъ саванъ гробовой,
И полумертвая природа
Чуть оживляется весной;
Гдѣ царство вьюги и мороза,
Гдѣ жизни нѣтъ ни въ чемъ,
Чернѣетъ сумрачно береза
На берегу крутомъ.
Подъ кровомъ хижины убогой...[1])

Изд. Ефремова.

12.

Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ:
Скажи, надъ чьей простой могилой
Стоитъ подъ елью, въ—сторонѣ,
Къ землѣ склонившись, крестъ
унылой?
Сугробы снѣга занесли
Пустынный холмъ и все кладбище,
Тамъ церковь новая вдали,
Тутъ обветшалое жилище.
Съ могилки двѣ стези бѣгутъ:
Одна бѣжитъ по косогору
Въ убогій нищеты пріютъ,
Другая змѣйкой вьется съ бору..
Не въ сихъ мѣстахъ мнѣ край
родной:
Я на чужбинѣ здѣсь, я въ ссылкѣ;
Скажи мнѣ, дѣдушка сѣдой!
Чей прахъ почіетъ въ той могилкѣ? [2])
—Какъ ты, изъ дальней стороны
Въ сей край изгнанные судьбою,
Подъ той могилою простою
Отецъ и дочь схоронены...
. . . .
Отецъ, какъ здѣсь болтали тайно,
Былъ другомъ мудраго Петра... [3])
. . . .
Любилъ уединенье онъ
Склоняся на руку главой,
Угрюмый, мрачный и безмолвный,
Онъ часто, позднею порой,
Сидѣлъ на паперти церковной...
. . . .
(Тутъ познакомился я съ нимъ,
Онъ подалъ мнѣ на дружбу руку)...
. . . .

В. Ев. 88, № 12.

---

[1]) Мы имѣемъ слѣдующій варьянтъ, который приводитъ Якушкинъ:
Въ странѣ угрюмой и глухой
Гдѣ Сосва съ бурей часто воетъ
И берегъ дикій и крутой
Шумящею волною роетъ,
Между кудрявымъ тальникомъ,
Близъ церкви, осѣненной боромъ,
Чернѣетъ обветшалый домъ
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

В. Е. 88, № 12.

[2]) Къ этому мѣсту мы имѣемъ варьянтъ:
Березовъ мнѣ не край родной:
Сюда я брошена судьбою...
Скажи-жъ страдалицѣ младой
Надъ чьей могилою простою
Стоитъ подъ елью крестъ простой?..

1824 г. Изд. Ефрем.

[3]) Этотъ другъ—кн. А. Д. Меншиковъ, умершій въ 1723 году въ Березовѣ и похороненный тамъ вмѣстѣ со своей старшею дочерью, бывшею невѣстою императора Петра II.

Переписка К. Ѳ. Рылѣева.

Письма къ отцу [1]).

1.

Милостивый государь батюшка, Ѳедоръ Андреевичъ. Я ваше письмо получилъ отъ того генерала, который съ вами приходилъ въ корпусъ въ казацкомъ платьи, и благодарю васъ за присланное ко мнѣ отъ васъ письмо. Я все, слава Богу, здоровъ; здоровы ли вы, любезный батюшка. Я послѣ вашего отъѣзда былъ переведенъ въ 3-й среднiй классъ изъ 5-го средняго, черезъ два класса выше. Любезный батюшка, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ (денегъ) на покупку вещей и бумаги; но сдѣлайте милость не позабудьте мнѣ прислать денегъ также и на книги, потому что я, л. б. весьма великой охотникъ до книгъ. Кланяется вамъ матушка и сестрица [2]). Л. б., вы не печальтесь объ сестрицѣ: она отдана въ пансiонъ генерала Рейнбота, въ которомъ уже говорить по французски и по нѣмецки. Она и я цалуемъ ваши ручки и ножки. Сдѣлайте милость не забудьте мою просьбу и если хотите прислать, то, сд. милость, и Аннѣ Ѳедоровнѣ — она васъ очень просила — пришлите въ письмѣ мнѣ и Аннѣ Ѳедоровнѣ, любезной сестрицѣ. Остаюсь вашъ сынъ Кондратiй Рылѣевъ. — Санктпетербургъ. — Прибавленiе: Поздравляю васъ съ праздникомъ, люб. б.; пришлите мнѣ также и на праздникъ деньги, ибо меня одинъ кадетъ учитъ геометрiи; мнѣ ему надобно подарить; того кадета зовутъ Бурковъ.

---

[1]) Анна Ѳедоровна—побочная дочь Ѳедора Андреевича.

[2]) Объ этихъ письмахъ Ефремовъ, въ редакцiи котораго приведены они въ нашемъ изданiи, кромѣ 2-го къ матери, пишетъ: „Для напечатанiя, мы выбрали всѣ, заключающiя въ себѣ, хотя бы и очень скудныя, черты для будущей бiографiи поэта; пропущены только письма, имѣющiя чисто семейное значенiе, равно какъ и подобныя же мѣста въ письмахъ, выбранныхъ для печати“.

Эти строки, утѣшаютъ насъ, что изъ писемъ не пропущено ни одной черты для характеристики Рылѣева, однако вызываютъ сожалѣнiя, что мы не можемъ привести всѣхъ писемъ въ цѣльномъ ихъ видѣ. *Ред.*

2.

Дражайшій родитель! Вотъ уже почти три года, какъ не имѣю я объ васъ никакихъ извѣстій. Много писалъ писемъ, но не получалъ на оныя ни одного отвѣта. Конечно, болѣзнь или какое нибудь другое злосчастное обстоятельство, думалъ я, вамъ то воспрещаетъ; старался освѣдомиться объ васъ; былъ у генерала Сергѣева, который принялъ меня какъ роднаго сына и успокоилъ въ разсужденіи васъ. Я восхищался, что нашелъ такого человѣка, который будетъ увѣдомлять меня о моемъ родителѣ — но недолго. Скоро принужденъ былъ я лишиться и его! — Онъ уѣхалъ въ Казань. Послѣ его отбытія, спѣшу къ вамъ писать, но тщетно; отвѣта нѣтъ! Я рѣшился не писать до тѣхъ поръ, пока точно не узнаю, гдѣ вы находитесь; не писалъ болѣе года, но нужда снова меня принудила взяться за перо. — Та минута, которую достичь жаждалъ я, не менѣе какъ и райской обители священнаго Эдема, но которую умъ мой, устрашенный философами, желалъ бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута—есть переходъ мой въ волнуемый страстями міръ. Шагъ безспорно важный, но вѣрно не столь опасный, какимъ представили его моему воображенію мудрецы, безпрестанно вопіющіе противу разврата, обуревающаго міръ сей.—Такъ, любезный родитель, я знаю свѣтъ только по однѣмъ книгамъ, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ немъ тысячи питательныхъ для себя надеждъ. Тамъ разсудку моему представляется бѣдность во всей ея наготѣ, во всей ея обширности и горестномъ ея состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность въ златыхъ цѣпяхъ вольности и дружбы, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащенныхъ чертогахъ, возлежащею на мягкихъ пуховикахъ, въ нѣгѣ и удовольствіи. Тамъ, въ свѣтѣ, умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій — и ужасается. Несчастія занимаютъ первое мѣсто, за ними слѣдуютъ обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ и такъ далѣе. Устрашенное мое воображеніе и разсудокъ мой съ трепетомъ гласятъ мнѣ: „Заблужденный молодой человѣкъ! развѣ ты не видишь, чего желаешь съ такимъ безмѣріемъ. Ты стремишься въ свѣтъ — но посмотри, тамъ гибель ожидаетъ тебя. Посмотри, тамъ бездны изрыты на каждомъ шагу твоемъ, берегись низринуться въ нихъ. — Безразсудный! въ свѣтѣ каждая минута твоя будетъ отравляема горькимъ страхомъ, и ты не насладишься жиз-

нію. Хотя бы ты проходилъ свѣтъ ощупью, но не избѣгнешь несчастія—скрытныя сѣти вовлекутъ тебя въ оныя, и ты погибнешь". Такъ говоритъ мнѣ умъ, но сердце, вѣчно съ нимъ соперничествующее, учитъ меня противному: „Иди смѣло, презирай всѣ несчастья, всѣ бѣдствія и если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостію, и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣковъ".—Тутъ я восклицаю: „Быть героемъ, вознестись превыше человѣчества! Какія сладостныя мечты! О! я повинуюсь сердцу". Разберемъ теперь, кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу?—Первый бываетъ всегда важенъ, разбирателенъ, строгъ, осудителенъ, всѣ почти человѣческія страсти и предпріятія осуждаетъ безжалостно; свѣтъ для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, гдѣ не находитъ онъ ни единаго человѣка, между тѣмъ какъ онъ съ избыткомъ наполненъ ими.—Сердце же, напротивъ того, видитъ въ немъ однѣ радости и всегда готово ими наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами; строгость его непричастна; оно снисходительно ко всѣмъ, много хвалитъ и никого не осуждаетъ; для него свѣтъ — прелесть, въ коемъ вездѣ видна добродѣтель, и порокъ изрѣдка показывается въ немъ такъ, какъ туманное облако въ ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами.— Вотъ какъ судитъ о свѣтѣ сердце и какъ судитъ о немъ умъ. Или лучше сказать, что такъ судятъ о немъ мудрецъ и свѣтскій человѣкъ. Слѣдовать первому—есть быть человѣко-ненавидцемъ, людей не считать людьми и искать ихъ, при свѣтѣ яснаго дня, съ фонаремъ. Но поступай такъ, и ты будешь счастливъ: бѣдствіе никогда, никогда не постигнетъ тебя.— Но соразмѣрно ли силамъ человѣческимъ принять методу мудрецовъ? Не лучше ли любить своего ближняго съ нѣжною дружбою, не раздражать его самолюбія, не хулить чужихъ поступковъ, и злоба ихъ никогда не коснется тебя, ты будешь также счастливъ, хотя счастіе будетъ изыблемо, хотя ты падешь въ бѣдствіи, но другъ утѣшитъ тебя въ твоей горести, ты найдешь отраду въ его сострадании, и возвращеніе твое къ счастію будетъ неизъяснимо-пріятно и съ рукоплесканіями твоихъ друзей. Мы должны всѣ умереть, но опять возстанемъ для блаженства, предъ коимъ прежнее было—ничто.

Вотъ, любезный родитель, мои мысли, вотъ мои правила, плоды наставленій и размышленій собственнаго разума, коимъ и слѣдовать я намѣренъ.—Отечество наше потерпѣло отъ врага вселенной, нуждалось въ воинахъ, кои и были собраны. Изъ нашего

корпуса были нынѣшній годъ три выпуска, въ кои выбыло кадетъ до 200; да нынѣ выходитъ человѣкъ 160. Слышно, что будетъ выпускъ въ маѣ мѣсяцѣ будущаго 1813-го года. Мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллеріи, чинъ плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но ни чѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастіе пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго, чадолюбиваго, за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во все время долголѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ.—Такъ, любезный родитель, любезны для меня виновники благъ, коими наслаждался я во младенчествѣ, мила для меня страна, гдѣ родились моя мать и отецъ и въ коей я самъ родился; несказанно пріятна для меня вѣра, которую исповѣдуютъ мои родители, въ коей и я воспитывался. Обожаю я монарха нашего, потому что печется объ подданныхъ своихъ, какъ отецъ, обожающій чадъ своихъ, и какъ царя, надъ нами Богомъ поставленнаго!—Хочу возблагодарить его; но чѣмъ же и гдѣ мнѣ его возблагодарить? Чѣмъ, какъ не мужествомъ и храбростію на полѣ славы. Я буду проситься въ конную артиллерію, ибо вообще конная служба мнѣ нравится. Въ маѣ изъ первыхъ чиселъ вѣрно будетъ выпускъ. Вотъ почему — опять велѣно набирать рекрутовъ съ 500 по 8; почему можно безошибочно заключать, что и насъ потребуютъ, болѣе же потому, что въ арміи недостаетъ офицеровъ покрайней мѣрѣ до двухъ тысячъ, не смотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу вашего родительскаго благословенія, такъ и денегъ, нужныхъ для обмундировки. Вамъ небезъизвѣстно, что ужасная нынѣ дороговизна на всѣ вообще вещи, почему нужны и деньги сообразныя нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Два мундира, сюртукъ, трое панталонъ, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шарфъ серебряный, киверъ съ серебряными кишкетами, шпага или сабля, шляпа или шишакъ, конфедератка, тулупъ и прочее требуютъ покрайней мѣрѣ тысячи полторы; да съ собою взять рублей до пятисотъ, а не то придется ѣхать ни съ чѣмъ. Надѣюсь, что виновникъ бытія моего не заставитъ долго дожидаться отвѣта и пришлетъ нужныя мнѣ деньги къ маю мѣсяцу; также прошу васъ прислать мнѣ при первомъ письмѣ рублей 50, дабы нанять мнѣ учителя биться на сабляхъ.—Кланяются вамъ и кланялись во всякомъ письмѣ матушкѣ, Петръ Θедор[illegible] [illegible]атерина Ивановна его

супруга [1]), сестрицы и другіе, между прочими генералъ Дашкевичъ и господинъ кавалеръ Нейманъ и его супруга. Въ заключеніе, поздравляя васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и желая вамъ всякихъ благъ, остаюсь покорнѣйшимъ вашимъ сыномъ К. Рылѣевъ.

С.-Петербургъ 17 Декабря 1812.

P. S. Вотъ уже два года какъ я нахожусь въ гренадерской ротѣ. Слѣдственно, надписывайте: въ 1-й корпусъ гренадерской роты Его Высочества кадету N. N. R.

3.

Дражайшій родитель! Письмо ваше, отъ 25 іюня, получено мною; я не могъ оное читать безъ пролитія слезъ, и сокрушался сердцемъ, что вы, не разобравъ все въ совершенствѣ, меня вините. Вы пишите, что письма мои наполнены противорѣчіями; я не мало сему удивляюсь! Копіи съ оныхъ и теперь еще лежатъ передо мной, и я въ нихъ ничего такого не нахожу, кромѣ разнаго назначенія времени выпуска; вотъ тому причина: послѣ прошлогодняго выпуска ожидали вдругъ другаго; оной не случился, а время назначенія было февраль, мартъ, апрѣль, май или іюнь, ссылаясь на то, что рекрутамъ въ сіи мѣсяцы будто бы было назначено придти въ Петербургъ, гдѣ обучивъ ихъ, отправятъ на границы; но ничего сего не состоялось. Вотъ почему и я назначалъ различное время моего выпуска; но теперь уже подходитъ то время, въ которое обыкновенно бываютъ годовые выпуски; а именно, сентябрскіе. Могъ бы я и далѣе оправдываться, представя вамъ въ подробности всѣ причины, всѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ мнѣ поступить въ сходственность вашихъ желаній касательно моего выпуска (смотрите письмо мое отъ 22 числа въ разсужденіи о выпускѣ); но зная, сколь неприлично мнѣ оспаривать мнѣніе отца, хотя и несправедливое, оставляю то. Будьте увѣрены, что желаніе ваше, дабы я пріѣхалъ къ вамъ, есть и мое собственное; оно, во что бы то ни стало, свято будетъ исполнено. Но съ чѣмъ я поѣду къ вамъ? Какъ проживу двѣ трети года въ полку безъ жалованья? Вотъ два вопроса, которые прошу васъ разрѣшить. Просилъ я у васъ 50 р., дабы нанять учителя биться на сабляхъ, ибо я выйду въ конную артиллерію; но, не получа на то никакого отвѣта, осмѣливаюсь повторить свою просьбу. За-

---

[1]) П. Ѳ. и К. И. Малютины.

корпуса были нынѣшній годъ три выпуска, въ кои выбыло кадетъ до 200; да нынѣ выходитъ человѣкъ 160. Слышно, что будетъ выпускъ въ маѣ мѣсяцѣ будущаго 1813-го года. Мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллеріи, чинъ плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но ни чѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастіе пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго, чадолюбиваго, за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во все время долголѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ.—Такъ, любезный родитель, любезны для меня виновники благъ, коими наслаждался я во младенчествѣ, мила для меня страна, гдѣ родились моя мать и отецъ и въ коей я самъ родился; несказанно пріятна для меня вѣра, которую исповѣдуютъ мои родители, въ коей и я воспитывался. Обожаю я монарха нашего, потому что печется объ подданныхъ своихъ, какъ отецъ, обожающій чадъ своихъ, и какъ царя, надъ нами Богомъ поставленнаго!—Хочу возблагодарить его; но чѣмъ же и гдѣ мнѣ его возблагодарить? Чѣмъ, какъ не мужествомъ и храбростію на полѣ славы. Я буду проситься въ конную артиллерію, ибо вообще конная служба мнѣ нравится. Въ маѣ изъ первыхъ чиселъ вѣрно будетъ выпускъ. Вотъ почему — опять велѣно набирать рекрутовъ съ 500 по 8; почему можно безошибочно заключать, что и насъ потребуютъ, болѣе же потому, что въ арміи недостаетъ офицеровъ покрайней мѣрѣ до двухъ тысячъ, не смотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу вашего родительскаго благословенія, такъ и денегъ, нужныхъ для обмундировки. Вамъ небезъизвѣстно, что ужасная нынѣ дороговизна на всѣ вообще вещи, почему нужны и деньги сообразныя нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Два мундира, сюртукъ, трое панталонъ, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шарфъ серебряный, киверъ съ серебряными кишкетами, шпага или сабля, шляпа или шишакъ, конфедератка, тулупъ и прочее требуютъ покрайней мѣрѣ тысячи полторы; да съ собою взять рублей до пятисотъ, а не то придется ѣхать ни съ чѣмъ. Надѣюсь, что виновникъ бытія моего не заставитъ долго дожидаться отвѣта и пришлетъ нужныя мнѣ деньги къ маю мѣсяцу; также прошу васъ прислать мнѣ при первомъ письмѣ рублей 50, дабы нанять мнѣ учителя биться на сабляхъ.—Кланяются вамъ и кланялись во всякомъ письмѣ матушкѣ, Петръ Ѳедоровичъ, Катерина Ивановна его

супруга [1]), сестрицы и другіе, между прочими генералъ Дашкевичъ и господинъ кавалеръ Нейманъ и его супруга. Въ заключеніе, поздравляя васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и желая вамъ всякихъ благъ, остаюсь покорнѣйшимъ вашимъ сыномъ К. Рылѣевъ.

С.-Петербургъ 17 Декабря 1812.

P. S. Вотъ уже два года какъ я нахожусь въ гренадерской ротѣ. Слѣдственно, надписывайте: въ 1-й корпусъ гренадерской роты Его Высочкства кадету N. N. R.

3.

Дражайшій родитель! Письмо ваше, отъ 25 іюня, получено мною; я не могъ оное читать безъ пролитія слезъ, и сокрушался сердцемъ, что вы, не разобравъ все въ совершенствѣ, меня вините. Вы пишите, что письма мои наполнены противорѣчіями; я не мало сему удивляюсь! Копіи съ оныхъ и теперь еще лежатъ передо мной, и я въ нихъ ничего такого не нахожу, кромѣ разнаго назначенія времени выпуска; вотъ тому причина: послѣ прошлогодняго выпуска ожидали вдругъ другаго; оной не случился, а время назначенія было февраль, мартъ, апрѣль, май или іюнь, ссылаясь на то, что рекрутамъ въ сіи мѣсяцы будто бы было назначено придти въ Петербургъ, гдѣ обучивъ ихъ, отправятъ на границы; но ничего сего не состоялось. Вотъ почему и я назначалъ различное время моего выпуска; но теперь уже подходитъ то время, въ которое обыкновенно бываютъ годовые выпуски; а именно, сентябрскіе. Могъ бы я и далѣе оправдываться, представя вамъ въ подробности всѣ причины, всѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ мнѣ поступить въ сходственность вашихъ желаній касательно моего выпуска (смотрите письмо мое отъ 22 числа въ разсужденіи о выпускѣ); но зная, сколь неприлично мнѣ оспаривать мнѣніе отца, хотя и несправедливое, оставляю то. Будьте увѣрены, что желаніе ваше, дабы я пріѣхалъ къ вамъ, есть и мое собственное; оно, во что бы то ни стало, свято будетъ исполнено. Но съ чѣмъ я поѣду къ вамъ? Какъ проживу двѣ трети года въ полку безъ жалованья? Вотъ два вопроса, которые прошу васъ разрѣшить. Просилъ я у васъ 50 р., дабы нанять учителя биться на sабляхъ, ибо я выйду въ конную артиллерію; но, не получа на то никакого отвѣта, осмѣливаюсь повторить свою просьбу. За-

---

[1]) П. Ѳ. и К. И. Малютины.

симъ свидѣтельствуя сыновнюю мою къ вамъ любовь и почтеніе, остаюсь покорнѣйшій сынъ вашъ К. Рылѣевъ.

P. S. Письмо къ матушкѣ въ тотъ же день послано. Она въ деревнѣ. Аннѣ Ѳедоровнѣ, слава Богу, легче.

С.-Петербургъ, Іюль (1813).

Письмо отца къ К. Ѳ. Рылѣеву.

Кіевъ, 30-го апрѣля 1813 г.

Письма твои, любезнѣйшій мой Кондратій Ѳедоровичъ, одно съ адъютантомъ, отсюда ѣздившимъ, другое отъ 17-го декабря минувшаго года и третіе безъ числа, по почтѣ полученное мною сего апрѣля въ 26-й день, съ одной стороны утѣшили меня тѣмъ, что, по благости Всевышняго, ты здоровъ, а съ другой, и огорчили немало, какъ потому, что не получилъ я отъ тебя удовлетворительнаго на письмо мое отвѣта, такъ и для того, что ты, любезный сынъ, вмѣсто послѣдованія отцовскому, не говорю уже предписанію, но предусмотрѣнному относительно изъ корпуса твоего выпуска совѣту, наполнилъ свои письма особенно же послѣднее, выдуманными, если кѣмъ-нибудь не настроенными, то прямо дѣтскими затѣями, которыя нетокмо отцу, но и чужому, сѣдинами покрытому мужу юноша 18-лѣтній едва ли рѣшился бы на бумагу сколько пространно, столько безъ участія прямаго сердца, и еще трикратно излагать!.. Ахъ, любезный сынъ! сколь утѣшительно читать отъ сердца написанное, буде то сердце во всей наготѣ неповинности откровенно и просто изливается, говоря собственными его, а не чужими, либо выученными словами! Скольже, напротивъ того, человѣкъ дѣлаетъ самъ себя почти отвратительнымъ, когда говоритъ о сердцѣ, и обнаруживаетъ при томъ, что оно наполнено чужими умозаключеніями, натянутыми и несвязными выраженіями, и что всего гнуснея, то для того и повторяетъ о сердечныхъ чувствованіяхъ часто, что сердце его занято однѣми деньгами..... Надобны ли онѣ ему дѣйствительно, или можно и безъ нихъ обойтиться?.... Вотъ, любезный сынъ, истинная причина, для которыя пріостановился я къ тебѣ писать, мня, что не получилъ моего отвѣта на два твои письма; вникни-жъ со вниманіемъ въ смыслъ моего, съ адъютантомъ отсюда отправленнаго къ тебѣ отзыва..... Тамъ предусмотрительно писалъ я въ разсужденіи твоего выпуска, когда бы онъ ни случился, что́ тебѣ, по долгу сына къ отцу, сдѣлать тогда надлежало. И ежели я твой родитель, то долженъ ты изъ сыновняго уваженія, вступая въ новое для тебя поприще, не размышляя ни о чемъ другомъ, прежде всего броситься въ отцовскія объятія и вѣрить благонадежно тому, что онъ, съ лутчею противу всякаго другаго благодѣтеля твоего горячностію пріиметъ, обыметъ и благословитъ по возможности! Да и пріятнѣе ему будетъ видѣть тебя, вмѣсто двухъ дорогостоющихъ, въ одномъ и отъ казны даемомъ мундирѣ, и буде ты пріѣдешь тѣми деньгами, кото-

рыя на проѣздъ тоже казна жалуетъ. Тако всѣ и изо всѣхъ мѣстъ выпускные, въ полкъ опредѣляемые, отъ благодѣтельной казны снабдѣваются, съ дозволеніемъ даже не только къ родителямъ, но и къ дальнимъ родственникамъ заѣзжать, и довлѣетъ ли тебѣ только одному не пользоваться толикими щедротами отъ общаго нашего отца! Не сердись на меня, мой милый Кондраша, за сіи истины. Я съ ними удерживался и ожидалъ отъ тебя, какъ выше сказано, дабы ты выразумѣлъ смыслъ моего отзыва, но когда ты и въ третіемъ письмѣ не отсталъ отъ внушеній, худыми людьми тебѣ преподанныхъ, то ты же и вынудилъ отъ меня сіе отцовское изложеніе. Время содѣлаетъ, что самъ познаешь, что ни ложнаго, ни суетнаго говорить, а тѣмъ меньше на бумагу излагать, не можетъ и не долженъ, по всей строгой справедливости, тебя токмо любящій и благословляющій отецъ твой, Ѳедоръ Рылѣевъ.

P. S. Женѣ моей, а твоей матери, объявя постоянную мою къ ней приверженность, кланяйся и цѣлуй за меня ея руки; скажи ей, что не пишу я къ ней для того, что и она ко мнѣ не пишетъ. И какъ сіе письмо, такъ и то, которое писалъ я къ тебѣ съ адъютантомъ, непремѣнно покажи и дай ей прочитать; увѣряя, что буде она ко мнѣ напишетъ, то я съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ возобновить съ нею переписку, жаждущую мною выше всякаго удовольствія. Я и прежде къ тебѣ писалъ и теперь напоминаю, чтобъ ты, взявъ отъ Анны Ѳедоровны письмо, ко мнѣ оное при своемъ доставилъ и обстоятельно увѣдомилъ бы меня: гдѣ она и чѣмъ занимается?

Ожидаю отъ тебя, любезнѣйшій мой Кондратій Ѳедоровичъ, скораго и удовлетворительнаго на прежнее и на сіе письмо отвѣта!

Письма къ матери.

1.

Ради Бога не безпокойтесь обо мнѣ. Читая письмо ваше къ дядюшкѣ, я увидѣлъ изъ него сколь много вы отягчаете себя печалію; сдѣлайте милость поберегите себя! Я, благодаря Бога, здоровъ, чего и вамъ всѣмъ живущимъ въ Петербургѣ желаю. Дядюшка находится теперь въ Дрезденѣ комендантомъ. Мѣсто прекрасное, по 300 р. серебромъ жалованья въ мѣсяцъ. Почтеннѣйшая супруга его Марья Ивановна съ нимъ — и онъ въ полномъ удовольствіи! Слава Богу и благодареніе! Такого дяди, каковъ онъ, больше другимъ не найти! Добръ, обходителенъ, помогаетъ, когда въ силахъ: ну словомъ, онъ замѣнилъ мнѣ умершаго родителя! Князь Репнинъ его любитъ и все, что ни скажетъ, исполняетъ. Недавно выхлопоталъ мнѣ дядюшка мѣсто въ Дрезденѣ, при артиллерійскомъ магазинѣ. Въ день моего рожденія, подарилъ онъ мнѣ на мундиръ лучшаго сукна. Вы, читая письмо сіе, бла-

годарите и благословляйте душевно благодѣтельнаго дядю! Такъ онъ достоинъ того. Почтеннѣйшая его супруга, замѣняющая у меня здѣсь ваше мѣсто, своею материнскою нѣжностію, своею заботливостію и попеченіемъ превосходитъ всякое описаніе! И мы, не могущіе заплатить имъ въ сей жизни ничѣмъ, какъ только благодареніями, предоставимъ то Всевышнему...

Не получая столь долгое время отъ васъ писемъ, съ самаго моего отъѣзда, я безпокоюсь въ разсужденіи вашего здоровья; почему и прошу, поспѣшите присланіемъ; двѣ строчки, писанныя вашею рукою утѣшатъ меня...

21 Сентября 1814 года. Дрезденъ.

2.

Городъ Дрезденъ, февраль, 28 число 1814.

Дражайшая матушка! Здѣсь нашелъ дядюшку Михайла Николаевича [1]), который при семъ какъ вамъ, такъ и Петру Ѳедоровичу, Катеринѣ Ивановнѣ, господамъ Прево [2]) и своей сестрицѣ кланяется. Очень, очень добрый и рѣдкій! Все еще страдаетъ раною. Онъ мнѣ довольно подробно объяснилъ дѣло батюшки и очень сожалѣлъ, что я не поѣхалъ черезъ Кіевъ, ибо тамошній полиціймейстеръ, его пріятель, выдалъ бы мнѣ лучшія вещи. Что жъ дѣлать! Мы этого не знали!

На что высокій чинъ, богатства,
На что и множество крестовъ!
Въ нихъ вовсе, вовсе нѣтъ пріятства,
Когда душевно нездоровъ.

Богатъ будь добрыми дѣлами—
И будешь счастливъ завсегда;
Не лѣзь за суетой — чинами,
И не споткнешься никогда!

Вашъ покорнѣйшій сынъ К о н д р а т і й Р ы л ѣ е в ъ. При семъ вложено письмо въ корпусъ.

3.

Дражайшая матушка Настасья Матвѣевна! Ровно почти черезъ годъ я вновь переправляюсь чрезъ Рейнъ. Какая величественная рѣка! Какое чудесное зрѣлище! При приближеніи къ ней, я ощутилъ нѣкоторый родъ благоговѣнія—множество различныхъ чувствъ волновали душу мою!.. Года за четыре предъ симъ, кто предполагалъ, что войска чуждыхъ странъ такъ легко будутъ переправляться черезъ рѣку сію? Этого мало, кто могъ предполагать столь

---

[1]) Рылѣева, коменданта г. Дрездена.

[2]) Ив. Ив. Прево-де-Луміанъ, ген.-маіоръ, членъ военно-уч. комитета.

быстрыя дѣйствія союзниковъ и столь слабое сопротивленіе противниковъ? Но обстоятельства перемѣнились: что было за четыре года, что могло быть тогда — то не будетъ и не можетъ быть теперь. Великая нація теперь слабая, войско ея — шайка разбойниковъ, начальникъ—странствующій Донъ-Кихотъ. Но куда завлекли меня мрачныя размышленія? Какъ могу я опредѣлять случаи будущности? Время, время! лѣта, скорѣе удвойте полетъ свой, любопытство знать будущее снѣдаетъ меня. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и такою же преданностью вашъ всепокорный сынъ Кондратій Рылѣевъ.

P. S. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ свидѣтельствую нижайшее почтеніе; желаю того здоровья и удовольствія, которымъ я наслаждаюсь. Теперь я съ самой границы ѣду квартирмейстеромъ; довольно заботъ, прежде немного трудноватыхъ, но теперь пріятныхъ, ибо начальникъ мой подполковникъ .... очень доволенъ мной. Кондратій Рылѣевъ.

Право, нѣкогда: ѣду впередъ. (1815).

4.

Несвижъ. Марта 6 дня, 1815.

Наконецъ послѣ годовой разлуки получилъ я отъ васъ 5-го числа сего марта письмо. Сколько неоцѣненнаго утѣшенія, сколько неизъяснимаго удовольствія принесло оно мнѣ. О дражайшая матушка! я молю только Создателя, да продлитъ онъ дни ваши и да утѣшитъ онъ васъ въ скорбяхъ вашихъ! Впрочемъ объ деньгахъ теперь не забочусь—и, слава Богу, я кой-что уже исправилъ, чему много помогло сукно, купленное мною за границей и проданное здѣсь весьма выгодно. Теперь недостаетъ у меня только вальтрапа и лошади; первый постараюсь вскорости сдѣлать, а безъ второй обойдусь до время. Теперь я нахожусь въ Минской губерніи въ городѣ Несвижѣ, съ командою для обученія верховой ѣздѣ. Надѣюсь самъ скоро быть ѣздокомъ. Предъ отъѣздомъ моимъ занялъ я у капитана 200 рублей асс., но уже и выплатилъ оные, какъ изъ жалованья за сентябрскую треть, такъ и за деньги, добытыя при продажѣ сукна. Сѣдло и весь приборъ для лошади купилъ я весьма дешево; лошадь имѣю я изъ казенныхъ и безъ своей покамѣсть обойдусь. Когда же не вошедшій въ опись домъ въ Кіевѣ продастся, то можно будетъ и ее купить. Одинъ офицеръ изъ нашей роты, человѣкъ очень хорошій и надежный, имѣющій самъ умѣренный достатокъ, поѣхавъ предъ симъ въ Кіевъ, гдѣ

будетъ служить, взялся справиться обо всемъ въ Кіевѣ. Хотя это будетъ и лишнее, однако я хочу написать письмо къ княгинѣ Варварѣ Васильевнѣ! О вельможи! О богачи! Неужели сердца ваши не человѣческіе? Неужели они ничего не чувствуютъ, отнимая послѣднее у страждущаго? Но, удивляясь безчувственности человѣчества къ страданіямъ себѣ подобныхъ, я утѣшаю себя сладостною надеждою на Спасителя, который, въ противность варварства людей, гонимымъ ими всегда бываетъ послѣднимъ и лучшимъ прибѣжищемъ и защитой.

Вы пишите, что Петръ Ѳедоровичъ боленъ; но, драж. матушка, неужели Творецъ благости отниметъ у бѣдныхъ, страждущихъ сиротъ послѣднюю подпору? Удались, исчезни мысль ужасная, мысль пагубная! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не умретъ, онъ будетъ жить— онъ будетъ жить для блага, для счастья невинныхъ дѣтей своихъ, для оживленія насъ бѣдныхъ! О драж. матушка! Неужели Богъ не слышитъ тѣ ежедневныя, пламенныя моленія, сопровождаемыя токомъ слезъ, которыя я ежедневно возсылаю къ нему! Вы пишите, др. матушка, что не имѣется у васъ денегъ, дабы выкупить послѣднюю фамильную драгоцѣнность, сыновнее сокровище — вашъ портретъ! Не присылайте лучше ко мнѣ ни копѣйки, я право не нуждаюсь въ деньгахъ, ей-Богу не нуждаюсь, постарайтесь только выручить портретъ!

Вы желаете знать потерялъ ли я вмѣстѣ съ своими и бывшія посылки въ роту? — Нѣтъ, онѣ отданы капитану Сухозанету, по письму, которое писалъ къ нему хозяинъ оныхъ г-нъ Маркевичъ.

Радуюсь сердечно, что Бреклинъ вышелъ; дай Богъ ему счастья службу начать счастливѣе моего, хотя я, слава и благодареніе Богу, не могу теперь пѣнять на оную, ибо я очень доволенъ нынѣшнимъ командиромъ моимъ; впрочемъ, не подумайте, что я не желаю отъ того быть адъютантомъ при генералѣ Бенигсенѣ; не желать сего— я почелъ бы себѣ за величайшій проступокъ. Всегда удивлялясь отличнымъ достоинствамъ сего военачальника, я надѣюсь, находясь при немъ, не только составить себѣ счастіе, но и почерпнуть много полезнаго для рода службы, въ который себя посвятилъ—и я, уже будучи столь много облагодѣтельствованъ Петромъ Ѳедоровичемъ, осмѣливаюсь просить его объ семъ, но только надобно поспѣшить, ибо теперь время дорого. Женѣ Ѳедора Павлова скажите отъ него, чтобы она не печалилась, что онъ все, слава Богу, здоровъ и при первой оказіи пріѣдетъ. Я никакъ не могу нахвалиться симъ добрымъ старикомъ—и желалъ бы, др. матушка, дабы вы его когда,

онъ пріѣдетъ, отправили въ деревню на покой, за его труды и добродѣтель.

Впрочемъ, благодаря Творца, я здоровъ; безпокоился только въ разсужденіи васъ, но полученное мною отъ васъ письмо не только меня утѣшило, но вознесло на верхъ неописаннаго удовольствія. Желая, чтобы и мое письмо вамъ тоже принесло и въ ожиданіи отъ васъ отвѣта, остаюсь съ искреннею любовію и глубочайшимъ почтеніемъ...

P. S. Отъ дядюшки Михайла Николаевича, при пропажѣ денегъ, получилъ я 200 р. асс., да въ другіе раза до 150 рублей.

Сдѣлайте милость пришлите поскорѣй Ѳед. и еще одного мальчика понятнаго и первый будетъ за лошадьми смотрѣть какъ охотникъ до нихъ, а второй будетъ въ горницѣ. Также покорнѣйше прошу купить въ Петербургѣ золотыя на черномъ суквѣ конноартиллерійскія петлицы, также для вальтрапа золотой приборъ.

5.

Долго, долго безпокоился я, и не зналъ къ чему отнести столь продолжительное ваше молчаніе; самыя мучительныя мысли тревожили меня непрестанно. Наконецъ, получаю я письмо; узнаю на конвертѣ руку Аннушки; узнаю печать вашу; спѣшу разломать оную—и вынимаю ваше письмо. Сердце мое затрепетало отъ восхищенія. О, люб. матушка! какую неоцѣненную минуту блаженства доставили вы мнѣ! Ни на какія въ мірѣ сокровища не промѣнялъ бы ея.

Въ письмѣ своемъ вы хвалитесь гг. офицерами расположенной въ Рожественѣ 2-й батарейной роты и любуетесь братскимъ согласіемъ и дружествомъ, между ними существующимъ. Не удивляйтесь сему: въ артиллеріи ведется то издавна — и съ сей стороны я также считаю себя счастливымъ, и если бы не обстоятельства, объ которыхъ я неоднократно уже изустно и письменно съ вами изъяснялся, то, конечно, никогда бъ не подумалъ объ оставленіи службы, которая доставляетъ молодому человѣку такое общество, въ коемъ, кромѣ образцовъ истиннаго благородства, дружескаго согласія и безкорыстной другъ къ другу любви, онъ ничего не видитъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я изъяснюсь о семъ по подробнѣе, а равно изложу вамъ свои намѣренія въ разсужденіи службы.

Вы желаете знать каковы наши квартиры? Такія, какихъ мы еще никогда не имѣли. Мы расположены на лѣто въ слоб. Бѣло-

горьѣ, въ полуверстѣ отъ Дона. Время проводимъ весьма пріятно: въ будни, свободные часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противоположномъ берегу растущаго, погружаемся мы въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни, и черезъ минуту уничтожаемъ оные; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ—и наконецъ, посмѣявшись всему, возвращаемся каждый къ себѣ и въ объятіяхъ сна ищемъ успокоенія. Иногда посѣщаемъ живущую въ слободѣ вдову генералъ-маіоршу Анну Ивановну Бедрагу; у нея лечится теперь сынъ ея, подполковникъ гвард. конно-егерскаго полка, раненый при Бородинѣ. Домъ весьма почтенный и гостепріемный и мы въономъ приняты, какъ нельзя лучше. Въ праздничные дни ѣдемъ къ другимъ помѣщикамъ, а я чаще на зимнія свои квартиры въ с. Подгорное, гдѣ также живетъ добрый гостепріимный и любезный помѣщикъ, г-нъ Тевяшевъ; въ семействѣ его мы также приняты какъ свои и проводимъ время весьма, весьма пріятно.

Сдѣлайте милость пишите чаще... Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ въ Петербургѣ одинъ изъ нашихъ офицеровъ и, имѣя отъ меня къ вамъ письмо, заходилъ въ домъ, но, какъ онъ сказываетъ, никого не засталъ, ибо всѣ, не исключая Петра Өедор., были въ то время въ деревнѣ. Онъ же говорилъ мнѣ, что въ Вырѣ на почтѣ сказывали ему, что Петръ Өедор. не всѣ деревни продалъ; я было утѣшился сею мыслію, но письмо ваше лишило меня сего. Жаль, весьма жаль. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня по подробнѣе обо всѣхъ дѣтяхъ и перецалуйте всѣхъ ихъ за меня.

Я весьма нуждаюсь теперь въ платьѣ; сдѣлайте милость, пришлите изъ С.-Петербурга суконъ: чернаго мнѣ нужно... всего 8 аршинъ; изъ нихъ четыре аршина купите лучшаго; сѣраго сукна нужно 4 аршина; сверхъ того необходимо нужны мнѣ одна пара эполетъ съ 11-мъ нумеромъ и шарфъ, который у меня еще все тотъ же, который купленъ мнѣ при моемъ выпускѣ. Сдѣлайте милость, поспѣшите присылкою сихъ вещей: насъ въ октябрѣ будетъ смотрѣть, какъ говорятъ, самъ государь. Служащій у насъ Өедоръ Петровичъ Миллеръ, сынъ бывшаго нашего исправника, кланяется вамъ; онъ бывалъ у васъ съ Бреклиномъ. Кстати не имѣете ли вы какого свѣдѣнія объ немъ...

Письма свои надписывайте: Воронежской губерніи, въ г. Павловскъ, конно-артиллерійской № 11-го ротѣ.

Увѣдомьте меня, не сдѣлали ли вы чего въ разсужденіи кіевскаго дѣла, по письму Зубковскаго.

На дняхъ пріѣхалъ въ нашу дивизію служившій въ елисаветградскомъ гусарскомъ полку—генералъ-маіоръ Рылѣевъ; онъ у насъ будетъ бригаднымъ генераломъ. На будущей недѣлѣ я надѣюсь быть у него. Генеральша Барчукова давно желаетъ меня видѣть, но обстоятельства службы препятствовали мнѣ до сего побывать у нея. Прощайте...

Сл. Бѣлогорье. Августа 10 дня, 1817.

6.

Давно уже примѣтилъ я, что съ самаго того времени, какъ я только въ состояніи сталъ разсуждать, ни вы, ни я совершеннымъ счастіемъ еще не наслаждались. Долго изыскивалъ я сему причину. Наконецъ примѣтилъ, что разстроенныя домашнія обстоятельства главною и настоящею тому виною.—Ахъ, сколько разъ увлекаемый порывомъ какой нибудь страсти виновный сынъ вашъ предавался удовольствіямъ и могъ забывать тогда о горестяхъ и заботахъ своей матери! Но, благодаря ангелу хранителю, это заблужденіе не долго продолжалось. Первый предметъ, напоминавшій мнѣ васъ, извлекалъ меня изъ онаго; мнимое мое счастіе исчезало, а мѣсто онаго заступало мучительное безпокойство въ разсужденіи васъ. Не однажды, среди самаго веселаго общества, взирая на прочихъ товарищей, на лицахъ коихъ свѣтлѣла безпечность и удовольствіе, ни чѣмъ неотравляемыя, задумывался и говорилъ самъ себѣ: „почему подобно имъ и я не могу быть счастливымъ?" Такъ протекло около четырехъ лѣтъ; въ продолженіе оныхъ я непрестанно придумывалъ средства, кои бы, поправивъ домашнія обстоятельства, могли спокойствіе ваше сдѣлать прочнымъ; но по сіе время минутные, но частые восторги пылкой и неопытной юности, препятствовали разсудку моему найти ихъ. Наконецъ, теперь, случай открылъ и, можетъ быть, рѣшилъ все. Но не распространяясь далѣе, скажу короче: посѣщая довольно часто живущаго отъ Бѣлогорья въ 30 верстахъ, добраго и почтеннаго помѣщика Михаила Андреевича Тевяшева, и бывъ принятъ въ домѣ почти какъ за роднаго, я имѣлъ пріятные случаи видѣть двухъ дочерей его, видѣть—и узнать милыя и добродѣтельнѣйшія ихъ качества, а особливо младшей. Не будучи романистомъ, не стану описывать ея

милую наружность, а изобразить душевныя ея качества почитаю себя весьма слабымъ; скажу только вамъ, что милая Наталія, воспитанная въ домѣ своихъ родителей, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ, и не видѣвшая никогда большаго свѣта, имѣетъ только тотъ порокъ, что не говоритъ по французски. Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость, и умъ, обработанный самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи содѣлать счастіе каждаго, въ комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю ее, любезнѣйшая матушка, и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно, ибо я предался оной не вдругъ, какъ сродно пылкому юношѣ; нѣтъ, я напротивъ въ первый разъ видѣлъ ее весьма равнодушно, но уже по прошествіи нѣсколькихъ посѣщеній, узнавъ нѣкоторыя достоинства милой Наталіи, а особенно доброту души ея, я полюбилъ ее, и теперь, время отъ времени любовь моя болѣе и болѣе увеличивается; но я, однако, имѣлъ твердость еще не открыться, хотя твердо надѣюсь, что и она меня любитъ взаимно, и почтенные родители ея, любя ее особенно отъ прочихъ дѣтей своихъ и будучи ко мнѣ весьма отлично расположены, не захотѣли бы лишить насъ нашего счастія. И такъ, любезнѣйшая матушка, отъ васъ зависитъ благословить сына вашего и, позволивъ ему выйти въ отставку, заняться единствено вашимъ и милой Наталіи счастіемъ. Знаю, что неприлично въ такой молодости оставить службу, и что четырехлѣтнія безпокойства недостаточная еще жертва съ моей стороны отечеству и государю, за тѣ благодѣянія, коими я отъ нихъ осыпанъ... Но развѣ не могу и не въ военной службѣ доплатить имъ то, чего не додалъ въ военной; а равно и разстроенное имѣніе, годъ отъ году болѣе и болѣе уменьшающееся, не есть ли самый справедливый предлогъ, на которомъ основываясь, я могу оправдаться и въ глазахъ своихъ родственниковъ и всѣхъ благоразумныхъ людей. Облагодѣтельствованный Петромъ Ѳедор. на всю жизнь свою, и зная сколь живое участіе принимаетъ онъ во всемъ, что касается до нашей фамиліи, я почитаю за непростительный проступокъ и неблагодарность приступить столь къ важному дѣлу, не спрося у него совѣта и благословенія; почему и прошу у васъ покорнѣйше, люб. матушка, показать ему сіе письмо. Каковъ бы отвѣтъ ни былъ, я клянусь слѣдовать оному, хотя бы то было съ утратою моего спокойствія; но только поспѣшите отвѣтомъ, дабы я могъ принять надлежащія мѣры. Письмо сіе посылаю страховымъ. Ради Бога, отвѣчайте поскорѣе.

С. Бѣлогорье, Сентября 17 дня, 1817.

7.

Въ прошедшемъ письмѣ я увѣдомлялъ васъ о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, дабы только жить для васъ и для милой Наталіи, и просилъ вашего на то позволенія; не получая по сіе время никакого на сіе отвѣта, я уже теряю надежду, чтобы желаніе мое могло въ нынѣшнемъ году совершиться, ибо уже приближается то время, когда болѣе не будутъ принимать просьбъ объ отставкахъ; а какъ теперь произошла у насъ перемѣна въ формѣ мундировъ: прежніе отмѣнены, а положено теперь имѣть однобортный колетъ и вицъ-мундиръ по образцу драгунскихъ, только съ петлицами и красною выпушкою кругомъ, сверхъ того велѣно имѣть лядунку съ золотою перевязью на манеръ гвавдейской конной артиллеріи, съ тою только разницею, что у насъ на лядункѣ, вмѣсто орла, должны быть крестообразно пушки; эполеты золотые, такіе же точно какъ въ гвардіи, но съ прибавкою нумеровъ; у насъ они должны быть съ 11-мъ нумеромъ; протупея къ саблѣ также золотая, все прочее остается по прежнему. Вся обмундировка, по приказу корпуснаго командира, должна непремѣнно кончиться до февраля мѣсяца будущаго года, ибо около того времени мы выступимъ на смотръ къ государю. На всю сію необходимую обмундировку нужно: 1) темно-зеленаго (не черна го) сукна на колетъ, вицъ-мундиръ и двое панталонъ $6^1/_2$ арш.; 2) сукна сѣраго для шинели 6 арш. и сукна сѣраго получше для рейтузъ 2 арш., и $^1/_2$ арш. лучшаго краснаго; 3) лядунку съ золотою перевязью; 4) къ саблѣ золотую протупею; 5) двѣ пары эполетъ золотыхъ съ серебряными нумерами; 6) петлицъ двѣ же пары золотыхъ на черномъ сукнѣ и 7) два темляка. Не имѣя никакой возможности все сіе самъ исправить, осмѣливаюсь я безпокоить васъ, люб. матушка! Знаю, сколь сіе васъ опечалить, но дѣлать нечего: обстоятельства и судьба расположили такъ. Прибѣгните съ просьбою къ Петру Ѳед., если сами не въ состояніи; онъ самъ увидитъ нашу необходимость и поможетъ, а мы, съ помощію Божіею, современемъ отблагодаримъ его. Сдѣлайте милость только, люб. матушка, поспѣшите присылкою упомянутыхъ вещей до февраля мѣсяца, дабы я могъ быть исправенъ къ смотру государя, который непремѣнно будетъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Вы не повѣрите, люб. матушка, какъ больно мнѣ, что сіе письмо обезпокоитъ васъ! Одинъ Богъ свидѣтель, что у меня теперь на сердцѣ!

Про Наталію и ея родителей напишу въ слѣдующемъ письмѣ обстоятельнѣе; а теперь нѣкогда: спѣшу отправить сіе письмо.

Сл. Подгорная. Ноября 31 дня, 1817 г.

8.

Письмо ваше, которымъ вы увѣдомляете меня вторично о тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находитесь вы теперь, по случаю предстоящаго срока ко взносу денегъ въ ломбардъ, я получилъ на сихъ дняхъ. Изъ онаго также вижу я, что вы не менѣе безпокоитесь и въ разсужденіи меня, касательно обмундировки; почему и спѣшу увѣдомить васъ, люб. матушка, дабы вы въ разсужденіи сего были покойны; ибо я увѣренъ, что подполковникъ нашъ, зная, что я уже писалъ къ вамъ и просилъ позволенія оставить службу, не станетъ принуждать меня сдѣлать новую обмундировку. Изъ того же письма вижу я, что вы писали ко мнѣ въ разсужденіи моей женитьбы, но какъ я сего письма не получалъ, то и прошу васъ покорнѣйше, л. м., увѣдомить меня вторично. При семъ скажу вамъ откровенно, что отъ вашего рѣшенія зависитъ моя участь: вашъ отказъ погубитъ меня. Не подумайте, что любовь ослѣпляетъ меня. Я все разсмотрѣлъ прежде нежели рѣшился просить вашего благословенія, и нашелъ, что тогда только буду счастливъ, когда вы согласитесь на мою просьбу. Полагаю, что и ваше собственное спокойствіе отъ сего же зависитъ. Вамъ извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, какъ разстроено ваше имѣніе! Кто жъ другой долженъ заняться устройствомъ онаго, какъ не я? И такъ уже много прошло времени въ службѣ, которая никакой не принесла мнѣ пользы, да и впередъ не предвидится, и съ моимъ характеромъ я вовсе для нея неспособенъ. Для нынѣшней службы нужны......, а я къ счастію не могъ имъ быть и по тому самому ничего не выиграю. Прошу также увѣдомить меня, какого о семъ мнѣнія П. Ѳед.

На всякій случай прилагаю здѣсь адресъ, по которому вы можете, если заблагоразсудится, писать къ Матренѣ Михайловнѣ, супругѣ Михаила Андреевича Тевяшева.

Л. м., пришлите сдѣлайте милость книжку съ узорами, для вышиванія по канвѣ; а также и разноцвѣтнаго б и с е р у. Наталья Михайловна старалась сама достать въ Воронежѣ, но не нашла. Сдѣлайте милость пришлите.

Апрѣля 7 дня, 1818.

9.

Слезы текли изъ глазъ моихъ, когда я читалъ письмо ваше; чувствовалъ всю цѣну совѣтовъ вашихъ, разсуждая, испытывалъ себя, и наконецъ, чувствуя, что я буду несчастнѣйшій человѣкъ, если не соединюсь съ Наташей, показалъ родителямъ ея ваше письмо. Кажется, они были довольны симъ поступкомъ. Спрашивали Наташу, и на другой день объявили мнѣ ея и собственное свое согласіе, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы я вышелъ въ отставку. Скажите, л. м., какъ было мнѣ не согласиться для Наташи оставить службу. Могъ ли я отказаться отъ нея? А это было бы все равно.

Такъ какъ намъ въ октябрѣ мѣсяцѣ походъ опять въ Орловскую губернію, объ чемъ я извѣстилъ и почтеннаго Михаила Андреевича, то онъ и положилъ было такъ: дабы я, получивъ отставку, съѣздилъ къ вамъ получить благословеніе; но когда я изъяснилъ ему, что поѣздка въ такую даль будетъ сопряжена съ значительными издержками, и что я письмомъ могу исходатайствовать ваше благословеніе, то онъ согласился и на то, дабы я вдругъ по полученіи отставки пріѣхалъ къ нему.

Такъ какъ у Наташи есть здѣсь 25 душъ крестьянъ, то онъ меня и спрашивалъ: гдѣ я, здѣсь или въ вашей деревнѣ намѣренъ жить? Я отвѣчалъ на сіе, что это будетъ въ волѣ Натальи Мих., но что намъ непремѣнно надобно будетъ ѣхать въ Петербургъ къ вамъ, на что тогда же всѣ согласились и положили во всемъ отдаться на вашу волю. Вотъ, л. м., что произошло послѣ полученія вашего письма. Объ свойствахъ Наташи я повторять не стану; я уже писалъ къ вамъ, что они ангельскія, и вы это сами скажете, когда узнаете ее.

Въ прошедшемъ письмѣ я просилъ васъ, дабы вы писали къ Матренѣ Михайловнѣ, супругѣ Михаила Андреевича. Сдѣлайте милость, л. м., пишите, а равно и пришлите мнѣ благословеніе, а также исходатайствуйте оное и отъ П. Ѳедор.

Л. м., я уже писалъ къ вамъ, что я имѣю крайнюю надобность въ деньгахъ, и дѣйствительно, я такъ обносился, что даже стыдно. Бѣлье скоро совсѣмъ нельзя будетъ носить, а въ платьѣ не знаю какъ и исправиться, потому что нѣтъ денегъ и сверхъ того, какъ я еще изъ Мценска писалъ къ вамъ, долженъ товарищамъ. Это-то самое и было причиною, что я почти ничего не могъ сдѣлать себѣ на свое жалованье, ибо я онымъ уплачивалъ

имъ данныя ими мнѣ деньги, когда меня обокрали подъ Мценскомъ. Теперь я остался долженъ 300 р. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ хотя 500 р., а равно и суконъ, дабы я могъ одѣться по цивильному, ибо я уже не намѣренъ обмундировываться по военному.

Долженъ я еще увѣдомить васъ, что у насъ было случилась въ ротѣ весьма непріятная исторія: С-тъ, дабы перессорить между собою офицеровъ, представилъ младшихъ къ повышенію чиновъ. Это догадались и всѣ пошли къ нему. Тѣ, которыхъ онъ представилъ, сказали ему, что они не чувствуютъ, дабы они сдѣлали для службы что либо отличное противу своихъ товарищей; а тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ было обойти, сначала довольно учтиво, а наконецъ, видя, что онъ не унимается, съ неудовольствіемъ доказали ему—какъ онъ несправедливъ. Видя же, что и это его не трогаетъ, всѣ офицеры, и представленные и обойденные, подали къ переводу въ кирасиры; меня же тогда при штабѣ не случилось. Ѳедоръ же Петровичъ Миллеръ, находясь въ числѣ обиженныхъ, будучи имъ весьма дерзко оскорбленъ, вынужденъ былъ поступить съ нимъ какъ съ п......мъ. Но, слава Богу, все обошлось хорошо. Корпусный начальникъ артиллеріи пріѣзжалъ нарочно въ Бѣлогорье, дабы успокоить гг. офицеровъ и увѣрить С-та, что онъ кругомъ виноватъ. Послѣ сего, хотя онъ и примирилъ офицеровъ съ нимъ, но этотъ миръ не продолжится долго, ибо всѣ рѣшилися разными дорогами выбраться изъ роты. Ѳед. Пет. выходитъ въ отставку. Кажется, что и С-тъ послѣ полученнаго отъ него подарка долженъ оставить службу.

Впрочемъ будьте спокойны, я теперь совершенно уволенъ отъ штабныхъ занятій и стою особенно въ Подгорномъ съ командою, слѣдственно со мною ничего случиться не можетъ. А равно и то, что я подаю въ сентябрѣ въ отставку, С-тъ не можетъ причесть къ послѣдствіямъ случившихся въ ротѣ неудовольствій, ибо намѣреніе мое ему давно было извѣстно...

Наша рота переименована 12-ою. Адресъ все старый.

P. S. Если будете писать къ Матренѣ Мих., то вложите въ мое письмо.

Іюня 18 дня, 1818.

10.

Больно, очень больно мнѣ, что я умножаю ваши печали; но видно Богу такъ угодно. Въ этомъ мірѣ ничего нѣтъ вѣчнаго и потому несчастія наши должны когда нибудь кончиться. Я уже

писалъ вамъ, какимъ образомъ я сіе намѣренъ сдѣлать, и просилъ вашего благословенія. Вы ничего въ отвѣтъ не пишите; не знаю чему приписать ваше молчаніе! Если оно есть знакъ вашего несогласія, то почему вы не изъявите онаго прямо, дабы я могъ изложить яснѣе свои мнѣнія. Когда вы полагаете меня слишкомъ молодымъ, дабы сдѣлать столь важный шагъ, то я-бы могъ вамъ на сіе представить тысячи опроверженій къ моему оправданію. Если почитаете за неприличное въ такихъ молодыхъ лѣтахъ оставить службу, то я уже на сей конецъ писалъ къ вамъ, что служить можно не въ одной военной службѣ. Впрочемъ все мечта; Человѣкъ родится не для другихъ только, онъ долженъ заботиться и о себѣ—и потому, кажется довольно........ пяти лѣтъ; пора подумать и о своихъ!—Между тѣмъ, л. м., если Богъ поможетъ вамъ прислать мнѣ вещи, объ которыхъ я писалъ къ вамъ, то я постараюсь ихъ хорошо сберечь до сентября, дабы съ позволенія вашего подавши въ отставку, могъ бы оные, хотя съ нѣкоторою уступкою продать. Объ переводѣ же я болѣе не думаю; все равно годъ гдѣ бы ни было дослужить. Впрочемъ, скажу вамъ откровенно, что я не безъ сожалѣнія разстанусь съ своими товарищами.

P. S. Если бы вы знали, чего мнѣ стоило написать письмо къ П. Ѳедор.; если бы я не зналъ его, то никогда бы на то не рѣшился. Сл. Подгорная. Января 31 дня, 1819.

11.

Покорнѣйше благодарю васъ, л. м., за присылку гостинцевъ на праздникъ, съ которымъ имѣю честь поздравить, и желаю провести оный въ радости и удовольствіи. — Отъ Настасьи Мих. и отъ Матрены Мих. мы получили на дняхъ письма. Настинька, слава Богу, здорова и почти все говоритъ; такъ по крайней мѣрѣ пишутъ; но тамъ случилось другое несчастіе—Настасья Мих. лишилась мужа. Александръ Даниловичъ скончался на второй недѣли поста, 23 февраля, въ домѣ Матрены Мих. Онъ пріѣхалъ проводить Алексѣя Михайловича, который пріѣзжалъ изъ полка въ отпускъ; пошелъ въ баню; вышедши выпилъ 4 стакана холоднаго квасу и получилъ горячку; ее однако успѣли перервать; мать его пріѣхала; пріѣхали еще два лекаря; но мокроты, скопившись въ груди, кончили жизнь его; онъ погребенъ въ Сагунахъ, гдѣ жилъ. Старуха мать, какъ убитая; лишилась послѣдняго сына. Теперь проситъ Настасью Михайловну, чтобы не покинула ее на старости и жила бы съ нею. Я писалъ къ Настасьѣ Мих. и какъ умѣлъ,

старался утѣшить ее; а равно писалъ я и къ старухѣ. Съ наступающимъ праздникомъ прошу васъ покорнѣйше поздравить Катерину Ивановну, Наталью Никитишну и дѣтей.

Далѣе шла надгробная Рыжку. См. I т. 190 стр.

Письмо матери къ К. Ѳ. Рылѣеву.

Петродаръ, 19 октября 1817 года.

Другъ мой, Кондратій Ѳедоровичъ, письмо я твое получила. Правда твоя, что я не была счастлива: отецъ твой не умѣлъ устроить мое и твое спокойствіе; что дѣлать, Богу такъ было угодно. Благодѣтель мой и другъ, Петръ Ѳедоровичъ, далъ мнѣ кусокъ хлѣба. Тебѣ, мой другъ, извѣстно, деревня не такъ велика: ревизскихъ душъ 42, а работниковъ 17, то самъ посуди, сколько они могутъ наработать: земля у насъ не такая, какъ тамъ, гдѣ ты теперь; долгу на мнѣ много, деревня въ закладѣ, тебѣ извѣстно, что я насилу могу проценты платить, и то съ помощію друга моего, Петра Ѳедоровича; а что пишешь въ разсуждіе женитьбы, я не запрещаю: съ Богомъ, только подумай самъ хорошенько; жену надо содержать хорошо, а ты чѣмъ будешь ее покоить? Петродаръ не много дохода приноситъ, только что и можно продать одинъ овесъ, и то не болѣе какъ 50 четвертей. Посуди самъ, Наталія и ты будете горе терпѣть, а я, глядя на васъ, плакать. Я совѣтую тебѣ, какъ мать и другъ твой вѣрной, подумай хорошенько и скажи невѣстѣ и родителямъ ея правду, сколько ты богатъ; то я не думаю, чтобъ они захотѣли бы, чтобъ дочь ихъ милая терпѣла нужду. Посуди самъ, тебѣ только 22 года недавно, и служба, и чинъ твой такъ малы; если и въ статскую службу идти по твоему чину, то я не знаю, какое мѣсто; я удивляюсь, что тебѣ наскучила военная служба; что ты будешь дѣлать въ деревнѣ? чѣмъ займешься; скоро все тебѣ наскучитъ и самъ будешь жалѣть, что скоро поспѣшилъ отставкою; можешь и женатый служить: ты не первой, много женатыхъ, да служатъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ; впрочемъ, самъ лучше знаешь, ты имѣешь умъ; любовь скоро проходитъ, какъ у стариковъ, такъ и у молодыхъ, посуди хорошенько, чтобъ не сдѣлать Наташу несчастной и родителей ея не заставляй раскаяваться, что они дочь свою милую отдали за тебя. Ты говоришь: люблю ее и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно. Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь какая это птица—любовь! какъ прилетитъ, такъ и улетитъ; покойный отецъ твой говорилъ мнѣ: вѣчно любить тебя стану—и его любовь улетѣла.

Я вижу, другъ мой Кондраша, письмо мое тебѣ нанесетъ много непріятностей, будь терпѣливъ, прочитай со вниманіемъ, современемъ будешь благодарить меня. Ты еще такъ молодъ и не можешь судить, сколько обязанностей священныхъ въ супружествѣ должно хранить. Я—мать и хочу съ сыномъ говорить откровенно: женитьба твоя меня не огорчаетъ, а что ты выходишь изъ службы, то меня поразило.

Петра Θедоровича я давно не видала, потому что я живу въ деревнѣ; письмо твое прислалъ ко мнѣ и прежде прочиталъ, не знаю какъ онъ судитъ о твоей отставкѣ; я просила его письмомъ, чтобъ онъ къ тебѣ написалъ какъ отецъ и благодѣтель; онъ самъ служилъ Богу и государю, но болѣзнь его принудила выйти въ отставку. Дядя твой и старикъ все еще служитъ и ничего не имѣетъ, однимъ жалованьемъ живетъ.

Прощай, другъ мой Кондраша, будь здоровъ и веселъ и спокоенъ, чего желаетъ тебѣ мать и другъ твой вѣрной и молитъ Господа Бога, чтобъ онъ тебя не оставилъ своимъ святымъ покровомъ; пиши поскорѣй, успокой мать твою. Настасья Рылѣева.

Я сколько разъ тебя спрашивала: у тебя ли Абрамъ? увѣдомь, если онъ бѣжалъ, то я подамъ объявку; напиши ко мнѣ. Третью ночь, какъ я не могу спать, а все твоя отставка, милый мой Кондраша! Подумай хорошенько, ты такъ молодъ и мало служилъ.

Настасьѣ Михайловнѣ Тевяшевой [1]).

Воронежъ, января 14 дня, 1819.

Милая, несравненная сестрица, Настасья Михайловна! Вы желаете знать объ новостяхъ и веселостяхъ воронежскихъ? Что я скажу вамъ объ нихъ, когда я почти ни у кого и нигдѣ не бываю? Мнѣ здѣсь такъ грустно, такъ грустно, что я и выразить того не въ состояніи. Будучи разлученъ съ вами и съ милою, несравненною вашею сестрицею, какія могу я вкушать радости?.. Одно, одно только удовольствіе осталось мнѣ: оно состоитъ въ воспоминаніи о прошедшемъ и въ ожиданіи блаженства въ будущемъ—вотъ единственное мое утѣшеніе, которымъ я еще наслаждаюсь. — Странно, чѣмъ ближе я къ своему блаженству, тѣмъ болѣе опасеній и боязни для моего сердца! Представьте себѣ... я вообразилъ, уже не заболѣлъ ли кто въ вашемъ домѣ!.. Наконецъ, узнаю я, что всѣ вы здоровы и веселы. Это обрадовало меня и вмѣстѣ опечалило. Можно ли быть тому веселымъ, кто въ разлукѣ съ тѣмъ, кого любитъ! Ахъ, я по собственному опыту знаю, что невозможно. Къ тому-жъ сестрица ваша еще и насмѣшница! Желаетъ мнѣ „проводить въ Воронежѣ въ радости и въ удовольствіи все время!“ Не значитъ ли это думать, что я въ состояніи безъ нея радоваться и быть счастливымъ? Не значитъ ли это не довѣрять чувствамъ моего сердца? Богъ съ нею; пусть теперь сомнѣвается во мнѣ; время оправдаетъ меня и, можетъ быть, наградитъ

---

[1]) Сестрѣ жены.

такою-же точно любовію ко мнѣ Натальи Михайловны, какую я теперь и всегда питаю къ ней и буду питать въ душѣ своей. Можетъ ли она сомнѣваться во мнѣ?.. Я въ Воронежѣ, но мысли мои, но сердце мое, но душа моя у васъ въ Подгорномъ. А здѣсь...

Ахъ, нѣтъ ея со мной! Безцѣнная далеко!
И я въ разлукѣ съ ней, сталъ точно сиротой!
Брожу въ уныніи, въ печали одинокой!
И все мнѣ говоритъ: ахъ, нѣтъ ея со мной!

Но, пройдетъ двѣ съ половиною недѣли и, можетъ быть, я въ силахъ буду сказать:

Какъ сладко вмѣстѣ быть!.. Какъ тѣ часы отрадны,
Когда прелестной я могу сто разъ твердить:
Люблю, люблю тебя, мой ангелъ ненаглядный!
Какъ мило близъ тебя! какъ сладко вмѣстѣ быть!

Въ разсужденіи новостей, я ничего болѣе не могу вамъ сказать, какъ только то, что губернаторъ завтра, т. е. въ четвергъ, уѣзжаетъ въ С.-Петербугръ, гдѣ займетъ по министерству финансовъ мѣсто директора по части государственнаго хозяйства. Мѣсто важное, означающее къ нему довѣріе государя, который также прислалъ ему на проѣздъ 20,000 р., да за губернію 5000 десятинъ земли! Носятся слухи, что вся Россія будетъ раздѣлена на генералъ-губернаторства, какъ при Екатеринѣ — на намѣстничества, и что въ Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерніяхъ будетъ генералъ-губернаторомъ князь Голицынъ.

Да, позабылъ разсказать вамъ довольно забавный анекдотъ, недавно здѣсь случившійся, про который довольно долго здѣсь шумѣли. Извѣстно, что почти всѣ находящіеся здѣсь кабаки сняты Маринымъ, Чарыковымъ и, подъ чужимъ именемъ, и самимъ вицъ-губернаторомъ. Крѣпостные ихъ люди, продающіе въ кабакахъ вино, надѣясь одни на родство, а другіе на дружбу ихъ господъ съ Солнцевымъ, безъ всякой совѣсти обмѣривали покупщиковъ. Это разнеслось повсюду. Петръ Александровичъ, желая на опытѣ испытать то, въ партикулярномъ платьѣ, ночью поѣхалъ по кабакамъ. Пришедъ въ одинъ изъ нихъ, онъ дѣйствительно застаетъ сидѣльца, который обмѣривалъ... „Что ты дѣлаешь братецъ? Зачѣмъ обмѣриваешь?“ спросилъ Солнцевъ. Сидѣлецъ, не узнавъ вицъ-губернатора, отвѣчалъ: „И, баринъ, кому-жъ и обмѣривать, какъ не намъ? Нашъ вить баринъ-то родня Петру Александровичу!“ (человѣкъ сей былъ Марина). Сей анекдотъ, который конечно бы должно было скрыть, самъ Солнцевъ по неосторожности раз-

сказалъ за столомъ у своего тестя при многочисленной публикѣ. Но вотъ новость, которая вѣрно будетъ весьма пріятна Мих. Андреевичу и Матренѣ Мих.—при 306-мъ нумерѣ Инвалида увидѣлъ я, что приказомъ государя, отданнымъ отъ 26-го декабря, въ С.-Петербургѣ, конно-артиллерійской № 12 роты прапорщикъ Рылѣевъ увольняется отъ службы подпоручикомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. (Михайло Андреевичъ! За это можно выпить рюмку водки). И такъ теперь я свободенъ, или покрайней мѣрѣ очень скоро буду такимъ. Признаться, когда я прочелъ этотъ приказъ въ комиссіи, то такъ обрадовался, что даже на минуту позабылъ, что я не въ Подгорномъ!.. Прилагаю при семъ два узора; радъ если понравятся вамъ; но извините, что такъ худо срисовалъ: спѣшилъ. Надѣюсь, что и Ангелъ Херувимовна проститъ мнѣ то...

Прошу, м. с., не забыть бѣднаго, разлученнаго съ милѣйшими для него существами воронежскаго труженика, который отъ 6 часовъ утра до 3 вечера безпрестанно мерзнетъ въ комиссаріатскихъ лабазахъ, стараясь поскорѣй отдѣлаться отъ послѣднихъ хлопотъ службы. Попросите также милую сестрицу вашу, чтобы и она написала ко мнѣ, да чуръ побольше, какъ она проводитъ время, помнитъ ли меня? и проч...

Письма къ женѣ.

1.

С.-Петербургъ. 25 ноября 1820.

Милый другъ Наташинька! Увѣдомляю, что просьба матушкина получена въ сенатѣ, но какъ полагаютъ, возвращена будетъ съ надписью, ибо таковыхъ въ общемъ собраніи не разсматриваютъ. Такъ говорилъ мнѣ одинъ секретарь сенатскій; но я думаю, что это въ переводѣ значитъ: дай! Я писалъ уже объ этомъ къ Алексѣю Михайловичу. Я буду стараться, сколько моей силы станетъ. Оберъ-прокуроръ Мавринъ знакомъ намъ весьма хорошо; но все безъ денегъ ничего нельзя будетъ сдѣлать. Деньги лучшіе стряпчіе, а потому и скажи матушкѣ и Ивану Михайловичу [1]), чтобъ поспѣшили выслать къ январю рублей тысячу. Разумѣется, я упо-

---

[1]) Должно быть, братъ жены Рылѣева.

треблю ихъ въ такомъ случаѣ, когда дѣлу можно будетъ дать чрезъ то хорошій оборотъ. Завтра же ѣду къ оберъ-секретарю Ушакову просить, дабы просьба была принята. Изъ прилагаемой записки изъ сената отъ секретаря въ отвѣтъ на мою выправку чрезъ Крестьяна Ивановича увидите, что уже пора подмазывать.

2.

Харьковъ. Іюня 28 дня, 1822.

Милый другъ мой, Наташинька! Мы пріѣхали въ Харьковъ вчера, т. е. въ воскресенье, поутру. Наканунѣ ночевали отъ Харькова въ 6 только верстахъ на постоялом дворѣ, ибо хотя и было еще рано, но по грязной дорогѣ лошади едва волочили бричку... Отсюда надо завтра на почтовыхъ на Ахтырку, Роменъ и Прилуки. Слѣдовательно, могу надѣяться быть у Алексѣя Мих. Подорожную я получилъ уже отъ губернатора. Прекраснѣйшій человѣкъ! Меня принялъ весьма ласково, распрашивалъ — зачѣмъ я въ Харьковѣ и когда я ему сказалъ, то онъ весьма хвалилъ г-на Роберти.

Мишенька послѣ меня сталъ скучать и просился на время ко мнѣ, но г. Роберти не отпустилъ его. Онъ хотя и не сѣчетъ, но строго содержитъ учениковъ; они его любятъ, но вмѣстѣ и боятся... Самъ Роберти съ женою и дѣтьми кушаетъ всегда вмѣстѣ съ учениками. По русски почти не говорятъ, а все по французски или по нѣмецки.

Пиши ко мнѣ въ Кіевъ съ первою же почтою, ибо я буду въ немъ, съ Божіею помощію, дня чрезъ четыре. Прощай

Мой другъ! Хранитель Ангелъ мой!
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но гдѣ для страсти выраженья!

3.

Кіевъ. Іюля 7 дня, 1822.

Я былъ у братца Алексѣя Мих. въ эскадронѣ, но къ сожалѣнію не засталъ его, и пробывъ полторы сутки, принужденъ былъ поспѣшить въ Кіевъ, поручивъ капитану Балабину объявить ему о смерти почтенѣйшаго батюшки... [1]) Ты я думаю весьма удивилась, что я въ письмѣ изъ Харькова не послалъ даже и поклона Настинькѣ; мнѣ хотѣлось немножко разсердить тебя. Увѣдомляю тебя,

---

[1]) Т. е. отца Наталіи Михайловны.

что я не пробуду здѣсь и мѣсяца; все идетъ хорошо. Не знаю какъ будетъ далѣе.

Новостей я здѣсь не слышалъ. Только недѣль шесть назадъ случилось здѣсь весьма трагическое происшествіе. Одинъ гвард. офицеръ нашелъ въ Выборгѣ, что въ Финляндіи, портретъ одной прекрасной дамы и влюбился въ нее. Долго искалъ онъ оригинала въ Петербургѣ и другихъ городахъ, наконецъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ и находитъ то, къ чему стремился всею душею. Это была дочь генерала Рейхеля. Представь какое для него восхищеніе! Онъ старается познакомиться въ домѣ. Его полюбили и дали слово выйти за него. Онъ пишетъ къ родителямъ своимъ. Между тѣмъ, невѣрная Лиза вдругъ перемѣняется и отказываетъ ему. Несчастный проситъ, умоляетъ ее возвратить ему прежнюю любовь, уже поздно. Вѣтренница уже полюбила другаго, и назначила день свадьбы. Бѣднякъ, получивъ письмо отъ отца, который позволялъ ему жениться, бѣжитъ съ онымъ въ домъ невѣрной; но жестокая принимаетъ его такъ холодно, такъ холодно, что несчастный схватываетъ пистолетъ, чтобы застрѣлиться; отецъ невѣсты вырываетъ у него оный, но онъ, выбѣжавъ на улицу, вскричавъ еще разъ: „Лиза, Лиза!" передъ ея окошками стрѣляетъ себѣ въ самое сердце! Въ оставленномъ письмѣ онъ просилъ, дабы портретъ невѣрной положили съ нимъ. Онъ похороненъ недалеко отъ города, въ дубовой рощѣ, безъ всякаго обряда, какъ самоубійца! — Жестокая Лиза черезъ недѣлю обвѣнчалась съ другимъ! Вотъ каковы женщины!..

4.

Москва. 1824 года, декабря 9.

Я сей часъ ѣду въ Петербургъ. Москвою я чрезвычайно доволенъ: я былъ здѣсь принятъ, какъ нельзя лучше, гдѣ только ни былъ. Представь себѣ: я встрѣтилъ здѣсь Черновыхъ—Константина и Сергѣя Пахомовичей; они пріѣхали сюда с т р ѣ л я т ь с я съ Новосильцовымъ и уже чуть не было дуэли, наконецъ, все кончилось миромъ. Отецъ и мать Новосильцова позволили ему жениться наконецъ, и скоро будетъ свадьба. Слава Богу, что такъ благополучно кончилось. Здѣсь только и говорятъ объ этомъ. Наводненіе въ Петербургѣ было ужасное, а равно и въ Кронштадтѣ корабли ходили по улицамъ. Не описываю тебѣ подробностей до пріѣзда въ Петербургъ... Я очень здоровъ: все еще дѣйствуетъ подгоренскій воздухъ...

Изъ Петербурга напишу объ своемъ пребываніи въ Москвѣ

подробно къ тебѣ, такъ и къ Бедрагамъ. Теперь скажи имъ, что Денисъ Давыдовъ кланяется имъ.

5.

С.-Петербургъ. Декабря 14 дня, 1824.

Наконецъ я добрался до Петербурга. Ты, я думаю уже слышала о бывшемъ здѣсь наводненіи и объ ужасахъ, которые оно произвело. Представь же себѣ мое удивленіе, когда я, въѣхавъ въ городъ, едва могъ замѣтить слѣды онаго. Не смотря на то, многіе однакожъ пострадали и еслибъ не пособія правительства и людей частныхъ—голодъ и нищета довершили бы зло, причиненное водою. Теперь почти всѣмъ потерпѣвшимъ сдѣлано возможное вспоможеніе. Мы же съ тобой должны благодарить Алекс. Алекс. Бестужева: наши люди совершенно потерялись, и еслибъ не было его, то мы лишились бы всей мебели и всего, что было въ комодахъ. Бестужевъ прежде сталъ законопачивать двери; когда же вода начала пробираться въ щели и сквозь полъ, онъ приказалъ мебели ставить однѣ на другія и выбирать изъ комодовъ все, и находясь почти по поясъ въ водѣ, до тѣхъ поръ не оставилъ квартиры, покуда все не прибралъ. Такимъ образомъ онъ спасъ все почти, и твой мѣхъ; попортилось только мое бюро, письменный столъ, твой рабочій столикъ, половина моей библіотеки и еще коечто. Прочее все спасено; да потонула корова. Въ комнатахъ воды было выше полтора аршина. Катерина Ивановна также пострадала; она съ дѣтьми провела около сутокъ на чердакѣ и лишилась довольно мебели; а что всего хуже потеряла Вѣрочку: крошечка умерла отъ простуды, точно тою-же болѣзнію, какъ и нашъ Саша. Теперь слава Богу ей помогли, и есть надежда, что царь назначитъ ей пенсіонъ. Веберъ ужасно пострадалъ; потери много. Прасковья Алексѣевна больна и живутъ въ одной гостинной и въ ужасной сырости. Наша прежняя квартира стоитъ теперь безъ оконъ; въ ней жилъ Нелидовъ и все потерялъ. Слава и благодареніе Богу, что мы выѣхали. По 16 линіи, гдѣ ни взглянешь, вездѣ опустошеніе. Передъ Вебера домомъ лежало нѣсколько утопшихъ. Представь себѣ ужасъ его. Множество домовъ совершенно снесено. Кронштадтъ также весьма пострадалъ. Но будь покойна: скоро не останется и слѣдовъ ужаснаго бѣдствія. Все, что можно было сдѣлать людямъ, люди все сдѣлали.

Объ себѣ скажу тебѣ, что я до Москвы отъ Воронежа ѣхалъ уже на саняхъ. Въ Москвѣ пробылъ недѣлю и никогда не забуду

этого времени. Гостепріимная старушка Москва очень мила. Меня приняли и знакомые и незнакомые, какъ нельзя лучше, и я едва могъ выбраться: затаскали по обѣдамъ, завтракамъ и ужинамъ. Супруга Владиміра Ивановича барона Штейнгейль проситъ, что бы ты, во время проѣзда своего чрезъ Москву, остановилась въ ихъ домѣ; она обѣщаетъ показать тебѣ все любопытное. Я у нихъ былъ принятъ какъ родной—и это врѣзалось въ сердцѣ моемъ...

Касательно Мишеньки, я уже справлялся. Нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить его въ измайловскій полкъ. А это право нехудо... Безстужевы кланяются тебѣ; они уже пріѣхали...

6.

С.-Петербургъ. Января 27 дня, 1825.

Письмо твое, въ которомъ увѣдомляешь меня о пріѣздѣ братца Алексѣя Мих., я получилъ вчера.... Объ себѣ скажу, что я благодаря Бога, здоровъ; но только часто страдаю припадкомъ скуки.... Какъ я былъ здоровъ въ Подгорномъ! Самъ удивляюсь и не знаю чему это чудо приписать: подгоренскому климату или подгоренскому добродушію.

Сколько разъ жалѣю я, что неопреодолимыя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу, тогда какъ слабость здоровья, расположеніе, душевное желаніе, поэзія и чувства влекутъ меня на Украйну.

Сей часъ была у меня Татьяна Николаевна..... добрая женщина по сію пору плачетъ о маменькѣ.... Дома все благополучно.... Въ гостинной перекладывали печь; наводненіе совершенно ее испортило. Въ спальнѣ нашей велю также переклaсть, но не прежде весны; тогда же будутъ и красить комнаты; у насъ въ комнатѣ воды было выше аршина. Впрочемъ большаго вреда не было. В. С. получила по случаю наводненія 2500 р. Въ деревнѣ продолжаютъ возить лѣсъ: уже привезено до 200 бревенъ. Весною съѣзжу въ деревню на недѣлю и займусь поправкою дома и флигеля къ твоему пріѣзду....

Могилка Саши цѣла.

7.

Вотъ я уже пишу къ тебѣ третье письмо изъ Петербурга, а ты еще только однимъ порадовала меня. Это, дружечикъ мой, стыдно и грѣшно. Пожалуста пиши хоть два раза въ мѣсяцъ: мнѣ очень скучно безъ твоихъ писемъ. Хочется мнѣ знать обо всѣхъ васъ; ждешь

почты; она приходитъ и вдругъ—ничего, даже досадно. Я по большей части сижу дома; принялся за Полярную Звѣзду: надѣюсь выдать къ Святой. Теперь же еще скопилось много дѣлъ по Компаніи, которыя всѣ въ этомъ мѣсяцѣ надобно будетъ окончить; хлопотъ пропасть. При тебѣ все бы шло веселѣе. Впередъ и на мѣсяцъ не разлучусь съ тобою. Пиши ко мнѣ.... у тебя столько предметовъ, объ которыхъ можешь писать ко мнѣ чуть не каждый день полъ-листа, а ты лѣнишься.

Здѣшніе всѣ здоровы.... Безстужевъ Николай произведенъ въ слѣдующій чинъ и уже щеголяетъ въ большихъ эполетахъ... Локоны получишь передъ масляницей.

8.

Февраля 10 дня, 1825. С.-Пбургъ.

Письмо твое милое я получилъ на самой масляницѣ. Оно тѣмъ болѣе было мнѣ пріятно, что утѣшило въ скукѣ. Нынѣшняя масляница была мнѣ не въ масляницу.... Желаю, чтобы ты провела лучше; да иначе быть не могло: находишься въ кругу добрыхъ родныхъ, съ которыми все мило.... а я былъ въ совершенномъ почти одиночествѣ—настоящій сирота. Одинъ только Безстужевъ могъ разсѣять грусть мою, но на ту пору и у него было свое горе—и мы вдвоемъ довольно мрачно проводили вечера. Къ этому еще захворалъ нервическою горячкою бѣдный Яковъ и нѣсколько дней находился въ опасности. Теперь, благодаря Бога, началъ онъ поправляться мало по малу. Теперь собралось много дѣлъ въ Компаніи, сверхъ того начато печатаніе Полярной Звѣзды—это все вмѣстѣ заняло меня и нѣсколько разсѣяло скуку и пустоту душевную наполнило.... На счетъ Мишеньки мнѣніе мое не перемѣнилось. Науки онъ можетъ еще лучше кончить здѣсь, въ Петербургѣ, подъ моимъ надзоромъ и при знакомствѣ моемъ съ лучшими профессорами. Къ тому-жъ расходы будутъ тѣ же; быть можетъ еще умѣреннѣе, жительствуя съ нами. Что же касается до большихъ, будто бы издержекъ для содержанія его въ гвардіи, я болѣе ничего сдѣлать не могу, какъ только указать на Мих. Петр. Малютина и сотню друг. гвард. офицеровъ, служащихъ здѣсь при самомъ ничтожномъ вспомоществованіи со стороны родныхъ. При томъ же лучше двѣ-три тысячи издержать лишнія, но видѣть за то молодаго человѣка въ хорошемъ обществѣ и быть покойнымъ на счетъ его нравственности и образованія, теперь для каждаго необходимомъ. Знакомство мое будетъ и для него знакомствомъ; а тебѣ извѣстно, что я онымъ счастливъ.

9.

Изъ письма 20 февраля, 1825. С.-Пбургъ.

Я по прежнему сижу все дома вмѣстѣ съ Бестужевымъ и работаемъ для Полярной Звѣзды. Напечатано больше половины...

10.

С.-Петербургъ, февраля 26 дня, 1825 г.

Письмо твое, отъ 2-го числа февраля, получилъ. Вижу, что ты тоскуешь очень, не получивъ отъ меня около двухъ недѣль письма. Не понимаю, отчего письма мои не доходятъ къ тебѣ: я пишу постоянно чрезъ двѣ недѣли и часто каждую. Только предъ послѣднимъ письмомъ не писалъ недѣли три: былъ въ хлопотахъ какъ по службѣ, такъ и по изданію Полярной Звѣзды. Сверхъ того самъ грустилъ и при всемъ этомъ боялся за Якова, который былъ при смерти. А ты, мой другъ, могла написать, что я можетъ быть тебя забылъ! Мнѣ это очень больно и обидно. Будто въ столько лѣтъ ты не могла увѣриться въ моей къ тебѣ любви и привязанности. Чѣмъ сомнѣваться въ чувствахъ моихъ ты взяла бы подорожную, сѣла въ сани и пріѣхала бы сюда—это было бъ лучше. Въ другомъ мѣстѣ письма твоего ты думаешь, что сержусь на тебя. Но за что? Какъ тебѣ не стыдно такой вздоръ думать, и еще болѣе плакать. Видно, что ты стала слишкомъ грустить я и самъ грущу безъ тебя, мой милый ангелъ, но чтоже дѣлать! мы сами виноваты: ты въ томъ, что осталась на такое долгое время въ Подгорномъ; а я, что позволилъ тебѣ остаться. Впередъ этой милости отъ меня не ожидай... Мишеньку непремѣнно надобно привести сюда, а то онъ много потеряетъ время, да и лучше ѣхать съ братомъ. Денегъ я на дорогу вышлю тебѣ чрезъ недѣли три. Если же почему либо ты не получишь оныхъ въ половинѣ мая, то достань сама и выѣзжай съ подорожною по-почтѣ. Лошадей я раздумалъ покупать въ вашихъ краяхъ. Впрочемъ объ этомъ я еще буду писать къ тебѣ. Во всякомъ случаѣ я болѣе тысячи рублей не въ состояніи буду послать тебѣ! Не позабудь одѣть Настиньку потеплѣе, да дорбгой не давай ей воду безъ вина... Бестужевы кланяются тебѣ и всѣ упрекаютъ меня, что я рѣшился разстаться съ тобою на восемь мѣсяцевъ. Тебѣ также достается и по-дѣламъ...

11.

Очень радъ, что ты успокоилась моими письмами. Благодарю тебя и сестрицу за увѣдомленіе объ Настинькѣ. Поцалуй ее и благослови за меня. На счетъ раздѣла твое дѣло, а я на все буду согласенъ, на что ты будешь согласна, чтобъ сдѣлать угодное братцу Алексѣю Мих. Не знаю, почему сестрицѣ не выйти за Раевскаго... Вчера здѣсь былъ пожаръ; сгорѣлъ до тла новый деревянный театръ, который былъ построенъ у Чернышева моста. Въ немъ и двадцатипяти разъ не успѣли съиграть; пожаръ былъ 12 час. ночи; я ѣздилъ съ Бестужевымъ смотрѣть—ужасная картина!

Дома у насъ все благополучно... Все въ цѣлости, только не выкрашены стѣны, что сдѣлаю я въ концѣ апрѣля. Готовься къ дорогѣ; я скоро пришлю деньги; уговори матушку послать передъ святой недѣлею за Мишею, чтобъ онъ не задержалъ тебя. Всѣ вы вмѣстѣ съ братцемъ Алексѣемъ Мих. затѣяли вздоръ, вздумавъ опредѣлить его по министерству. Ему необходимо служить въ гвардіи: расходовъ лишнихъ не будетъ, это я беру на себя [1]). Только, ради Бога, привези его съ собою; я писалъ объ этомъ къ Алексѣю Мих...

3 марта, 1825.

12.

Письмо твое, я имѣлъ удовольствіе получить. Благодарю и цалую тебя за него. Одно мнѣ только досадно и на тебя и признаться на всѣхъ васъ, даже и на почтеннѣйшую матушку Матрену Мих. Это за вашу общую нерѣшимость насчетъ Мишеньки [2]). Не понимаю, какъ можно думать, что лучше и дешевле кончить въ Харьковѣ. Я кажется писалъ объ этомъ довольно обстоятельно. А я вижу: тутъ замѣшалась слабость маменьки, которую поддерживаетъ слабость сестрицы и слова братцевъ, что въ гвардіи содержаніе дорого, такъ для этого надо служить по министерству. Кто же вамъ сказалъ, что по министерству служба дешевлѣ? Таже—если не дороже. Я повторяю, что если можно служить Малютину, то можно и Тевяшеву. Да если и желаете вы, чтобы онъ выгоднѣе началъ службу, то все таки лучше въ гвардіи. Прослуживъ года четыре, онъ можетъ вступить въ службу гражданскую, прямо титулярнымъ совѣтникомъ, а пять—такъ коллежскимъ ассесоромъ или надворнымъ совѣтникомъ. Ради Бога, уговори маменьку от-

[1]) Очевидно Рылѣевъ старался для того, чтобы имѣть больше приверженцевъ Сѣверному обществу. [2]) Братъ жены.

править его съ тобой, иначе Миша пропадетъ. Пусть хоть последнее время не пропадетъ у него даромъ. На первый годъ болѣе тысячи, а можетъ и болѣе 800 р. не будетъ нужно; а въ Харьковѣ все дороже. Прощай, будь здорова, на слѣдующей почтѣ вышлю къ тебѣ деньги. Апрѣля 3 дня, 1825.

13.

Не знаю застанетъ ли мое письмо тебя въ Острогожскѣ, но на всякій случай пишу. На оборотѣ найдешь росписаніе станцій отъ Воронежа и сколько на каждой должно будетъ платить за 4 лошади. Сверхъ того давай вездѣ копѣекъ по 20 на водку, если хорошо и бережно будутъ везти. Разсчетъ пускай В... ведетъ, если онъ ѣдетъ съ тобой. Подорожную возьми на три лошади, а плати вездѣ за четыре—лучше везти будутъ. Береги себя и Настиньку; останавливайся ночевать, когда устанете. Въ Воронежѣ купи хорошаго вина, чтобъ дорогою подкрѣплять и себя и Настиньку. Прощай, мой другъ, будь здорова и поспѣшай къ другу, который стосковался по тебѣ...

Апрѣля 30 дня, 1825.

Переписка съ женою изъ крѣпости.

1.

19 декабря, 1825.

Увѣдомляю тебя, другъ мой, что я здоровъ. Ради Бога, будь покойна. Государь милостивъ. Положись на Бога—и молись. Настиньку благословляю. Увѣдомь меня о своемъ и ея здоровьѣ. Твой другъ К. Рылѣевъ [1]).

---

[1]) Жена К. Ѳ. Рылѣева 19 декабря подала прошеніе на Высочайшее имя объ объявленіи ей, гдѣ находится ея мужъ, и о разрѣшеніи допускать ее къ нему. Между тѣмъ Государь еще наканунѣ разрѣшилъ Рылѣеву переписываться съ женою. Оффиціально же объявлено ей 23 декабря, что на прошеніе ея соизволенія не послѣдовало.—Всѣ письма Рылѣева адресованы: „Натальѣ Михайловнѣ Рылѣевой. У Синяго моста, въ домѣ Россійско-Американской Компаніи"; а ея письма „Кондратію Ѳедоровичу Рылѣеву" и на каждомъ другой рукою выставленъ № 17, т.-е. № каземата, въ которомъ онъ былъ заключенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Декабря 21, 1825.

Отвѣтъ. Другъ мой, не знаю какими чувствами, словами изъяснить непостижимое милосердіе нашего Монарха. Третьяго дня обрадовалъ меня Богъ: Императоръ прислалъ твою записку и вслѣдъ затѣмъ 2000 р. и позволеніе посылать тебѣ бѣлье. Теперь умоляю тебя, молись небесному Творцу: все существо наше въ его власти. Наставь меня, другъ мой, какъ благодарить отца нашего отечества. Я не такъ здорова; Настинька подлѣ меня про тебя спрашиваетъ, и мы всю надежду нашу возлагаемъ на Бога и на Императора. Остаюсь любящая тебя Наталья Рылѣева. Пиши мнѣ, ради Бога. При семъ посылаю тебѣ двѣ рубашки, двое чулокъ, два платка, полотенце.

2.

Милосердіе Государя и поступокъ Его съ тобою потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить Его. Молись, мой другъ, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ Онъ Россію своимъ царствованіемъ. Ты пишешь, что ты не такъ здорова. Ради Бога, береги себя. Положись на Всевышняго и на милосердіе Государя и укрѣпи себя. Настиньку поцалуй и благослови за меня. Сего дня день ея именинъ: поздравь ее. За бѣлье благодарю тебя; чрезъ недѣлю пришли опять. Я, благодаря Бога, здоровъ. Безпокоюсь о тебѣ. Ради самаго Создателя, береги себя. Увѣдомляй меня о себѣ и о Настинькѣ; также о родныхъ нашихъ. Успокой матушку свою и сестрицу, и засвидѣтельствуй имъ мое почтеніе. Вѣрѣ Сергѣевнѣ мое душевное почтеніе. Попроси ее, чтобы она тебя навѣщала чаще. Въ твоемъ горѣ ея совѣты могутъ быть для тебя полезны; тебя же, мой другъ, прошу простить меня, чувствую какъ ужасно я огорчилъ тебя.—Съ бѣльемъ незабудь прислать фуфайку.

23 декабря, 1825.

Отвѣтъ. Ахъ, другъ мой, благодарю тебя за утѣшительное письмо твое: я его получила въ самый день праздника Рождества Христова. Оно облегчило нѣсколько мое сердце. Настинька, слава Богу, здорова и я съ нею. Молю Всемогущаго, да утѣшитъ меня извѣстіемъ, что ты невиненъ. Заклинаю тебя не унывай, въ надеждѣ на благость Господню и на состраданіе ангелоподобнаго Государя Императора! Неизъяснимы милости, вновь оказанныя. Добродѣтельнѣйшая Императрица Александра Өедоровна прислала мнѣ 22 числа, т.-е. въ именины Настиньки, тысячу рублей. Чѣмъ я могу, несчастная сирота, возблагодарить милосерднѣйшую Монархиню? Богъ видитъ слезы благодарности: онѣ проводятъ меня до могилы. Но до тѣхъ поръ, да сохранитъ Спаситель твое здоровье. На Бога и на милосердіе Государя нашего надѣюсь. Отъ маменьки и сестрицы я получила письма: онѣ, слава

Богу, здоровы, но къ нимъ еще не могу рѣшиться писать. Въ моемъ несчастіи Прасковья Васильевна меня не оставляетъ. Вѣра Сергѣевна была у меня одинъ разъ и то на минуту. Анна Ѳедоровна тебѣ кланяется. Настинька тебя все дожидаетъ: она думаетъ, что ты въ Москвѣ. Пиши мнѣ, ради Бога... Фуфайку пришлю съ бѣльемъ.

Декабря 26-го, 1825.

На этомъ письмѣ рукою Рылѣева: Катер. Ив. Малютиной 2000. Булдакову 3500. Компаніи 3000. За деревню въ ломбардѣ 8000 (каждый годъ съ 2 іюля по 700 или 800 р.). За серебро 2200. Разнымъ лицамъ 1000. (Всего) 19.700.—На Пущинѣ около 1500 р. Онъ оставилъ объ этомъ письмо отцу своему, сенатору.— У Петра Александр. Муханова надо будетъ спросить: кому онъ поручилъ домъ въ Кіевѣ; за нимъ по моему счету еще 2000 р.; 5 тыс. онъ переслалъ ко мнѣ въ разное время чрезъ Пущина. За Орлицкимъ 200 р. За Миллеромъ 100 р. Въ Военной типографіи до 200 экз. Полярной Звѣзды на 1825 годъ. У Сленина 100 экз. Думъ. У Селивановскаго въ Москвѣ по 50 экз. Думъ и Войнаровскаго.—Въ бюро: крѣпости и 10 акцій Р. Амер. Компаніи. На Ѳ. П. Миллерѣ 100.

Приписные къ деревнѣ 1 чел. Прокофьева и 1 Неймана.— Мишка и Олимпіада должны быть вольные: они имѣютъ на то право и это желаніе покойной матушки.

О кіевскомъ домѣ надо писать къ надв. сов. Ивану Семен. Зубковскому или стат. сов. Матвѣю Вас. Могилянскому. Документы на домъ сей и планъ потеряны Ѳ. П. Миллеромъ. Въ Кіевѣ еще въ Главномъ Судѣ есть вексель въ 1000 р. за каретникомъ Книппе. Домъ и вексель сей, на который въ десять лѣтъ наросло еще 1000 р., я дарю Аннѣ Ѳедоровнѣ. Жалѣю, что больше не могу. Я самъ получилъ изъ Кіева вмѣсто 10000 только 5000 р. по милости Муханова. Домъ можетъ она сейчасъ продать, а о деньгахъ надо похлопотать и просить кн. Александра Сергѣевича Голицына, чтобы онъ далъ отъ себя свидѣтельство, что онъ отъ иска на покойномъ батюшкѣ отказывается: подобныя свидѣтельства отъ 6-ти братьевъ ужъ получилъ. Около 13 апрѣля 1826 г.

3.

Ради Бога, не унывай, мой добрый другъ; безъ воли Всемогущаго ничего не дѣлается! я здоровъ; береги свое здоровье — оно нужно для нашей малютки. Молись Богу за императорскій домъ. Я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ

не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицею глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ. Быть можетъ, скоро позволятъ мнѣ увидѣться съ тобою; тогда привези и Настиньку. Впрочемъ, если она думаетъ, что я въ Москвѣ, то не лучше ли будетъ оставить ее въ сихъ мысляхъ. Сдѣлай, какъ найдешь лучше. Благодари за меня почтеннѣйшую Прасковью Васильевну, за то, что она тебя не оставляетъ. Истинные друзья узнаются въ несчастіи. Скажи ей, что моя благодарность къ ней вѣчна. Богъ видитъ сердце мое. Здорова ли Катерина Ивановна и ея семейство? Засвидѣтельствуй ей мое почтеніе. Сестрицу благодари и кланяйся. Настиньку обойми; тебѣ должно беречь себя. Отъ твоего спокойствія зависитъ мое. Положись на Всемогущаго: Онъ благъ, Государь милосердъ.

Декабря 25 дня, 1825.

Отвѣтъ. Милый другъ мой, ты пишешь, безъ воли Всемогущаго ничего не дѣлается; я это знаю — и полагаюсь твердо на Него. Напоминаешь, чтобъ я молилась Богу за Императорскій домъ; я молюсь и буду молиться до гроба съ невинною малюткою: Богъ услышитъ ея моленія. Мое существованіе напоминаетъ мнѣ, что благость Всемогущаго и милосердіе августѣйшаго дома подкрѣпляютъ бытіе мое. При всей несчастной участи, я еще могу ходить, говорить, видѣть и слышать, то кто благодѣтель сему, какъ не Всевышнее существо и милосердіе Монарха, отца нашего. Ты могъ заблуждаться и можешь впредь, но быть неблагодарнымъ не можешь: эти слова твои, какъ истиннаго христіанина, чистое раскаяніе. Молись, мой другъ, Всевышнему — да укрѣпитъ тебя въ добромъ намѣреніи; я знаю чистую душу твою, надѣюсь, что ты постараешься загладить поступокъ свой и возвратить милость и любовь отца отечества нашего. Быть можетъ, ты говоришь, мой другъ, будетъ позволено съ тобою видѣться. Я нѣсколько разъ читала; не вѣрю глазамъ, что ты пишешь; нѣтъ, это мечта; я, кажется, не доживу этой минуты. Ты знаешь душу мою, мои чувства; представь себѣ мое положеніе: одна въ мірѣ съ невинною сиротою! Тебя одного имѣли и все счастіе полагали въ тебѣ. Николай Ив. и Марья Өедор. тебѣ кланяются; они меня навѣщаютъ. Кат. Ив. съ семействомъ здорова. Пр. Вас. кланяется. Настинька кланяется и ручку цалуетъ. Прощай, другъ мой, будь здоровъ.

Декабря 30-го, 1825.

4.

Изъ письма твоего вижу, мой милый другъ, какъ ты страдаешь. Прошу тебя, ради Создателя, не изнуряй себя горестью. Вспомни, что у тебя дочь. Покорись волѣ Всемогущаго и уповай на благость его святую. Старайся устроить хозяйственныя дѣла наши; всѣ бумаги и документы лежатъ въ бюро. Счеты по опекунству

надъ дѣтьми Катерины Ивановны тамъ же. Ихъ надо сохранить для отчета. Марьѣ Ѳед. и Ник. Ив. мое душевное почтеніе и благодарность. Я прошу ихъ навѣщать тебя. Кат. Ивановнѣ и всему семейству пожелай всякаго благополучія и здоровья. Почтеннѣйшей Праск. Вас. мое почтеніе. Увидѣться съ тобою надѣюсь скоро. Государь обѣщалъ. На счетъ мой будь покойна. Повторяю: отъ твоего спокойствія зависитъ мое. Обнимаю тебя и Настиньку; поцалуй ее за меня. Я здоровъ.

Января, 4 дня, 1826.

Ради Бога увѣдомь меня откровенно о своемъ здоровьи; не обманывай меня; я не могу повѣрить, что бы ты была здорова. О Настинькѣ также. Если Настинька захвораетъ, то пожалуста возьми опять Зеланда; а если ты—Сальмона. Повторяю, что твоя обязанность беречь себя — и молиться Богу. Матушку свою старайся приготовить къ горестному извѣстію обо мнѣ. Прежде напиши, что я нездоровъ.

Отвѣтъ. Милый мой другъ, страданіе мое не прекратится по тѣхъ поръ, какъ я увижу тебя свободнымъ и достойнымъ вѣрноподданнымъ отцу отечества нашего. Тогда страданія кончатся, тогда здоровье мое возвратится, тогда свободно буду дышать. Впрочемъ чистосердечно скажу тебѣ, мой горестный другъ, я не лежу въ постели, но не знаю сама, что я. Между страхомъ и надеждою, жду рѣшительной минуты. Покоряюсь волѣ Всемогущаго, уповаю на благость его. Настинька здорова; она ѣздила вчера съ Пр. Вас. къ Іордани и слушала, какъ пушки палили. Я ее предупреждаю, что скоро поѣдемъ въ Москву къ папенькѣ. Она рада, суетится, спрашиваетъ: скоро-ли? и молится усердно Богу. Я много обязана Авдотьѣ Петровнѣ: она меня не оставляетъ; Настиньку очень ласкаютъ; она тамъ почти всякій вечеръ у дѣтей и тебѣ кланяются. Что ты не пишешь, не нужно-ли бѣлья? Ради Бога, мой другъ, пиши мнѣ о своемъ здоровьи. Настинька тебѣ ручку цалуетъ. Остаюсь любящая по гробъ мой тебя.

Января 7-го, 1826.

5.

Очень радъ, мой другъ, что ты подкрѣпляешь себя вѣрою. Ты всегда была добрая христіанка: Богъ тебя не оставитъ въ горѣ твоемъ. Жди рѣшительной минуты съ надеждою на благость Всемогущаго и милосердіе Государя. Думаю, что минута сія недалека. Ты безпокоишься о моемъ здоровьи напрасно. Увѣряю тебя, что я совершенно здоровъ, хотя правда нѣсколько дней и былъ немного боленъ, но это было слѣдствіемъ прежней простуды. Я не нахожу словъ для изъявленія душевной моей благодарности почтеннѣйшей Праск. Вас.: вижу, что она у тебя безпрестанно. Богъ

воздастъ ей за то. Почтеннѣйшей Авд. Петр. мое почтеніе. Равно Ивану Вас. Чувствую, какъ онъ и прочіе гг. директоры въ правѣ негодовать на меня. Виноватъ. Богъ видитъ душу мою. Настиньку поцалуй и благослови. Скажи, чтобы она у Праск. Вас. и у Авд. Пет. поцаловала ручки, за то, что не оставляютъ ее и маминьку. Бѣлья пришли мнѣ полную перемѣну, да сверхъ того два бѣлыхъ шейныхъ платка, да два колпака. Прощай, мой другъ.

14 Января, 1826.

Отвѣтъ. Будь покоенъ, мой другъ, что я истинная христіанка, вѣрю что есть создавшій насъ Творецъ и пекущійся объ насъ. Но что я говорю—за кого воплотился, поруганъ, мучимъ, пролилъ кровь, чтобъ обмыть нашу совѣсть, искупить погибшихъ; претерпѣлъ смерть, чтобъ даровать намъ жизнь, съ тѣмъ, чтобъ мы были причастники славы Его; чистое раскаяніе грѣшника пріемлетъ паче праведнаго, то въ чемъ могу я усомниться? Накажи, испытай, но не до конца прогнѣвайся на насъ. Милосердъ Творецъ! Неужели пріемлющій образъ его на земли не подобенъ ему. Нѣтъ! скорѣе повѣрю, что будетъ вѣчная тьма на землѣ, нежели правосудіе Божіе и чадолюбиваго Отца отечества нашего не будетъ существовать. Мы не на словахъ, но на самомъ дѣлѣ видимъ милосердіе его къ намъ. Ты говоришь, что Богъ видитъ сердце твое: если оно чисто, то и дѣла также; Богъ милосердъ, Государь справедливъ.—Въ прежнихъ письмахъ твоихъ, другъ мой, ты утѣшалъ меня скорымъ свиданіемъ, но въ послѣднемъ ни-слова. Что это значитъ? Вѣрно ты очень боленъ или что скрываешь отъ меня; увѣдомь, ради Бога, меня. Отъ маменьки и сестрицы я получила письмо: онѣ тебѣ кланяются. Настинька ручку цалуетъ; собирается къ тебѣ ѣхать. Бѣлье посылаю все, что ты просилъ, нужное для тебя. Прощай, мой другъ, дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ.

16-го января, 1826.

6.

Ты напрасно безпокоишься, мой милый другъ, о моемъ здоровьи. Я истинно здоровъ, и не стану обманывать тебя. Я уже писалъ тебѣ, что я былъ нѣсколько боленъ прежде, но это было слѣдствіе прежней простуды; теперь же я совершенно оправился. Безпокоюсь только о тебѣ; боюсь, чтобы ты въ своемъ горѣ не впала въ какую нибудь болѣзнь; ты и безъ того такъ часто страдала грудью. Ради Бога, береги себя, другъ мой. Я это пишу къ тебѣ во всякомъ письмѣ и все боюсь, что ты просьбы моей не исполняешь. Пожалуста увѣдомь меня подробно о состояніи своего здоровья и кто тебя лечитъ. Также о Настинькѣ. Бѣлья больше мнѣ не нужно, а пришли мнѣ пожалуста всѣ 11 томовъ Карамзина Исторіи; но не тѣ, которые испорчены наводненіемъ, а лучшіе: они кажется стоятъ въ большомъ шкапу; да прикажи также

пріискать въ книжныхъ лавкахъ книгу: О подражаніи Христу, перевода М. М. Сперанскаго.

Изъ того, что я не писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ о нашемъ свиданіи, которое мнѣ обѣщано, ты заключила, что я долженъ быть боленъ. Я и теперь больше ничего не могу тебѣ написать касательно сего, какъ только то, что я надѣюсь скоро увидѣться съ тобой; тогда ты увидишь, что я точно здоровъ; а до того пиши ко мнѣ и пришли книги. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ, и особенно Прасковьѣ Вас., мое почтеніе. Настиньку обнимаю.

21 Января, 1826.

Отвѣтъ. Милый другъ мой, ради Бога, не безпокойся обо мнѣ: я здорова. Береги ты свое здоровье — оно дороже для Настиньки, нежели мое: ты ей можешь счастіе составить, а я—ничего. Сдѣлай одолженіе, мой другъ, не унывай, положись на Бога и милосердіе нашего Монарха. Ты спрашиваешь, мой другъ, кто меня лечитъ? Кто можетъ лечить отъ душевной скорби, кромѣ Бога! Твои письма—мое лекарство. Ежели-бъ не царское милосердіе надъ нами, то вѣрно-бы я уже не могла этого перенесть. Съ каждымъ твоимъ письмомъ я получаю новыя силы и надежду. И теперь я здорова, молюсь Богу съ Настинькою за императорскій домъ и надѣюсь на милосердіе. Настинька, слава Богу, здорова; она съ такимъ удовольствіемъ письма твои слушаетъ, когда я читаю, и спрашиваетъ: скоро-ли папенька пріѣдетъ? Наши всѣ здѣшніе родные и знакомые здоровы и кланяются тебѣ. Отъ маменьки и сестрицы не получаю писемъ. Настинька тебѣ ручку цалуетъ. Прощай, мой другъ, будь здоровъ.

Января 25-го, 1826.

7.

Послѣднее письмо твое меня много успокоило на счетъ твоего здоровья; ради Бога, не разстроивай его скорбью: мать нужнѣе дочери нежели отецъ. Положись на Создателя: Онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Благодарю тебя за твои письма, мой милый другъ. Можешь представить себѣ какое удовольствіе доставляютъ они мнѣ. Пожалуста увѣдомляй меня подробнѣе о Настинькѣ. Благодарю тебя также за присланную книгу: она питаетъ меня теперь. Совѣтую тебѣ снова прочесть ее: въ часъ скорби она научаетъ внятнѣе, и высокія истины ея тогда доступнѣе. Роднымъ и знакомымъ нашимъ мое почтеніе скажи. Я, благодаря Бога, здоровъ. Настиньку поцалуй и благослови.

Февр. 5. 1826. Я просилъ тебя прислать Карамзина Исторію; ты вѣрно позабыла. Пожалуста пришли.

Отвѣтъ. Мой милый другъ, какъ мучительно провела я время! Такъ долго не получила отъ тебя отвѣта на послѣднее мое письмо. Ты можешь себѣ представить! Слава Богу, теперь успокоилась: все утѣшеніе мое въ нихъ; перечитываю ихъ нѣсколько разъ и будто съ тобою бесѣдую. Наконецъ, чтожъ съ надеждою душа моя обращается къ Всевышнему: онъ видитъ сердце мое осиротѣвшее, неужели лишитъ того, въ комъ я полагала все счастіе и спокойствіе моей жизни. Пишешь, мой другъ, что мать нужнѣе дочери; правда, но не въ такомъ положеніи. Настинька, слава Богу, здорова. Отъ маменьки я получила (письмо) и отъ сестрицы; онѣ тебѣ кланяются; наши всѣ знакомые кланяются. Пиши мнѣ, ради Бога, чаще. Прощай... Настинька ручку цалуетъ. Очень рада, мой другъ, что книга „Подражаніе Христу“ приноситъ тебѣ удовольствіе. Исторію Карамзина я не посылаю, боясь препятствія въ оной пересылкѣ.

9-го февраля, 1826.

8.

Ты пишешь мнѣ, мой милый другъ, что ты мучилась, долго не получая отъ меня отвѣта на послѣднее твое письмо. Вѣрю, другъ мой; но надобно имѣть болѣе твердости и надежды на Создателя. Если сердце твое съ надеждою обращается къ Нему, какъ пишешь ты, то не унывай и будь увѣрена, что Онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ и все устроитъ къ лучшему. Я совершенно предался Его святой волѣ и съ тѣхъ поръ совершенно успокоился, какъ въ разсужденіи тебя съ Настинькой, такъ и на счетъ участи, какую предназначаетъ мнѣ милосердіе Государя. Тебѣ тоже надо сдѣлать. Я, благодаря Бога, здоровъ. Поцалуй Настиньку и скажи, чтобы она училась прилежнѣе. Роднымъ и знакомымъ засвидѣтельствуй мое почтеніе, особенно-же Прасковьѣ Васильевнѣ. Что бѣдная Прасковья Михайловна и дочери ея? Какъ переносятъ они горе свое?

Февраля 15, 1826.

Отвѣтъ. Милый мой другъ, какая радость для меня: я совсѣмъ не полагала такъ скоро отъ тебя получить письмо. Спѣшу и къ тебѣ писать. Чувствую какое удовольствіе можетъ приносить переписка въ такой горестной жизни. Сколько разъ перечитываю. Забудусь — какъ будто съ тобой говорю и слушаю твои наставленія. Истинно ничѣмъ невозможно перемѣнить участь нашу, кромѣ Бога и милосерднаго отца нашего, Государя. Да будетъ воля ихъ. Совершенно полагаюсь: отъ нихъ зависитъ жизнь и счастіе, какъ твое, равно и мое, съ невинною нашею малюткою. Молю Всевышняго, да сохранитъ и продлитъ жизнь всему благословенному [дому Императора нашего. Молю, да спасетъ тебя и подкрѣпитъ меня Его святая воля. Настинька и я здоровы. Пиши, мой другъ, твои письма для меня пища. Маменька и сестрица тебѣ кланяются. Пр. Мих. и дочери тоже въ горести. Пр. Вас. благодаритъ, что ты ее помнишь; она со мною неотлучно; я ей много благодарна. Род-

ные и знакомые наши тебѣ кланяются. Прощай, мой другъ, будь здоровъ... Вѣра Серг. тебѣ кланяется; она теперь нездорова.

20 февраля, 1826.

На оборотѣ набросано, съ помарками, рукою Рылѣева: Полагая необходимымъ привести въ устройство дѣла свои и будучи не въ состояніи самъ заняться тѣмъ, прошу тебя принять въ полное свое распоряженіе, какъ имѣніе мое, состоящее С.-Петербургской губерніи, Софійскаго уѣзда, въ деревнѣ Ботовѣ, такъ равно домъ, находящійся въ Кіевѣ, и десять акцій Россійско-Американской компаніи, мнѣ принадлежащія, съ правомъ все упомянутое имущество мое или по твоему усмотрѣнію какую либо часть изъ онаго, въ случаѣ надобности, продать для уплаты долговъ моихъ разнымъ лицамъ. Равномѣрно прошу тебя принять на себя ходатайство по производящемуся въ Кіевскомъ Главномъ Судѣ дѣлу покойнаго родителя моего, подполковника Θедора Андреевича Рылѣева съ кн. Александромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, и по всѣмъ симъ дѣламъ, или по какимъ либо могущимъ встрѣтиться, подавать отъ имени моего прошенія и за меня подписываться, и что ты по онымъ ни сдѣлаешь, или тотъ, кого ты уполномочишь, я спорить и прекословить не буду. Въ чѣмъ я тебѣ вѣрю.

9 [1]).

Ты я думаю, мой другъ, чрезвычайно безпокоилась, такъ долго не получая отъ меня извѣстія, но напрасно: я здоровъ и съ дня на день болѣе и болѣе успокоиваюсь, возлагая всю мою надежду на Создателя. Повѣрь, мой другъ, что самое несчастіе мое принесло мнѣ уже важныя пользы. Пробывъ три мѣсяца одинъ съ собою, я узналъ себя лучше, я разсмотрѣлъ всю жизнь свою — и ясно увидѣлъ, что я во многомъ заблуждался. Раскаяваюсь и благодарю Всевышняго, что онъ открылъ мнѣ глаза [2]). Чтобы со мной ни было, я столько не утрачу, сколько пріобрѣлъ отъ моего злополучія [3]); жалѣю только, что я уже болѣе не могу быть полезнымъ моему отечеству и Государю, столь милосердному. Ради Бога, и ты имѣй, мой милый другъ [4]), болѣе твердости и надежды на благость Творца. Я знаю твою душу и совершенно увѣренъ, что Онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ безъ своего покровительства. Надѣйся и на милосердіе

---

[1]) Это письмо доставлено г-жѣ Рылѣевой взамѣнъ написаннаго ея мужемъ отъ 11 марта, которое тогда было удержано, но послѣ смерти К. Θ. выдано вдовѣ вмѣстѣ съ ея письмами.

[2]) Этой фразы не было въ письмѣ отъ 11 марта.

[3]) Въ письмѣ отъ 11-го было: благодарю за то каждый день Всевышняго и жалѣю объ одномъ только и пр., а подчеркнутыхъ далѣе словъ не было.

[4]) Было: Ради Бога, мой милый другъ.

Государя и молись Богу не за одного меня, но за всѣхъ, кто пострадалъ вмѣстѣ со мною [1]). Скажи мое истинное почтеніе Прасковьѣ Васильевнѣ. Благодарю ее душевно, что она тебя въ твоемъ горѣ не оставляетъ. Да воздастъ ей за то Богъ. Дай Богъ, чтобы это письмо застало уже Вѣру Сергѣевну здоровою. Здорова ли Катерина Ивановна съ семействомъ, а также Николай Ивановичъ и Марья Өедоровна. Увѣдомь меня о себѣ и о Настинькѣ. Прощай, мой милый другъ, да ниспошлетъ тебѣ Господь спокойствіе и твердость.

Марта 13 дня, 1826 г.

Отвѣтъ. Мой милый другъ! Въ несчастіи ко всему привыкнешь. Долго не получала отъ тебя извѣстія; теперь, слава Богу, успокоилась нѣсколько. Ты пишешь, что здоровъ и покоенъ; а я не могу имѣть такого духу. Женщина, убитая горестью, имѣю въ глазахъ несчастную сироту, которая многаго требуетъ попеченія и заботъ; да и все, на что ни взгляну, такъ разстроено—не знаю, какъ и приступить. Надѣялась по письмамъ твоимъ, что скоро буду видѣться и посовѣтуюсь съ тобою, мой другъ, но и по сю пору нѣтъ свиданія. Что дѣлать! Будь воля Божія и милосердіе добраго нашего Государя; повинуюсь ихъ волѣ. Ты пишешь, увѣдомить объ Настинькѣ—она, слава Богу, здорова и учится порусски читать; я также здорова; первую недѣлю говѣла и пріобщалась святыхъ таинъ. Ты совѣтуешь мнѣ, мой милый другъ, молиться не за тебя одного, но и за всѣхъ, пострадавшихъ съ тобою. Есть долгъ каждаго христіанина молиться за всѣхъ: я это очень помню. Отъ маменьки и сестрицы часто получаю письма: онѣ, слава Богу, здоровы и тебѣ кланяются. Вѣрѣ Серг. есть теперь лучше; она поправляется въ своемъ здоровьи. Кат. Ив. съ семействомъ, слава Богу, здоровы; Бѣлавины также; Пр. Вас. и всѣ наши знакомые кланяются. Настинька тебѣ ручку цалуетъ; все тебя дожидаетъ. Пиши, мой другъ, ради Бога мнѣ чаще. Прощай. Молю Всевышняго, да облегчитъ твои страданія и подкрѣпитъ твои силы.

Марта 17-го, 1826.

10.

Прости меня великодушно, мой милый другъ, я иногда Богъ знаетъ что пишу къ тебѣ, чтобы только тебя успокоить: могу ли быть покоенъ, когда ты и несчастная наша малютка безпрестанно предъ моими глазами. Мой милый другъ, я жестоко виноватъ предъ тобой и ею: прости меня, ради Спасителя, которому я каждый день васъ поручаю; признаюсь тебѣ откровенно, только во время молитвы и бываю я покоенъ за васъ. Богъ правосуденъ и милосердъ: онъ

[1]) Въ письмѣ отъ 11-го было далѣе: многіе изъ нихъ истинно достойны милосердія царскаго и заслуживаютъ лучшей участи. Скажи и пр.

васъ не оставитъ, наказывая меня. Тебѣ должно беречь себя: ты мать. Къ тому-жъ, повторяю, что писалъ къ тебѣ прежде: отъ твоего спокойствія зависитъ и мое. О свиданіи нашемъ опять не могу тебѣ болѣе ничего сказать какъ только: надѣйся и моли Бога. Ежели же эту милость намъ окажутъ, то обдумай хорошенько, брать ли съ собой Настиньку. Лучше откажусь отъ сладкаго утѣшенія видѣть ее, если она отъ свиданія со мною разстроитъ свое здоровье; она такъ слаба. Матушкѣ твоей и сестрицѣ мое душевное почтеніе; также всѣмъ здѣшнимъ роднымъ и знакомымъ, и особенно Праск. Вас. Прощай, мой другъ, да будетъ надъ тобой и мною и нашею малюткою Божіе благословеніе.

Тотъ образъ, которымъ благословила насъ матушка на смертномъ одрѣ, пришли пожалуста ко мнѣ. Тѣ же пять живописныхъ образовъ, которые обѣщаны мною въ Подгоренскую церковь, вели привезти бережно изъ деревни и отошли къ матушкѣ своей. Въ такомъ случаѣ ихъ надо будетъ снять съ рамокъ и накатать на палку. Ты посовѣтуйся объ этомъ. Образа не нужно ли будетъ поновить,—спроси Ив. Васильевича [1]).

Отвѣтъ. Прости и меня, несчастный мой другъ, если я написала, что могло тебя огорчить. Неужели ты думаешь—я могу вѣрить, что ты покоенъ. Знаю твою душу, другъ мой, на что повторять: виноватъ предъ нами. Ради Бога, не пиши и не думай, чтобъ я могла тебя винить: на все есть власть Божія.—Ты никогда не желалъ зла, не только намъ, но и постороннимъ; всегда дѣлалъ добро. На счетъ свиданія молю Бога и нетерпѣливо ожидаю. Настиньку непремѣнно возьму; она желаетъ тебя видѣть и спрашиваетъ, скоро ли поѣдемъ въ Москву къ папенькѣ. Образъ, мой другъ, посылаю и поручаю его милосердію, да подкрѣпитъ тебя въ страданіи. Не безпокойся объ насъ; положись на благость Божію. Настинька цалуетъ твою ручку и молится усердно за насъ Богу. Прости, несчастный мой страдалецъ, да будетъ благость Божія съ тобою [2]).

Марта 20, 1826.

11 [3]).

Марта 27 дня, 1826.

Ты знаешь, мой другъ, что для уплаты долговъ покойной матушки я долженъ былъ заложить деревню. Я надѣялся, что при

---

[1]) Число не обозначено, но, судя по предъидущему и слѣдующему отвѣтамъ, относится ко времени между 17 и 20 марта.

[2]) На оборотѣ рукою Рылѣева набросано начерно письмо отъ 27 марта, печатаемое вслѣдъ за симъ по листку, переписанному имъ на бѣло.

[3]) Письмо это, какъ сказано въ предыдущемъ примѣчаніи, сохранилось еще и въ черновомъ наброскѣ на 2 свободныхъ страницахъ письма жены отъ 20 марта. Добавки, находящіяся въ черновомъ, поставлены въ скобкахъ.

хорошемъ жалованьи, которое получалъ я, и при трудахъ уплата каждагоднаго взноса въ Ломбардъ не будетъ намъ тягостна. Въ теперешнихъ же обстоятельствахъ боюсь, чтобы долгъ сей тебя необремѣнилъ. Къ тому же за деревней нуженъ личный присмотръ, а тебѣ и родство и собственное хозяйство не позволятъ остаться въ Петербургѣ, а потому и полагаю я необходимостью (мою) деревню продать и уплативъ долги, остальную сумму положить въ Банкъ, дабы процентами съ оной ты могла воспитать нашу малютку и помогать себѣ. Марья Ѳедотовна Донаурова давно имѣетъ желаніе купить деревню нашу: она для нея и необходима, находясь въ срединѣ ея имѣній. Дядя Пелагѣи Моисѣевны, Посниковъ, также хотѣлъ купить ее, и какъ мнѣ сказывали еще при матушкѣ предлагалъ за оную 50.000 р., но я полагаю, мой другъ, что деревни съ подобными удобностями и такъ близкой отъ столицы за сію цѣну отдать нельзя (хоть въ ней и всего 48 душъ). Если же Донаурова или Посниковъ согласятся дать 60.000 р., то отдай. Когда жъ примутъ они на себя ломбардный долгъ, то придется получить 52.000 р. Дай имъ объ этомъ знать (и увѣдомь меня), а я между тѣмъ буду просить позволенія выдать тебѣ полную довѣренность [1]). Ты мать и вѣрно лучше каждаго будешь заботиться о судьбѣ своей дочери. Между тѣмъ не позабудь, что 2-го іюля должно будетъ внести въ Ломбардъ около 700 р. Объ этомъ отнесись въ Ломбардѣ къ чиновнику Уткину: онъ всегда мнѣ услуживалъ. Въ деревнѣ прикажи овесъ и сѣно продать. Серебро, отобравъ которое найдешь нужнымъ, также можно будетъ продать. Долгъ мой Компаніи проси Ив. Вас. и прочихъ гг. Директоровъ простить мнѣ: когда не по заслугамъ, такъ хоть по теперешнимъ моимъ обстоятельствамъ; взысканіе онаго не такъ мнѣ, какъ семейству моему, будетъ тягостно. Мих. Матв. Булдакову можно будетъ возвратить купленныя мною у него акціи; но объ этомъ посовѣтуйся съ Ив. Вас.; теперь цѣна на акціи возвысилась; притомъ скоро и прибыли будутъ раздаваться. О другихъ дѣлахъ напишу въ слѣдующемъ письмѣ. До того да будетъ съ тобою и крошкою нашею благословеніе Создателя и да подкрѣпитъ Онъ тебя. Прощай.

Я, благодаря Бога, здоровъ. Мой поклонъ всѣмъ.

---

[1]) Далѣе въ черновомъ слѣдовало: „Что со мною ни будетъ, мнѣ ничего не нужно. Я заслужилъ во всякомъ случаѣ нищету и всякое страданіе. При томъ же я одинъ, а ты съ малюткой“. Этими словами и оканчивается набросокъ.

12.

Апрѣля 13 дня, 1826.

Мнѣ позволили, мой другъ, выдать тебѣ довѣренность [1]) и ты скоро ее получишь, если уже не получила; я тебя уполномочилъ во всемъ. Дай Богъ, чтобы ты все устроила благополучно. Аннѣ Ѳед. я отдаю домъ кіевскій и вексель на иностранца Книппе, по которому теперь считается за нимъ 2000 р. Вексель сей находится въ Кіевскомъ Главномъ Судѣ по дѣлу съ княземъ Алекс. Серг. Голицынымъ, котораго надо будетъ Аннѣ Ѳед. просить, что (бъ) онъ выдалъ ей на мое имя актъ (на 3-хъ руб. листѣ), что онъ отъ иску на покойнаго родителя моего отказывается за себя и за наслѣдниковъ своихъ. Онъ въ этомъ не откажетъ, ибо всѣ другіе братья его подобные акты мнѣ выдали; его же я самъ не успѣлъ просить. Чтобъ однажды навсегда кончить съ А. Ѳ., ты покажи ей это письмо и ей ли самой, или кому она довѣритъ, выдай довѣренность, какъ на ходатайство по дѣлу съ княземъ Голицынымъ, такъ и на продажу дома, если она разсудитъ его продать, и пусть она дѣлаетъ сама, какъ хочетъ; тебѣ же не слѣтуетъ въ это мѣшаться. Крѣпость на домъ и планъ потеряны Ѳ. П. Миллеромъ, но это не помѣшаетъ, ибо домъ написанъ на имя Орловскаго, который заявилъ объ этомъ въ судѣ. Я совѣтую Аннѣ Ѳед. поговорить объ этомъ съ Александр. Яков. Перреномъ; можетъ быть онъ имѣетъ въ Кіевѣ знакомыхъ, которымъ можетъ поручить продажу дома. Также пусть она напишетъ въ Кіевъ къ Ст. Сов. Матв. Вас. Могилянскому и Над. Сов. Ив. Семен. Зубковскому и посовѣтуется съ ними. Болѣе я ничего не могу сдѣлать для нея: я самъ получилъ вмѣсто 10.000 только 5.000 р. по милости Муханова. О долгѣ моемъ Катер. Ив. теперь я не могу ничего сказать, и потому пришли мнѣ записку мою изъ бумагъ по опекѣ, въ которой я отмѣчалъ, кому сколько мною заплачено было долговъ покойнаго Петра Ѳед. Скажи К. И., чтобъ она не безпокоилась; что ей все будетъ отдано съ процентами. Портному Яухце отдай теперь же 517 р., а 295 тогда, когда узнаешь, что Каховскій не въ состояніи заплатить, ибо я поручился за него. При отдачѣ возьми росписку. Деревню поручи Якову и вели ему все принять отъ Кондратія, а то онъ надѣлаетъ пакостей безъ меня. Сѣно продай за то, что даютъ. Увѣдомь, былъ отвѣтъ отъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 129.

Донауровой и увѣдомила ли ты Посникова о деревнѣ. Попроси Петра Петр. Миллера, чтобы онъ сказалъ о продажѣ и своимъ сосѣдямъ. Я, благодаря Бога, здоровъ и на прошедшей недѣлѣ удостоился пріобщиться св. таинъ. Это много меня успокоило прости меня и ты, какъ простилъ меня Создатель: я много виноватъ предъ семействомъ своимъ. Поцалуй Настиньку и засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе Прасковьѣ Васильевнѣ; также роднымъ и знакомымъ. Да поможетъ тебѣ Создатель и да подкрѣпитъ тебя. О человѣкѣ Ивана Вас. посовѣтуйся съ нимъ. Также и о повѣренномъ.

Отвѣтъ. Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ принятіемъ святыхъ таинъ, благодарю Создателя и молю, да подкрѣпитъ твое здоровье и утвердитъ въ надеждѣ Его милосердіе. Ты пишешь о довѣренности. Я еще не получила. На счетъ деревни ничего, мой другъ, сказать не могу. Донаурова, какъ я вижу, хочетъ за самую малую цѣну. Еще приходилъ помѣщикъ Диринъ, но и тотъ болѣе 40.000 р. не даетъ. Къ Посникову я посылала; отвѣта настоящаго еще не получила. Всегда въ несчастіи, мой другъ, хотятъ за ничто послѣднее взять. Я не знаю, не припечатать ли въ газетахъ лучше. Съ Ив. Вас. видѣлась и дала прочитать письмо твое. Онъ мнѣ сказалъ, написать тебѣ: гдѣ акціи, купленныя тобою у Булдакова. Болѣе на письмо онъ мнѣ ничего не сказалъ. Человѣка Авдотья Петр. хочетъ перевесть на имя сестры своей. Яухце не соглашается взять 571 р., а требуетъ всѣ. Записку на счетъ опеки посылаю. Пр. Вас. тебѣ кланяется и желаетъ здоровья; всѣ наши знакомые здоровы; слава Богу, здоровы и родные. Настинька тебѣ кланяется и ручку цалуетъ. Молю Бога, чтобы ты дождалъ праздника Воскресенія Христова въ добромъ здоровьи и благополучіи. Прощай... Яухце я уже сегодня отдала 571 р. и росписку получила отъ него. Да еще, мой другъ, напиши мнѣ, пожалуста, что мнѣ дѣлать съ „Думами“; такъ много экземпляровъ.

15 апрѣля, 1826.

13.

Христосъ Воскресъ!

Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ наступившимъ праздникомъ. Молю Создателя, да ниспошлетъ онъ тебѣ твердость и силы къ перенесенію тѣхъ бѣдствій, которыя я причинилъ моему семейству. Я, благодаря Бога, здоровъ; что-то ты и наша малютка. Поздравь ее отъ меня съ праздникомъ и поцалуй. Также всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. О деревнѣ припечатай въ газетахъ: попроси объ этомъ Крестьяна Ив. Да не забудь упомянуть, что кромѣ 700 десятинъ земли, показанныхъ на планѣ, при деревнѣ 200 десят. строеваго лѣсу особнякомъ, на который плана не взято изъ Сената. Ты пишешь, что Диринъ даетъ 40.000 р., но не увѣдомля-

ешь, всего ли даетъ столько, или сверхъ того беретъ на себя и уплату ломбарднаго долга. Я долго обдумывалъ и полагаю, что въ твоемъ положенiи деревню непремѣнно надобно будетъ продать, хотя съ убыткомъ; и потому думаю, что въ крайности надобно будетъ рѣшиться отдать ее за 50.000 или съ переводомъ долга въ Ломбардъ за 42.000. Въ газетахъ цѣны не надо выставлять. Акцiи мои лежать въ бюро въ верхнемъ ящикѣ съ лѣвой стороны; тамъ же крѣпость на деревню и другiе разные документы. Узнай, когда будутъ раздаваться прибыли на акцiи и по скольку; тогда можно будетъ сообразить, чего онѣ стоятъ. Думы и Войнаровскаго отдай Ивану Васильевичу Сленину на комиссiю; у него еще прежнихъ 100 экземпляровъ Думъ.

Пущинъ (Ив. Ив.) остался мнѣ долженъ около полуторы тысячи рублей, о чемъ и отецъ его извѣщенъ. Имѣй это въ виду, но сама не посылай за долгомъ. Пришлютъ—хорошо; нѣтъ—что дѣлать! Къ тому жъ я давалъ Пущину, какъ другу, и не напоминалъ о томъ и прежде, а теперь напомнить грѣшно. Другiе долги небольшiе за генеральшей Палицыной и за Миллеромъ тебѣ извѣстны. При случаѣ напомнишь. Попроси Кат. Ив., чтобы она дала тебѣ записку, сколько и когда она и дѣти ея отъ меня получали, равно кому сколько заплатилъ я кредиторамъ ея. Матушку свою, сестрицу и братьевъ поздравь съ праздникомъ отъ меня. Прощай, мой другъ, да будетъ съ тобой Богъ.

Апрѣля 20 д. 1826.

Отвѣтъ. Во истину воскресъ! Равно и тебя, мой милый другъ, поздравляю съ наступившимъ праздникомъ и молю Создателя, чтобъ ты былъ здоровъ и покоенъ. Я и Настинька, благодаря Всевышняго, здоровы и тебя заочно цалуемъ. О деревнѣ, мой другъ, скажу. что Диринъ всего на всё даетъ 40.000 р., а въ Ломбардъ должна я внести Кромѣ же его никто не покупаетъ. Теперь постараюсь припечатать въ газетахъ. Что будетъ. Я сдѣлала вычисленiе по ревизскимъ сказскамъ и дворовой описи: съ исключенiемъ умершихъ, на лицо всѣхъ съ новорожденными 42 души муж. пола. Объ акцiи, какъ скоро узнаю, то подробно увѣдомлю тебя, мой другъ. Счетъ Кат. И. тебѣ посылаетъ. Родные и знакомые наши всѣ тебѣ кланяются. Кат. Ив. мнѣ говорила, что это тѣ деньги, что она тебѣ дала 500 р. на похороны матушки; такъ изъ тѣхъ денегъ она все получала по мелочи. Прости, мой другъ. поручаю Создателю и молю, да подкрѣпитъ тебя въ перенесенiи несчастiя твоего... Еще, мой другъ, я сегодня получила довѣренность на деревню [1]). Апрѣля 22-го, 1826.

[1]) На оборотѣ рукою Рылѣева написанъ списокъ, повидимому, уплатъ и долговъ, всего 25 счетовъ на 4649 р.

Донауровой и увѣдомила ли ты Посникова о деревнѣ. Попроси Петра Петр. Миллера, чтобы онъ сказалъ о продажѣ и своимъ сосѣдямъ. Я, благодаря Бога, здоровъ и на прошедшей недѣлѣ удостоился пріобщиться св. таинъ. Это много меня успокоило прости меня и ты, какъ простилъ меня Создатель: я много виноватъ предъ семействомъ своимъ. Поцалуй Настиньку и засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе Прасковьѣ Васильевнѣ; также роднымъ и знакомымъ. Да поможетъ тебѣ Создатель и да подкрѣпитъ тебя. О человѣкѣ Ивана Вас. посовѣтуйся съ нимъ. Также и о повѣренномъ.

Отвѣтъ. Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ принятіемъ святыхъ таинъ, благодарю Создателя и молю, да подкрѣпитъ твое здоровье и утвердитъ въ надеждѣ Его милосердіе. Ты пишешь о довѣренности. Я еще не получила. На счетъ деревни ничего, мой другъ, сказать не могу. Донаурова, какъ я вижу, хочетъ за самую малую цѣну. Еще приходилъ помѣщикъ Диринъ, но и тотъ болѣе 40.000 р. не даетъ. Къ Посникову я посылала; отвѣта настоящаго еще не получила. Всегда въ несчастіи, мой другъ, хотятъ за ничто послѣднее взять. Я не знаю, не припечатать ли въ газетахъ лучше. Съ Ив. Вас. видѣлась и дала прочитать письмо твое. Онъ мнѣ сказалъ, написать тебѣ: гдѣ акціи, купленныя тобою у Булдакова. Болѣе на письмо онъ мнѣ ничего не сказалъ. Человѣка Авдотья Петр. хочетъ перевесть на имя сестры своей. Яухце не соглашается взять 571 р., а требуетъ всѣ. Записку на счетъ опеки посылаю. Пр. Вас. тебѣ кланяется и желаетъ здоровья; всѣ наши знакомые здоровы; слава Богу, здоровы и родные. Настинька тебѣ кланяется и ручку цалуетъ. Молю Бога, чтобы ты дождалъ праздника Воскресенія Христова въ добромъ здоровьи и благополучіи. Прощай... Яухце я уже сегодня отдала 571 р. и росписку получила отъ него. Да еще, мой другъ, напиши мнѣ, пожалуста, что мнѣ дѣлать съ „Думами“; такъ много экземпляровъ.

15 апрѣля, 1826.

13.

Христосъ Воскресъ!

Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ наступившимъ праздникомъ. Молю Создателя, да ниспошлетъ онъ тебѣ твердость и силы къ перенесенію тѣхъ бѣдствій, которыя я причинилъ моему семейству. Я, благодаря Бога, здоровъ; что-то ты и наша малютка. Поздравь ее отъ меня съ праздникомъ и поцалуй. Также всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. О деревнѣ припечатай въ газетахъ: попроси объ этомъ Крестьяна Ив. Да не забудь упомянуть, что кромѣ 700 десятинъ земли, показанныхъ на планѣ, при деревнѣ 200 десят. строеваго лѣсу особнякомъ, на который плана не взято изъ Сената. Ты пишешь, что Диринъ даетъ 40.000 р., но не увѣдомля-

ешь, всего ли даетъ столько, или сверхъ того беретъ на себя и уплату ломбарднаго долга. Я долго обдумывалъ и полагаю, что въ твоемъ положенiи деревню непремѣнно надобно будетъ продать, хотя съ убыткомъ; и потому думаю, что въ крайности надобно будетъ рѣшиться отдать ее за 50.000 или съ переводомъ долга въ Ломбардъ за 42.000. Въ газетахъ цѣны не надо выставлять. Акцiи мои лежать въ бюро въ верхнемъ ящикѣ съ лѣвой стороны; тамъ же крѣпость на деревню и другiе разные документы. Узнай, когда будутъ раздаваться прибыли на акцiи и по скольку; тогда можно будетъ сообразить, чего онѣ стоятъ. Думы и Войнаровскаго отдай Ивану Васильевичу Сленину на комиссiю; у него еще прежнихъ 100 экземпляровъ Думъ.

Пущинъ (Ив. Ив.) остался мнѣ долженъ около полуторы тысячи рублей, о чемъ и отецъ его извѣщенъ. Имѣй это въ виду, но сама не посылай за долгомъ. Пришлютъ—хорошо; нѣтъ—что дѣлать! Къ тому жъ я давалъ Пущину, какъ другу, и не напоминалъ о томъ и прежде, а теперь напомнить грѣшно. Другiе долги небольшiе за генеральшей Палицыной и за Миллеромъ тебѣ извѣстны. При случаѣ напомнишь. Попроси Кат. Ив., чтобы она дала тебѣ записку, сколько и когда она и дѣти ея отъ меня получали, равно кому сколько заплатилъ я кредиторамъ ея. Матушку свою, сестрицу и братьевъ поздравь съ праздникомъ отъ меня. Прощай, мой другъ, да будетъ съ тобой Богъ.

Апрѣля 20 д. 1826.

Отвѣтъ. Во истину воскресъ! Равно и тебя, мой милый другъ, поздравляю съ наступившимъ праздникомъ и молю Создателя, чтобъ ты былъ здоровъ и покоенъ. Я и Настинька, благодаря Всевышняго, здоровы и тебя заочно цалуемъ. О деревнѣ, мой другъ, скажу. что Диринъ всего на всё даетъ 40.000 р., а въ Ломбардъ должна я внести Кромѣ же его никто не покупаетъ. Теперь постараюсь припечатать въ газетахъ. Что будетъ. Я сдѣлала вычисленiе по ревизскимъ сказскамъ и дворовой описи: съ исключенiемъ умершихъ, на лицо всѣхъ съ новорожденными 42 души муж. пола. Объ акцiи, какъ скоро узнаю, то подробно увѣдомлю тебя, мой другъ. Счетъ Кат. И. тебѣ посылаетъ. Родные и знакомые наши всѣ тебѣ кланяются. Кат. Ив. мнѣ говорила, что это тѣ деньги, что она тебѣ дала 500 р. на похороны матушки; такъ изъ тѣхъ денегъ она все получала по мелочи. Прости, мой другъ. поручаю Создателю и молю, да подкрѣпитъ тебя въ перенесенiи несчастiя твоего... Еще, мой другъ, я сегодня получила довѣренность на деревню [1]). Апрѣля 22-го, 1826.

[1]) На оборотѣ рукою Рылѣева написанъ списокъ, повидимому, уплатъ и долговъ, всего 25 счетовъ на 4649 р.

14.

Мая 6 дня, 1826.

Въ бумагахъ опекунскихъ находится, мой другъ, нѣсколько счетовъ, по которымъ я платилъ долги покойнаго Петра Ѳедоровича. Потрудись пожалуста и сдѣлай изъ нихъ краткую выписку. Многаго я не могу припомнить, и потому очень бы хотѣлъ увидѣться съ тобою. Увѣдомь меня, припечатала ли ты въ газетахъ о продажѣ деревни и есть ли кромѣ Дирина другіе покупщики, а также и объ акціяхъ, если узнала, когда будутъ выдавать на нихъ прибыли и по скольку. Не присылала ли также опять Донаурова. Съ А. Ѳ. постарайся поскорѣй кончить, чтобы и меня и себя успокоить. Увѣдомь меня, знаетъ ли твоя матушка о нашемъ положеніи. Если знаетъ отчасти, то предупреди ее лучше заранѣе и напиши обо всемъ, что сдѣлалъ для насъ Государь, чтобъ она не отчаявалась. Какъ я предъ всѣми вами виноватъ. Здорова ли ты съ Настинькою. Я, благодаря Бога, здоровъ. Скажи мое почтеніе всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ, и особенно почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ.

Отвѣтъ. О деревнѣ, мой другъ, я припечатала въ газетахъ. Покупщиковъ очень много, даже наскучили, а цѣну даютъ малую: никто больше 40.000 не даетъ; а Диринъ для Донауровой торгуетъ: онъ ея племянникъ—я это узнала стороною. На счетъ лѣсу говорятъ, что это мертвый капиталъ: рѣка несудоходная, а гужомъ доставлять нѣтъ выгодъ; то и цѣнятъ однѣ души и доходы. Я не знаю, что и дѣлать. Съ Ив. Вас. я говорила о прибыляхъ акцій. Онъ сказалъ, если и будутъ прибыли, то осенью, да и то не навѣрное; бываетъ и такъ, что не только прибыли, но и настоящую сумму теряютъ; то я хочу рѣшиться, и онъ совѣтуетъ ихъ отдать въ Компанію, тогда они заплатятъ долгъ твой Булдакову и компанейскій долгъ они прощаютъ; боберъ также взяли обратно. Гг. директоры очень добрые люди; я ими много обязана; они меня до сей поры квартирою не безпокоятъ; я все въ той же квартирѣ живу и такъ, какъ и при тебѣ, мой другъ. А. Ѳ. по твоему письму недовольна и говоритъ, что она не привыкла хлопотать о такихъ вещахъ, которыя невѣрны; говоритъ, что я должна хлопотать а не она, и написала мнѣ предерзкое письмо. Я послѣ этого съ нею не видалась. Ради Бога, наставь меня, что дѣлать съ нею. На счетъ моихъ родныхъ будь покоенъ: они все знаютъ и полагаются на власть Божію и милосердіе Государя; молятъ Создателя о тебѣ, мой милый другъ. Сестрица моя больна лихорадкою близъ года и я отъ нихъ уже давно не получаю писемъ и не знаю, что съ ними тамъ дѣлается. По счетамъ опеки мудрено сдѣлать выписку: такъ все глухо—въ которомъ году и кѣмъ уплачено—не сказано. По запискамъ же К. И. и М. П. по сложности значительная сумма, но неизвѣстно, по всѣмъ ли дѣланы

выдачи; также есть черновая просьба въ Надворный Судъ о запрещеніи имѣнія твоего и ея дома. При семъ, что могла, посылаю выписку.— Пожалуста увѣдомь, много ли взято книгъ въ магазинѣ Смирдина и какія? Они требуютъ отъ меня. Прощай, мой милый другъ, Божіе милосердіе съ тобою. Пиши пожалуста чаще.

Рукою дочери: „Миленькій папенька цалую ручку".

Кондратій Өедоровичъ, Настинька къ тебѣ сама пишетъ; у нея большая охота писать и рисовать: все занимается этимъ.—Присемъ препровождаю четыре счета [1]).

Мая 8-го, 1826.

Письмо Нат. Мих. Мой милый другъ, я на прошедшей недѣлѣ ѣздила въ деревню съ Пр. Вас. и пробыла тамъ сутки. Отслужила на гробѣ панихиду по маменькѣ. Священникъ опять прежній — Василій Агапіевъ, а тотъ умеръ. Я его просила, чтобъ обѣдню 2-го іюня онъ служилъ и панихиду на гробѣ. Сѣно продано по 30 к., только не все еще перевезли. Староста все тотъ же; онъ теперь старается загладить прежній свой поступокъ. Я нашла все въ порядкѣ и клянется, что онъ никогда болѣе пить не будетъ. На счетъ продажи деревни, теперь торгуетъ колл. сов. Веселковъ, пріѣзжій изъ Перми. Вчера былъ у меня отобралъ нѣкоторыя подробности и просилъ позволенія туда ему съѣздить посмотрѣть. По возвращеніи оттуда, какой конецъ будетъ, я тебя, мой другъ, увѣдомлю. Послѣднюю цѣну ему сказала 50.000 р. и крѣпость его. Ты пишешь, мой другъ, распоряжайся — мнѣ ничего не нужно [2]). Какъ жестоко сказано! Неужели ты можешь думать, что я могу существовать безъ тебя? Гдѣ бы судьба ни привела тебѣ быть, я всюду слѣдую съ тобою. Нѣтъ, одна смерть можетъ разорвать священную связь супружества. У насъ есть дочь; мы должны вмѣстѣ раздѣлять участь, постигшую насъ, и общимъ попеченіемъ стараться о будущей ея судьбѣ—вотъ все, чѣмъ могу себя утѣшать въ моемъ несчастіи; иначе я не переживу· ты знаешь мои чувствованія. Отъ маменьки и сестрицы получила письмо: слава Богу, здорова; сестрица все также больна и тебѣ кланяются. О прочихъ дѣлахъ въ будущемъ письмѣ увѣдомлю. Я и Настинька здоровы и молимъ Создателя о твоемъ здоровьи, да подкрѣпитъ твои силы. Поручаю въ его покровительство и милосердіе Государя. Прости, мой другъ, да будетъ благость Божія съ тобою.

Мая 18-го, 1826.

Рукою дочери: „Любезный папенька, цалую вашу ручку; пріѣзжайте поскорѣе, я по васъ скучилась; поѣдемте къ бабинькѣ".

Въ бытность мою въ деревнѣ я была у Ю., купчихи. Она считаетъ за маменькой кромѣ 250 р. еще по счетамъ сына ея большое количе-

---

[1]) На оборотѣ рукою Рылѣева написано: „расходъ] въ 1824". Всего 40 счетовъ на 7111 р., за тѣмъ „ост. 2720" и итогъ 9830.

[2]) Этого письма не сохранилось.

ство забора. Хотѣла доставить счетъ всей суммы. Для меня сомнительно, почему у маменьки нѣтъ въ запискѣ кромѣ 250 р. По счету Дюкло уплачено 599 р., остается 441 р. 50 к.; въ аптеку 6 апрѣля 1821 г. уплачено 50 р., 1823 г. декабря 18-го остальные 94 р. 55 к. отданы. Еще, мой другъ, какъ ты присовѣтуешь: я думаю лошадей продать; мнѣ некуда ѣздить; одинъ убытокъ. Я посылала на конную — даютъ только 300 р.; также нѣкоторые знакомые смотрѣли и говорятъ, что у вороной переднія ноги попорчены; а другая въ лѣтахъ. Не знаю, какъ рѣшиться; въ этомъ ты болѣе знаешь; пожалуста увѣдомь.

15.

Хорошо сдѣлала, мой милый другъ, что побывала въ деревнѣ, но Кондратія напрасно оставила старостой. Теперь особенно надо за нимъ присматривать. Ю—ѣ кромѣ 250 р. мы ничего не должны. Въ противномъ случаѣ матушка не забыла бы записать, да и сама она вдругъ бы по смерти матушки о томъ меня увѣдомила. Это должны быть плутни сына ея и Кондратія, какъ это уже и было разъ. Съ нетерпѣніемъ жду увѣдомленія о деревни и чѣмъ кончила ты съ Веселковымъ. Авось-либо хотя въ немъ пошлетъ Богъ покупщика совѣстнаго. Посылала ли ты къ П. П. Миллеру? Онъ можетъ найти покупщиковъ. Попроси его. Лошадей продай. Я прежде полагалъ, чтобы отправить на нихъ нѣкоторыя вещи въ Подгорную при отъѣздѣ твоемъ туда, но это можно будетъ сдѣлать и на наемныхъ. Не сердись на меня за то, что я сказалъ: мнѣ ничего не нужно. Я пишу тебѣ то, что мнѣ внушаютъ чувства и ты никогда не думай, чтобы я согласился и допустилъ тебя раздѣлять со мною участь мою. Ты не должва забывать, что ты мать. Впрочемъ, мой другъ, надѣйся на благость Божію и милосердіе Государя. Какъ ни велико преступленіе мое, но по сію пору обращаются со мною не какъ съ преступникомъ, а какъ съ несчастнымъ, и потому не предавайся отчаянію. У Бога все возможно и все, что ни творитъ Онъ, все творитъ къ лучшему. Молись Ему вмѣстѣ съ малюткою нашею и что-бы ни постигло меня, прими все съ твердостію и покорностію Его святой волѣ.

Настиньку цалую и молю Бога, да устроитъ Онъ ея судьбу и здѣсь и тамъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Пр. Вас. Благодарю ее душевно, что не покидаетъ тебя и была съ тобою въ деревнѣ. Воображаю, какъ она плакала надъ гробомъ друга своего.

Мнѣ бы желалось, мой другъ, чтобы ты, устроившись, положила въ Банкъ рублей сто и билетъ отдала въ Рожественскую церковь съ тѣмъ, чтобы за проценты на него тамошній священ-

никъ каждогодно отслуживалъ 2-го іюня панихиду на гробѣ матушки, когда и насъ не будетъ. Здорова ли Кат. Ив. и ея семейство, а также Пр. Мих. съ дочерьми. Давно ли ты была у нихъ? Всѣмъ и роднымъ и знакомымъ мое почтеніе. Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе.

Мая 24 дня, 1826.

Отъ Смирдина потребуй записку, какія книги считаетъ онъ на мнѣ, и скажи ему, что эту записку ты пошлешь ко мнѣ.

Отвѣтъ. Мой милый другъ! Веселковъ еще не былъ въ деревнѣ, его что-то удержало, а поѣдетъ въ пятницу и тогда чѣмъ Богъ рѣшитъ. Донаурова еще присылала съ тѣмъ, что она даетъ 40.000, крѣпость и всѣ расходы беретъ на себя. Я не знаю, мнѣ говорятъ, что крѣпость и прочіе расходы будутъ стоить 2.500. Правда ли это? Но я рѣшительно сказала, менѣе 50.000 не отдаю, и если ломбардъ возьметъ на себя, то 42.000. Не знаю, что будетъ. Теперь только двое покупщиковъ—Веселковъ и она, а болѣе никто не торгуетъ. Мой другъ, я заказала для Сашеньки памятникъ и кругомъ рѣшотку. Стишки твои нашла, которые ты ему написалъ, будутъ надписаны ему [1]). На этой недѣлѣ будетъ конченъ. — Къ Петрову я посылала за книгами. Онъ прислалъ по хозяйственной части и болѣе никакихъ, говоритъ, у него нѣтъ. Онъ уѣхалъ въ Кіевскую губернію въ партикулярную должность.— Къ Смирдину я отослала книги, на которыхъ есть нумера его лавки; о прочихъ просила дать записку, но онъ сказалъ, чтобъ я не безпокоилась, только нѣтъ ли Исторіи Рейналя 6-ти частей, которыхъ я не нашла въ твоихъ книгахъ. Не помнишь ли ты, кто взялъ ихъ у тебя? По совѣту твоему я писала къ А. Ѳ. Она мнѣ отвѣчала тѣмъ, что сама будетъ въ воскресенье — и была. Сначала много горячилась и, чтобы рѣшить, я прочитала ей твои слова въ письмѣ, то она утихла и сказала, что согласна взять довѣренность, которую я постараюсь къ ней доставить скоро. Маменька и сестрица кланяются тебѣ, мой другъ, также всѣ родные и знакомые здоровы. Настинька ручку цалуетъ и благодаритъ, что не забылъ ея рожденія [2]). Прости, будь благость Божія надъ тобою. Настинька цалуетъ ручку и молитъ Бога, да ниспошлетъ тебѣ силы и терпѣніе.

Мая 26-го 1826.

На оборотѣ рукою Рылѣева. О милая душой подруга! — О милый другъ, твой духъ скорбитъ и мнѣ скорбнѣе стало. Я..... [3]) но нашелъ душѣ отраду. Мы душой стремимся другъ къ другу, но оболочка раздѣляетъ. Мы стремились къ нравственному, духовному

---

[1]) См. т. I.

[2]) Этого письма не сохранилось.

[3]) Не разобрано.

міру, оболочка увлекла насъ за собою. Кто же духъ отъ тѣла разрѣшитъ? Христосъ. Въ немъ единомъ весь духовный міръ, единый, истинный и вѣчный. Но гдѣ же онъ? Въ груди твоей. Нетлѣнной плотію своей онъ пріобщилъ тебя духовной, безпредѣльной сущности своей—міру духовному; нетлѣнной кровію своей онъ пріобщилъ тебя вѣчной любви, т. е. жизни Творца. Въ ней единой истины, спокойствіе и благо. Она все прощаетъ, примиряетъ и къ лучшему концу приводитъ, всему учитъ и все исправляетъ. Въ Христѣ она явилась міру; въ Немъ единомъ ты найдешь ее. Полюби ее, о мой милый другъ, въ глубокомъ уединеніи сердца и она неизъяснимо тебя утѣшитъ... Ты любовью соединился съ миромъ физическимъ, временнымъ; Христомъ ты долженъ соединиться съ міромъ физическимъ, временнымъ; Христомъ ты долженъ соединиться съ міромъ духовнымъ, вѣчнымъ, и соединивъ въ себѣ два міра, всей душею подчинить себя любовію вѣчности. Вотъ, м. д. предназначеніе наше. Мы должны любовью подчинить Христу физическій міръ и въ немъ, какъ въ духовномъ мірѣ, подчинить себя вѣчной любви: Богу, ради Бога, по любви Христа.

Дальше стихотвореніе къ Е. Оболенскому, напечатано въ I т.

16.

Мая 27, 1826.

Я писалъ къ тебѣ, что въ крайности можно деревню уступить и за 45.000; разумѣется, въ такомъ случаѣ расходы покупщика. Впрочемъ, мой другъ, дѣлай, какъ найдешь лучшимъ, или какъ заставятъ обстоятельства. Дѣлать нечего. Одного меня должно винить во всемъ. Надо однакожъ подождать рѣшительнаго отвѣта отъ Веселкова. Очень радъ и благодарю Бога, что Анна Ѳедоровна одумалася и что ты скоро кончишь съ нею. Книги къ Смирдину, на которыхъ были нумера его лавки, ты напрасно отослала. Многія у него куплены съ нумерами. Увѣдомь меня, сколько книгъ и на какую сумму ты отослала ему. Боюсь, чтобы ты не отослала лучшія книги, которыя могли бы пригодиться и Настинькѣ современемъ. Книгъ Смирдина, кромѣ бывшихъ у Петрова, у меня немного было.

Сколько расходовъ будетъ при совершеніи купчей не знаю, но также полагаю, что не менѣе 2,500 р. Въ такомъ случаѣ, и если Донаурова, кромѣ расходовъ возьметъ на себя и ломбардный долгъ, то можно будетъ отдать деревню за 36.000 р. Но это только мнѣніе мое. Ты себя не связывай имъ, а дѣлай, какъ почтешь полез-

нѣйшимъ. Не забудь, что по 2 іюля надо внести въ Ломбардъ около 700 р. Пошли объ этомъ справиться въ Ломбардѣ къ чиновнику Уткину. Онъ не доставилъ еще и квитанціи за прошлагодній взносъ. Что ты не увѣдомишь меня: довольна ли Катерина Ивановна моимъ распоряженіемъ. За крестьянами 400 р. Сколько кому и когда дано, ты найдешь въ записной книгѣ. Половину долга прости имъ, а другую половину пусть Кондратій соберетъ съ нихъ и отдай ихъ ему же въ награду. Ему же отдай и всѣ вещи въ деревнѣ, которыя оставишь. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ скажи мое почтеніе. Я, благодаря Бога, здоровъ, и молю Его, да ниспошлетъ Онъ на тебя и Настиньку свое благословеніе. Матушку и сестрицу душевно благодарю. Давно ли писалъ къ тебѣ Алексѣй Михайловичъ, и каково его здоровье. Прасковья Михайловна здорова ли съ семействомъ? Благодарю тебя, мой другъ, за памятникъ Сашинькѣ.

Іюня 4-го, 1826.

Отвѣтъ. Я думаю—ты, мой другъ, соскучился, что я долго тебѣ не отвѣчаю. Я сама измучилась—всѣ друзья въ благополучіи, а въ несчастіи нѣтъ ни одного. Ужасное положеніе женщины—имѣть дѣла съ тѣми, кто радуется ея погибели, готовы все отнять. Нѣсколько времени я молчала, не хотѣла тебя огорчить. Одна нѣсколько смягчилась, другая возстала. Ты знаешь эту женщину, какова она! Продажа деревни и довѣренность—ихъ совѣсть совсѣмъ обнаружили. Мой другъ, болѣе не скажу, какъ: Богъ все видитъ, на него уповаю. Мнѣ также ничего не надо. Въ теченіе всего времени я на многихъ надѣялась; думала, что мнѣ помогутъ и устроятъ всѣ мои запутанныя дѣла и подадутъ дружескій совѣтъ; но вижу, что пустая надежда: только на словахъ. Принужденною нашлось взять стряпчаго Соколова, переписавъ счетъ твой, какъ ты писалъ, а твоей руки оставила у себя. Переписанный онѣ подписали и отдали мнѣ. Потомъ я написала просьбу о снятіи запрещенія съ имѣнія нашего, пошла къ ней и просила, чтобъ она подписала бумагу и подать куда слѣдуетъ. Она никакъ не соглашается: говоритъ, что я не могу пописаться прежде, пока не разсмотрю дѣла, и когда найду справедливымъ, тогда подпишусь. Она мнѣ говорила, что по опекѣ большое упущеніе, что ты ни о чемъ не старался. Если жъ она не возьметъ на себя отвѣтственность, то мнѣ сказали знающіе законъ люди, что я не могу продать и здѣсь не совершать крѣпость, а надо въ Москвѣ или въ какой либо губерніи, то поспѣши, мой другъ, меня увѣдомить обо всемъ, о чемъ я тебѣ пишу. Веселковъ по сіе время не бывалъ и не знаю, что значитъ; однакожъ, какъ скоро будетъ, то увѣдомлю. Къ Уткину я посылала: за прошедшій годъ квитанцію мнѣ доставилъ; за нынѣшній годъ надо внести іюля 3-го проценты 672 р. Книгъ осталось дома изъ присланныхъ Петровымъ: „Кругъ хозяйственныхъ свѣдѣній" — 3 книги, „Экономическій журналъ" Кукольника — 3 „Хозяйственныя записки" — 3, „Основаніе сельскаго домоводства" — 1,

„Журналъ практическаго правовѣдѣнія и стряпничества“ — 1, „Хозяйственныя записки“—3. Отослано Смирдину 10, по хозяйственной части же, его книги. Еще, мой другъ, дай мнѣ наставленіе, что дѣлать съ сиротами Олимпіадою и братомъ ея Мишкою? Ты знаешь, что покойная маменька обѣщалась ихъ на волю, то какъ я приступлю къ этому дѣлу: они не имѣютъ вида. Лошадей продала за 350 р. и очень рада: онѣ совсѣмъ испорчены, чуть насъ не убили, коляску попортили; я отдала въ починку. Миллеръ Θедоръ Петр. опредѣлился по таможенной части и очень выгодная должность: уѣхалъ уже давно отсюдова и сюда, говорятъ, пріѣдетъ мѣсяцевъ черезъ 5. Я напомнила отцу его о долгѣ; онъ обѣщался со мною видѣться скоро и между тѣмъ 3 недѣли его нѣтъ, а на-дняхъ проходилъ мимо окошка—и ни слова, будто не знаетъ меня. Отъ маменьки и сестрицы я получаю письма. Сестрица мнѣ писала, что и братья всѣ здоровы, но я ни отъ одного не получала ни строчки и не знаю, здоровъ ли братецъ Алексѣй М., или нѣтъ. Маменька и сестрица тебѣ кланяются; Пр. Мих. и дочери ея, слава Богу, здоровы—я недавно съ ними видѣлась: всѣ наши знакомые и родные, слава Богу, здоровы. Настинька кланяется и ручку цѣлуетъ. Пр. Вас. одна, которая во все время меня не покидаетъ, раздѣляетъ вмѣстѣ со мною мою горесть; рѣдкая женщина.Прощай, мой другъ, будь здоровъ. Божіе и царское милосердіе надъ тобою. Ради Бога, пиши мнѣ, мой другъ.

17.

Іюня 21 дня, 1826.

Послѣ свиданія нашего [1]) я не могъ къ тебѣ писать скоро; я былъ сильно разстроенъ и свиданіемъ и милосердіемъ великодушнаго Государя, но теперь, успокоившись, спѣшу отвѣчать на послѣднее письмо твое.

Я предугадывалъ, что съ нею не обойдется безъ непріятностей и что наше несчастіе подастъ ей случай свою ненависть къ намъ обнаружить явно. Но ты, мой милый другъ, ради Бога этимъ не тревожься. Богъ видитъ все и не дастъ тебя въ обиду. Скажи своему повѣренному, что два билета, принадлежащіе дѣтямъ, покойнаго П. Θ. находились въ Надворномъ Судѣ въ обезпеченіе иска Лелекина на покойномъ, и какъ дѣло сіе завязалось надолго,

---

[1]) Свиданіе дозволено по просьбѣ, поданной Государю женою Рылѣева. О разрѣшеніи извѣстилъ ее Дежурный Генералъ Потаповъ слѣдующей запиской: „Милостивая Государыня. Имѣю честь увѣдомить Васъ, м. г., что Государь Императоръ, снисходя на прошеніе Ваше, дозволяетъ Вамъ имѣть свиданіе съ супругомъ Вашимъ. Почему и остается Вамъ адресоваться къ Коменданту Петропавловской крѣпости Г. Генералъ-Адъютанту Сукину, который о таковомъ Высочайшемъ дозволеніи увѣдомленъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, Милостивая Государыня, вашъ покорный слуга Алексѣй Потаповъ. № 1015-й. 9 іюня 1826.—Ея Высокоб. Рылѣевой“.

то упомянутые билеты по желанію Кат. Ив. выданы, одинъ ей, а другой мнѣ, съ наложеніемъ запрещенія на ея и мое имѣніе. Деньги по моему билету употреблены на уплату долговъ покойника, признанныхъ и ею и мною за справедливые; при чемъ кредиторы по моему настоянію и стараніямъ сдѣлали важныя уступки. Остальная сумма, въ 4 тысячахъ состоящая, включая въ то число и проценты, должна быть представлено обратно въ Надворный Судъ при совершеніи купчей. Счеты долговые и мою записку о расходѣ денегъ ты уже имѣешь у себя. Другой билетъ находится у К. И., проценты съ суммы сей, какъ и съ той, которая находится въ вѣдомствѣ опеки, она употребляла на домашній расходъ. Оброкъ съ людей получала сама, а слѣдовательно сама и должна подать во всемъ этомъ отчетъ. Еслибы даже она истратила и всѣ 6000 р. съ процентами по билету ей отданному, то и то не бѣда. За это отвѣчаетъ домъ ея. А потому и не думаю, дабы что либо могло препятствовать совершенію купчей. Да еслибы и случились какія препятствія, то ты можешь отвратить ихъ, сдѣлавъ при совершеніи купчей денежное обезпеченіе, какое опека или Надвор. Судъ признаетъ нужнымъ, и потомъ весть дѣло съ нею судебнымъ порядкомъ.

Дней черезъ десять пошли къ Донауровой сказать рѣшительно, что ты деревню уступаешь за 36.000, съ тѣмъ чтобы она взяла на себя ломбардный долгъ и расходы при совершеніи купчей. Не забудь, что 3 іюля надо внести проценты за деревню. Олимпіадѣ и Мишкѣ дай отпускныя и по 50 р. и скажи крестной ихъ матери, чтобы пріискала имъ мѣсто въ ученье.

Поцалуй Настиньку. Какъ она у тебя худа. Ради Бога, береги ее. Прошу тебя, постарайся кончить дѣла свои черезъ мѣсяцъ и уѣзжай къ матушкѣ. Это необходимо и для тебя и для малютки.

О какихъ 10 тысячахъ говорила ты мнѣ по счетамъ К. Ив.?

Почтенѣйшую Праск. Вас. душевно, сердечно благодарю за ея къ тебѣ дружбу. Ѳ. В. [1]) мой дружескій поклонъ. Здоровъ ли почтенный дядя его и что его процессъ. Каково здоровье Вѣры Сѣрг.? Прощай мой другъ и уповай на Бога и милосердіе Государя.

Отвѣтъ Мой милый другъ. могу вѣрить тебѣ, что ты разстроился. Я по сію пору не вѣрю, что я тебя видѣла. Точно сонъ или мечта — такъ краткое время! Я не нашлась ничего поговорить съ тобою; теперь

---

[1]) Булгарину.

не имѣю мысли писать къ тебѣ. Вся душа моя наполнена однимъ: сегодня день торжества, день рожденія того, отъ кого зависитъ все счастіе Россіи. О всещедрый Отецъ и сердевидецъ, ниспошли на него вся благая, онъ подобенъ тебѣ въ милосердіи! Сегодня многіе будутъ благословлять имя сего милосердаго отца и прольютъ сердечныя слезы благодарности предъ престоломъ Всевышняго. Какое утѣшеніе въ несчастіи—упованіе на Бога, надежда на правосуднаго и милосердаго Государя. Мы первые должны во всю свою жизнь чтить его ангеломъ-хранителемъ нашимъ. Ты, мой другъ, пишешь объ Настинькѣ, что она худа: она была очень больна, теперь только начала поправляться. Я благодарна Соломону—онъ ее пользовалъ. Еще спѣшу тебя увѣдомить: Веселковъ деревню не покупаетъ: говоритъ, что мужики очень бѣдны и избалованы; надо много суммы, чтобы привесть въ порядокъ, чтобъ имѣть доходъ. Теперь должно рѣшиться съ Донауровой; что будетъ? Ты спрашиваешь, о какихъ я 10 тыс. говорила Кат. Ив.? По выправкѣ ея въ Надворномъ Судѣ на 12 тысячъ слѣдуетъ ему, Малютину, со всего капитала по 27 октября 1823 г. получить процентовъ 4,897 р. 69 к., т. е. по день полученія оныхъ билетовъ. Она говоритъ, что ты ихъ получилъ: она не знала и потому не можетъ взять всей обязанности на себя и проситъ о снятіи запрещенія съ нашего имѣнія. Однакожъ я еще буду ее просить, и если она не согласится, тогда буду поступать по твоему наставленію. Я не понимаю, что тебѣ, мой другъ, хочется, чтобъ я ѣхала къ маменькѣ, и какъ ты легко судишь, могу ли я гдѣ либо быть покойна безъ тебя. Для меня не страшно какое бы ни было несчастіе, но съ тобой вмѣстѣ раздѣлить. Нѣтъ ужаснѣе для меня съ тобою разлуки: я не перенесу — и тогда что будетъ съ нашею несчастною сиротою? Не будемъ ли отвѣчать предъ Создателемъ! Неужели ты отчаяваешься въ милосердіи Государя, что онъ этого не позволитъ? Нѣтъ, онъ самъ супругъ и отецъ, и правосуденъ. Проси сего единаго блага и надѣйся, а я буду стараться устроить всѣ дѣла. Прошу твоего совѣта, что мнѣ дѣлать съ мебелью? Я не знаю, что стоитъ, также и библіотека. Ты молчишь. Увѣдомь, ради Бога. Прости, мой несчастный другъ. Пиши. Одно мое утѣшеніе. Родные и всѣ знакомые тебѣ кланяются. Настинька кланяется и ручку цѣлуетъ: хотѣла сама тебѣ писать, да карандашъ свой гдѣ-то потеряла и въ большой печали, что не можетъ писать тебѣ [1]).

(25 іюня, 1826).

18 [2]).

13 іюля, 1826.

Богъ и Государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ его святая воля! Мой милый

---

[1]) На оборотѣ этого письма рукою Рылѣева написано: „Черновъ". „Новосильцовъ". Потомъ переписанъ весь 6-й псаломъ: Господи, да не яростію твоею облечиши мя.

[2]) Богучарскій въ „Общественномъ движеніи, приводитъ сомнѣніе Герцена по поводу этого письма, было ли оно въ дѣйствительности написано.

другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно, и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроптал во все время моего заключенія, и за то Духъ Святой давно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ, и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ. Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Катеринѣ Ивановнѣ и дѣтямъ ея кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за Михайла Петровича [1]): не я его вовлекъ въ общую бѣду. Онъ самъ это засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою; но раздумалъ, чтобъ не разстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. Настиньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои

Но Ефремовъ приводитъ это письмо съ подлинника, принадлежавшаго дочери Рылѣева, какъ и вся переписка изъ крѣпости. Мы не рѣшились, пишетъ Ефремовъ, дѣлать въ ней какія либо сокращенія и оставили фразы и даже цѣлыя письма, которыя могутъ показаться излишнимъ для печати, если не вспомнить: въ какомъ положеніи и при какихъ обстоятельствахъ все это было написано".

1) Михаилъ Петровичъ Малютинъ, сынъ Катерины Ивановны, былъ замѣшанъ въ дѣло.

христіанскія чувства—и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ моя душевная. искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его Святая воля.

Твой истинный другъ К. Рылѣевъ.

У меня осталось здѣсь 530 р. Можетъ быть, отдадутъ тебѣ.

Е. П. Оболенскому.

Іюнь, 1826 г.

Смотри 38-ю страницу настоящаго тома.

Черновое письмо къ Государю.

Около 21 іюня, 1826 г.

Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, Государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно, но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, Государь, будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я съ самаго вступленія моего въ Думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной.

Письма Рылѣева къ Пушкину.

1.

Рылѣевъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ съ Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоемъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русскія сердца. Я пишу къ тебѣ ты, потому что холодное вы не ложится подъ перо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ и по мыслямъ. Пущинъ познакомитъ насъ короче. Прощай, будь здоровъ и не лѣнись. Ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы; настоящій край вдохновенія—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы. (Январь, 1825).

2.

Благодарю тебя, милый поэтъ, за отрывокъ изъ Цыганъ и за письмо: первый прелестенъ, второе мило. [1]) Раздѣляю твое мнѣніе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. Да еслибъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втолкнулъ бы ихъ насильно туда. Когда Бестужевъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо, я еще не читалъ вполнѣ первой пѣсни Онѣгина. Теперь я слышалъ всю: она прекрасна; ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ. Но Онѣгинъ, сужу по первой пѣсни, ниже и Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Не совсѣмъ правъ ты и во мнѣніи о Жуковскомъ. Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ —и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ. Это болѣе можетъ упрочить славу его. Съ твоими мыслями о Батюшковѣ я совершенно согласенъ: онъ точно заслуживаетъ уваженія и по таланту и по несчастію. Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ

[1]) См. ниже письма Пушкина къ Рылѣеву.

этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмѣльницкаго. Послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе не все выскажешь. Сейчасъ получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь поспѣшить изданіемъ Цыганъ: всѣ шумятъ объ ней и всѣ ее ждудъ съ нетерпѣніемъ. Прощай чародѣй.—Рылѣевъ. С.-Петербургъ. 12 февраля, 1825 г.

Приписка Бестужева: Письмо твое сердечное получилъ, но отвѣчать теперь нѣтъ время. Буду писать съ требуемымъ нумеромъ журнала, и тогда потолкуемъ о комедіи. Замѣчанія твои во многомъ правы. До свиданія на письмѣ. Прощай, мой поэтъ, будь самимъ собою и помни друзей, которые желаютъ тебѣ счастія и славы. Твой Александръ.

3.

Не знаю, что будетъ Онѣгинъ далѣе; быть можетъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Я готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза. Майкова Елисей прекрасенъ; но былъ ли бы онъ такимъ у Державина— не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна никуда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова?

Не согласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость, не оправдывай софизмовъ Воейковыхъ: имъ только дозволительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и взводишь Богъ знаетъ что.

Думаю, что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько ощипанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; не смотря на то, я просилъ Пущина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. Но за то убѣжденъ душевно, что Ермакъ, Матвѣевъ, Волынской Годуновъ и имъ подобное — хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. Полярная Зв[illegible] выйдетъ на будущей

недѣлѣ [1]). Кажется она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Онъ въ первый разъ судитъ такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скоро-ли ты начнешь печатать Цыганъ? — Рылѣевъ. Марта 20 дня (1825).

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ— вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

4.

Спѣшимъ доставить тебѣ Звѣзду. Увѣрены, что она понравится Пушкину, и заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всѣмъ пришлась по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ; но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьесъ, которыхъ похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего Парнасса. Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленныя пьесы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей Звѣздѣ? Отъ Цыганъ всѣ безъ ума, Разбойникамъ, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для Звѣздочки стыдимся и просить у тебя что нибудь; такъ ты надѣлилъ насъ. [2]) На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердишься ли за откровенность мою? Это кажется тебѣ не въ

---

[1]) Цензурное разрѣшеніе на ней подписано 20 марта 1825 г.

[2]) Это альманахъ, предполагавшійся на 1826 г. взамѣнъ „Пол. Звѣзды". Объявленіе о немъ было напечатано въ „Библіог. Листахъ" Кеппена (1825 г. № 13 стр. 183) и самаго альманаха отпечатано 80 стр. Единственный экземпляръ всѣхъ сохранившихся листовъ „Звѣздочка" подаренъ Ефремовымъ въ Имп. Публичную Библіотеку (см. отчетъ ея за 1866 г., стр. 14—15 и „Русскій Архивъ" 1869 г., № 4).

По поводу этого альманаха возникла въ 1827 году слѣдующая очень интересная переписка.

Въ январѣ 1827 года ген.-адъют. А. Х. Бенкендорфъ препроводилъ къ нач. Главнаго штаба гр. И. И. Дибичу анонимную записку, гдѣ говорилось, что въ „Невскомъ Альманахѣ" на 1827 годъ, изданнымъ Аладьинымъ, помѣщены изъ „Звѣздочки", которую К. Рылѣевъ и А. Бестужевъ хотѣли издать, какъ приложеніе къ „Полярной Звѣздѣ" на 1826 годъ, слѣдующія статьи:

1) „Замокъ Эйзенъ", безъ подписи автора, а въ „Звѣздочку" статья эта была набрана подъ заглавіемъ „Кровь за кровь", сочиненіе А. Бестужева.

этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмѣльницкаго. Послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе не все выскажешь. Сейчасъ получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь поспѣшить изданіемъ Цыганъ: всѣ шумятъ объ ней и всѣ ее ждудъ съ нетерпѣніемъ. Прощай чародѣй.—Рылѣевъ. С.-Петербургъ. 12 февраля, 1825 г.

Приписка Бестужева: Письмо твое сердечное получилъ, но отвѣчать теперь нѣтъ время. Буду писать съ требуемымъ нумеромъ журнала, и тогда потолкуемъ о комедіи. Замѣчанія твои во многомъ правы. До свиданія на письмѣ. Прощай, мой поэтъ, будь самимъ собою и помни друзей, которые желаютъ тебѣ счастія и славы. Твой Александръ.

3.

Не знаю, что будетъ Онѣгинъ далѣе; быть можетъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Я готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза. Майкова Елисей прекрасенъ; но былъ ли бы онъ такимъ у Державина—не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна никуда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова?

Не согласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость, не оправдывай софизмовъ Воейковыхъ: имъ только дозволительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и взводишь Богъ знаетъ что.

Думаю, что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько ощипанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; не смотря на то, я просилъ Пущина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. Но за то убѣжденъ душевно, что Ермакъ, Матвѣевъ, Волынской Годуновъ и имъ подобное — хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. Полярная Звѣзда выйдетъ на будущей

недѣлѣ [1]). Кажется она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Онъ въ первый разъ судитъ такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скоро-ли ты начнешь печатать Цыганъ? — Рылѣевъ. Марта 20 дня (1825).

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ— вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

4.

Спѣшимъ доставить тебѣ Звѣзду. Увѣрены, что она понравится Пушкину, и заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всѣмъ пришлась по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ; но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьесъ, которыхъ похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего Парнасса. Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленныя пьесы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей Звѣздѣ? Отъ Цыганъ всѣ безъ ума, Разбойникамъ, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для Звѣздочки стыдимся и просить у тебя что нибудь; такъ ты надѣлилъ насъ. [2]) На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердишься ли за откровенность мою? Это кажется тебѣ не въ

---

[1]) Цензурное разрѣшеніе на ней подписано 20 марта 1825 г.

[2]) Это альманахъ, предполагавшійся на 1826 г. взамѣнъ „Пол. Звѣзды". Объявленіе о немъ было напечатано въ „Библіог. Листахъ" Кеппена (1825 г. № 13 стр. 183) и самаго альманаха отпечатано 80 стр. Единственный экземпляръ всѣхъ сохранившихся листовъ „Звѣздочка" подаренъ Ефремовымъ въ Имп. Публичную Библіотеку (см. отчетъ ея за 1866 г., стр. 14—15 и „Русскій Архивъ" 1869 г., № 4).

По поводу этого альманаха возникла въ 1827 году слѣдующая очень интересная переписка.

Въ январѣ 1827 года ген.-адъют. А. Х. Бенкендорфъ препроводилъ къ нач. Главнаго штаба гр. И. И. Дибичу анонимную записку, гдѣ говорилось, что въ „Невскомъ Альманахѣ" на 1827 годъ, изданнымъ Аладьинымъ, помѣщены изъ „Звѣздочки", которую К. Рылѣевъ и А. Бестужевъ хотѣли издать, какъ приложеніе къ „Полярной Звѣздѣ" на 1826 годъ, слѣдующія статьи:

1) „Зàмокъ Эйзенъ", безъ подписи автора, а въ „Звѣздочку" статья эта была набрана подъ заглавіемъ „Кровь за кровь", сочиненіе А. Бестужева.

пору; ты выше этого. Что Дельвигъ? По слухамъ онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего Онѣгина. Не пишешь ли ты еще чего?

---

2) „Гайдамакъ", сочиненіе Порфирія Байскаго, а въ „Звѣздочкѣ" подписано сочиненіе Сомова.

3) „Пѣсня", стихотвореніе Туманскаго.

4) „Къ зарѣ", стихотвореніе Хомякова.

„Кромѣ оныхъ помѣщены нижеслѣдующія сочиненія Ѳ. Глинки, коихъ въ „Звѣздочкѣ" не оказалось: 1) „Дорогіе перлы". 2) „Пригожей рыболовкѣ". 3) „Завѣянные слѣды". 4) „Къ Алинѣ". 5) „Сказки".

При этомъ была приложена слѣдующая біографическая справка:

„Нѣкто Аладьинъ, служащій по особымъ порученіямъ при здѣшнемъ вице-губернаторѣ, вовсе ни литераторъ, а спекуляторъ, издаетъ третій годъ „Невскій Альманахъ".

„Александръ Безстужевъ и К. Рылѣевъ приготовили къ новому 1828 г. прибавленіе къ „Полярной Звѣздѣ", подъ названіемъ „Звѣздочка". Нѣсколько листовъ уже было отпечатано въ типографіи Главнаго штаба и на прочія статьи находились также пропущенныя цензурою рукописи. Послѣ 14-го декабря, отпечатанные листы и оригиналы удержаны въ штабѣ и не выданы родственникамъ. Между тѣмъ, книгопродавцы хотѣли купить у вдовы Рылѣева и у матушки Безстужевыхъ рукописи за 2500 р. съ правомъ напечатать безъ именъ.

„Достовѣрно извѣстно, что рукописи сіи не выходили въ свѣтъ; но вдругъ піесы сіи появляются напечатанными въ „Невскомъ Альманахѣ" на 1827 годъ.

„Извѣстно, что Аладьинъ выпрашивалъ позволеніе у нѣкоторыхъ, лицъ къ напечатанію ихъ піесъ, отданныхъ въ „Звѣздочку", объявляя что онъ уже имѣетъ ихъ въ рукахъ, равно какъ и другія—Безстужева и Рылѣева, доставъ оныя изъ типографіи Главнаго штаба.

„Обстоятельство сіе, кажется, заслуживаетъ особеннаго вниманія".

Дибичъ горячо взялся за розыски и вотъ что узналъ отъ Аладьина:

1) „За́мокъ Эйзенъ" купленъ имъ у матери Безстужева за 400 руб-

2) „Гайдамакъ"—полученъ отъ г. Сомова, какъ автора.

3) „Пѣсня", стих. Туманскаго и „Къ зарѣ"—Хомякова отъ авторовъ въ Москвѣ.

4) Стих. Ѳ. Глинки: „Дорогіе перлы", „Пригожей рыболовкѣ", „Завѣянные слѣды", „Къ Алинѣ" и „Сказки"—получены въ началѣ 1826 года отъ самого автора, изъ Петрозаводска, куда онъ висланъ на службу.

Кромѣ того, Аладьинъ доносилъ, что и въ другихъ журналахъ напечатаны нѣкоторыя статьи изъ „Звѣздочки"; такъ, въ „Новостяхъ литературы", издаваемыхъ Воейковымъ, напечатано: „Княгинѣ Волконской"—Козлова; „Зависть Генія",—Языкова. Въ „Новостяхъ литературы" напечатано подъ заглавіемъ „Геній". Въ журналѣ, издаваемомъ Измайловымъ, напечатано: „Описаніе шахова кладбища"; въ Аль-

что твои записки? чѣмъ ты занимаешься въ праздное время? Мы съ Бестужевымъ намѣреваемся лѣтомъ провѣдать тебя: будетъ ли это кстати? Вотъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, на которые буду ожидать отвѣта. Твой Рылѣевъ. Марта 25 дня 1825.

манахѣ „Сѣверные цвѣты", издаваемомъ Дельвигомъ — „Графинѣ",— Въ Альманахѣ напечатано подъ заглавіемъ „Книжкѣ" князя Вяземскаго и „Двѣ картины", отрывокъ неизвѣстнаго. Въ „Сѣверной Пчелѣ", издаваемой Ѳ. Булгаринымъ, напечатано: „Отрывокъ изъ персидской повѣсти",—Ободовскаго и въ „Сынѣ Отечества", издаваемомъ Н. Гречемъ,—„Вечеръ на Мечукѣ",—Григорьева.

Къ всему этому Аладьинъ присовокупилъ, что напечатанныя имъ въ „Невскомъ Альманахѣ" статьи набраны имъ по корректурнымъ листамъ печатавшейся въ военной типографіи Главнаго штаба „Звѣздочки", нынѣ остановленной и задержанной; что листы эти хранились у извѣстнаго по занятіямъ литературою г. Сомова.

Черезъ полицію были спрошены Орестъ Сомовъ и мать Безстужева. Послѣдняя подтвердила, что она дѣйствительно получила за статью сына четыреста рублей, а Сомовъ далъ слѣдующее объясненіе:

„По словесному запросу вашего высокоблагородія, (Полицейместеръ К. Ѳ. Дершау). Точно ли я сообщалъ корректурные листы двухъ статей, помѣщенныхъ въ „Невскомъ Альманахѣ": „Зáмокъ Эйзенъ",—А. Безстужева и „Гайдамакъ", повѣсть моего сочиненія, издателю „Невскаго Альманаха" г. Аладьину, имѣю честь симъ вамъ почтительнѣйше объяснить, что, занимаясь уже нѣсколько лѣтъ печатаніемъ разныхъ книгъ, я, по просьбѣ издателей, просматривалъ также корректуру изданныхъ за прошлые годы альманаховъ: „Полярная Звѣзда" и печатавшагося въ 1825 году также альманаха "Звѣздочка"; ибо многіе издатели книгъ и журналовъ, имѣя довѣріе къ грамматическимъ моимъ свѣдѣніямъ, часто меня просили объ оказаніи имъ таковой услуги. И какъ послѣдняя только корректура нужна типографіи для поправокъ, то, дабы не смѣшивать подписанныхъ листовъ, предпослѣдняя обыкновенно почти всегда удерживается тѣмъ, кто оную просматриваетъ, яко вовсе ненужная, и употребляетъ потомъ въ видѣ оберточной бумаги. Таковыхъ ненужныхъ корректурныхъ листовъ отъ печатавшагося альманаха „Звѣздочки" оставалось у меня нѣсколько, впрочемъ не полныхъ, ибо третьяго полулиста повѣсти: „Зáмокъ Эйзенъ" (въ подлинникѣ „Кровь за кровь") у меня вовсе не было; да и сохранившіеся валялись съ прочими ненужными бумагами. Впослѣдствіи, разбирая мои бумаги, я отыскалъ сіи листки, и какъ въ оныхъ заключалась написанная мною и одобренная цензурою повѣсть „Гайдамакъ", то я и сберегъ оные.

„Весною же минувшаго 1826 года, издатель „Невскаго Альманаха" г. Аладьинъ, который не знаю для чего самъ искалъ моего знакомства, пришедъ ко мнѣ и узнавъ изъ разговоровъ, что мною была написана помянутая повѣсть, просилъ у меня оной для просмотрѣнія; и какъ у меня не было ея переписанной набѣло, то я и рѣшился дать ему оную въ корректурныхъ листахъ, ни мало не подозрѣвая, чтобъ

5.

Письмо твое Бестужевъ получилъ, но не успѣлъ отвѣчать: его услали въ Москву провожать принца Оранскаго. Можетъ быть онъ напишетъ тебѣ оттуда. Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя: правда ли? Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ. Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній. Они прелестны; особенно отрывки изъ Алкорана. Страшный судъ ужасенъ! Стихи—

И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ—

превосходны. Послѣ прочитаны были твои Цыгане. Можешь себѣ представить, что сдѣлалось съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! Какъ онъ молодъ и свѣжъ! — Цыганъ слышалъ я четвертый разъ, и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ.

онъ могъ сдѣлать какое-либо изъ оныхъ употребленіе безъ воли тѣхъ, кому принадлежатъ піесы въ собственность; ибо на сей счетъ между литераторами должна существовать литературная совѣсть, запрещающая имъ самовольно присвоивать себѣ чужое. Отдавая не долѣе какъ на сутки—время, въ которое можно было только прочесть оныя статьи—я тѣмъ болѣе былъ спокоенъ, что оныя печатались съ одобренія цензуры и, слѣдовательно, не могли считаться въ числѣ запрещенныхъ. Сверхъ того, какъ выше сказано, они были неполны. Г. Аладьинъ и дѣйствительно на другой же день по утру возвратилъ мнѣ оныя, и съ тѣхъ поръ случай сей вовсе вышелъ у меня изъ памяти, какъ маловажный и изъ котораго я не предвидѣлъ и не ожидалъ никакихъ послѣдствій"....

Изъ всего изложеннаго было видно, что доносъ на военную типографію оказался несправедливымъ, и дежурный генералъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Потаповъ писалъ А. Х. Бенкендорфу:

„По полученной отъ вашего превосходительства запискѣ о нѣкоторыхъ статьяхъ „Невскаго Альманаха", я приказалъ сдѣлать подъ рукою изслѣдованіе. Личное объясненіе издателя того „Альманаха", г. Аладьина, изложенное во включенной у сего запискѣ, удостовѣряетъ, что статьи „Полярной Звѣзды", на 1826 годъ приготовленныя, которыя помѣщены въ его „Альманахѣ", имъ получены отъ самихъ сочинителей, и одна куплена у матери Безстужева, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ всю неосновательность доноса и ложную клевету на военную типографію Главнаго штаба его императорскаго величества".

Для насъ въ этомъ интереснѣе всего то отношеніе, которое было у власти къ всему, что сколько-нибудь могло напомнить ужасную ночь 14-го іюля. *Ред.*

Я подъискивался, чтобъ привязаться къ чему нибудь и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. Зачѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань. Не лучше ли было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; затѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога, кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово рекъ. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я придумалъ. Ахъ, еслибы ты ко мнѣ былъ также строгъ! какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ.

Прощай обни.... [1])
а ты обними Дельвига....
не пишешь ни слова о Полярной Звѣздѣ....
ни Наливайко? Прощай—милая сирена....

(Апрѣль 1825). Твой Рылѣевъ.

6.

Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣніемъ. Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайки, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго Старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди — мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайки, хотя наоборотъ въ удальствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что Звѣздочка отниметъ у меня много времени. Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что либо, достойное вѣка нашего; но, какъ бы на зло, желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обозрѣніе, обѣщалъ прислать свое опроверженіе на Байрона и Бовля—и вѣрно все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ Онѣгина, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ-Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ и выше

[1]) Въ оригиналѣ оторванъ край письма.

добродѣтелей. Пушкинъ! ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бъ ты зналъ какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе!

Прощай чудотворецъ.—Рылѣевъ. Мая 12 дня 1825.

Бестужевъ еще въ Москвѣ.

7.

Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филиппики за нашего Великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова [1]). Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лѣнтяя, какъ я; лучше написать что-нибудь новое. О Думахъ я уже сказалъ тебѣ свое мнѣніе. Бестужевъ собирается отвѣчать тебѣ—и, правда, ему есть о чемъ поспорить съ тобой касательно мнѣній твоихъ объ его обозрѣніи. Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе и покровительство принимаешь за одно и тоже. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; но какое ободреніе? Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляютъ его. Можетъ быть Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса—любовь, Петрарка также; иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперить, но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія. Пусть онъ производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей камергерскихъ; тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно безъ пропитанія; онъ тогда будетъ обезпеченъ. Геній же немного и требуетъ въ жизни. Тогда потерпятъ,

[1]) Цензоръ.

быть можетъ, только одни самозванцы-геніи. Прощай геній.— Твой Рылѣевъ.

Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія. Войнаровскаго вышлю съ слѣдующею почтою.

Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ! Ты самъ по себѣ молодецъ.

8.

Извини, милый Пушкинъ, что долго не отвѣчалъ тебѣ: разныя непріятныя обстоятельства, то свои, то чужія, были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, неумѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ. Мы опять собираемся съ Полярною. Она будетъ послѣдняя; такъ по крайней мѣрѣ мы рѣшились. Желаемъ распроститься съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему намъ подарку. Тутъ объ тебѣ Богъ вѣсть какіе слухи: успокой друзей твоихъ хотя нѣсколькими строчками. Прощай, будь здоровъ и благоденствуй.—Твой Рылѣевъ.

На дняхъ будетъ напечатана въ Сынѣ Отечества моя статья о поэзіи; желаю узнать объ ней твои мысли (Ноябрь 1825).

ПИСЬМА ПУШКИНА.

I.

25 января (1825. Михайловское).

Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду Пол. Звѣз. съ нетерпѣніемъ. Знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма была нужна для нашей словесности. Бест. пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ—скажи ему, что онъ не правъ: ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся са-

тиры и комедіи? Слѣдовательно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Pucсelle, и Веръ-Вера, и Ренике-фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc, etc, etc, etc, etc... Это немного строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзіи, но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева—но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. За чемъ кусать намъ груди кормилицы нашей? потому что зубки прорѣзались?—Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ—охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! За что казнитъ, за что вѣнчаетъ? Что касается до Батюшкова уважимъ въ немъ нещастія и не созрѣвшія надежды.—Прощай поэтъ.

II.

Конецъ мая 1825 г. Михайловское.

Думаю ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать похвалу, знаки восклицанія, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою съ умыслу, не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя.

Что сказать тебѣ о Думахъ? во всѣхъ встрѣчаются стихи живыя, окончательныя строфы Петра въ Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici) описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и—нравоученіе. Національнаго, Русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ имени (исключаю Ив. Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ). Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ Герба Россіи. Древній гербъ, С. Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый орелъ, вотъ Гербъ Византійскій и принятъ у насъ во времена Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.

Объ исповѣди Наливайки скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ, но и тутъ конечно наложилъ ты свою печать.

Тебѣ скучно въ Петерб., а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть. Прощай поэтъ.— Когда-то свидимся?

III.

ЧЕРНОВОЕ.

(Вторая половина іюня 1825 г. Михайловское).

Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ; и что—слава Богу? Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы; въ теченіе шести лѣтъ посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили по-дѣломъ

и по-напрасну, а далѣе... ни гугу! Почему же? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста, нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся, никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь шестисотлѣтнимъ дворянствомъ (NB мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ ибо—по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ — гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ графъ Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ есть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи да не сочиняй. Милый мой! Ты—поэтъ, и я—поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

Письма къ Ѳ. Булгарину.

1.

Острогожскъ, іюня 20 дня 1821.

Вотъ уже три недѣли, какъ я пирую на Украйнѣ; пью донскія вина и обжираюсь стерлядями, а ты по сіе время не поздравилъ меня съ такимъ благополучіемъ! Ты, будучи самъ однимъ изъ главнѣйшихъ петербургскихъ гастрономовъ, для возбужденія въ своемъ пріятелѣ еще большаго аппетита, не хочешь изъ одной лѣности порадовать меня здѣсь хотя тремя строчками. . Но добро-жъ, сарматъ невѣрный, я отплачу тебѣ и ты не получишь ни сухой стерляди, ни балыка, по возвращеніи моемъ въ Питеръ, если не пришлешь ко мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ грамотокъ — сюда, въ мое счастливое уединеніе, гдѣ я такъ доволенъ, такъ блаженствую, что право не хочется и вспомнить о шумной Пальмирѣ сѣвера...

Давно мнѣ сердце говорило:
Пора, младой пѣвецъ, пора,
Оставивъ шумный градъ Петра,
Летѣть къ своей подругѣ милой,
Чтобъ оживить и духъ унылой,—
И смутный сонъ младой души,
На лонѣ нѣги и свободы
И расцвѣтающей природы.
Прогнать съ заботами въ тиши.

Насталъ желанный часъ—и съ тройкой
Извощикъ ухарской предсталъ;
Залился колокольчикъ звонкой—
И юный другъ твой поскакалъ...
Едва заставу Петрограда
Пѣвецъ унылый миновалъ,
Какъ разлилась въ душѣ отрада,
И я дышать свободнѣй сталъ,
Какъ будто вырвался изъ ада...

Теперь я на ярмаркѣ въ городѣ Острогожскѣ, въ которомъ городничимъ Григорій Николаевичъ Глинка, братъ почтеннѣйшаго Ѳедора Николаевича. Я познакомился съ нимъ еще года за два

предъ симъ. Тогда онъ былъ вдовъ, но недавно женился въ Москвѣ на одной любезной дѣвицѣ, которая весьма любитъ литературу—и я съ большимъ удовольствіемъ провожу у нихъ время.

Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ!—Не знаю чему больше удивляться, тиранству ли Іоанна, или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя— плодъ чтенія девятаго тома [1]).

Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Федоровичу въ „Сынъ Отечества". Прощай. Свидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ добрымъ людямъ, сирѣчь Н. И. Гнѣдичу, Н. И. Гречу, Барону, также Александру Өедоровичу [2]) и проч.... Пиши ко мнѣ на Павловскъ.—Твой другъ К. Рылѣевъ.

2.

С. Подгорная. Августа 8-го. 1821.

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ сѣверную Пальмиру. Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать не переставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
Онъ завсегда какъ червь точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники...

[1]) Здѣсь приведена дума: „Курбскій". [2]) А. Ө. Воейковъ съ половины 1820 г. до начала 1822 г. участвовалъ съ Гречемъ въ изданіи „Сына Отечества".

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями напояютъ,
Былъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно ли крымскіе наѣздники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ, и дѣтей, и женъ, тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ,
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ...
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

Но полно объ этой дряни...

При семъ посылаю нѣсколько моихъ бездѣлокъ. Потрудись показать ихъ почтенному Николаю Ивановичу Гнѣдичу, и если годятся, отдай ихъ Александру Θедоровичу для „Сына Отечества".

Прощай, я въ половинѣ сего мѣсяца выѣзжаю, но буду въ Петербургѣ не прежде половины сентября, ибо ѣду на своихъ.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ, остаюсь твой другъ К. Рылѣевъ.

3.

(Петербургъ. 7 сентября 1823 г.)

Я былъ тебѣ другомъ, Булгаринъ; не знаю, что чувствовалъ ты ко мнѣ; по крайней мѣрѣ ты также увѣрялъ меня въ своей дружбѣ—и я отъ души вѣрилъ. Какъ другъ, отдаю на твой собственный судъ, исполнилъ ли я обязанности свои. Изслѣдуй всѣ мои поступки, взвѣсь всѣ мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потомъ, по совѣсти, заслуживалъ ли я такого оскорбленія, какое ты сдѣлалъ мнѣ сегодня, сказавъ, что ты, „если бы и вздумалъ просить отъ кого-нибудь въ Петербургѣ совѣтовъ, то я былъ бы послѣдній..." Что побудило тебя, гордецъ, къ этому, я не знаю. Знаю только то, что я истинно любилъ тебя и если когда противорѣчилъ тебѣ, то не съ тономъ холоднаго наставника, но съ горячностью нѣжной дружбы. Такъ и вчера, упрекая тебя за то, что ты скрылъ отъ меня черное свое предпріятіе противъ Вое

кова, я говорилъ, зачѣмъ ты не сказалъ; я на колѣняхъ уговорилъ бы тебя оставить это дѣло. Скажи же, похоже ли это на совѣтъ; можно ли тѣмъ было оскорбиться, и оскорбиться до того, чтобъ наговорить мнѣ дерзостей самыхъ обидныхъ?.. Еще повторяю и прошу тебя вспомнить всѣ мои поступки, слова и мысли — и разобрать ихъ со всею строгостью. Рано ли, поздно ли, но ты или самыя послѣдствія докажутъ тебѣ справедливость мнѣній моихъ и правоту.

Въ пылу своего неблагороднаго мщенія, ты не видишь или не хочешь видѣть всей черноты своего поступка; но рано ли, но поздно ли... Извини моему пророчеству и прими его за остатокъ прежней моей дружбы и привязанности, которыя однѣ удерживаютъ меня требовать отъ тебя должнаго удовлетворенія за обиду, мнѣ сдѣланную... Ты гордишься теперь своимъ поступкомъ и радъ, что нашелъ людей, оправдывающихъ его, не вникнувшихъ въ обстоятельства дѣла, другихъ ослѣпленныхъ, какъ нынѣ и ты, мщеніемъ и враждою, и думаешь, что и всѣ, кромѣ меня, раздѣляютъ твое мнѣніе. Но узнай, какъ жестоко ты обманываешься. Не говоря о множествѣ другихъ, которыхъ ты въ душѣ своей уважаешь, В. А. Жуковскій, этотъ столь высокой нравственности человѣкъ, котораго ты любишь до обожаній — въ негодованіи отъ твоего поступка [1]). Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что ты оскорбляешь не одного Воейкова, но цѣлое семейство, въ которомъ ты былъ принятъ, какъ родной; что онъ употребитъ всѣ возможныя средства воспрепятствовать исполненію твоего желанія и что если ты и успѣешь, то не иначе, какъ съ утратою чести! Вотъ, Булгаринъ, какого ты человѣка тронулъ. Скажи же теперь, справедливы ли мои опасенія? Удаляя отъ себя людей, въ которыхъ, по собственному сознанію твоему, ты болѣе всѣхъ былъ увѣренъ—скажи, на кого ты надѣешься, въ чью дружбу увѣровалъ? Что иное, какъ

---

[1]) Сколько можно догадываться, вся эта исторія вышла изъ-за того, что Воейковъ, поссорившись съ Гречемъ и оставивъ сотрудничество въ «Сынѣ Отечества», получилъ «доходное» редакторство «Русскаго Инвалида», благодаря хлопотамъ Жуковскаго, на племянницѣ котораго былъ женатъ. Чтобъ уязвить Греча, онъ однажды напечаталъ въ «Инвалидѣ», что на «Сынъ Отечества» только 750 подписчиковъ, а на «Русскій Инвалидъ» 1700. Булгаринъ тотчасъ же воспользовался этимъ и подалъ прошеніе въ «Комитетъ о раненыхъ» объ отдачѣ ему въ аренду изданія «Русскаго Инвалида», обязуясь платить вдвое противъ того, что получается отъ Воейкова. Друзья Воейкова и особенно Жуковскій пришли въ негодованіе отъ такого «поступка» со стороны Булгарина и, благодаря ихъ настояніямъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего предложенія.

не дружба къ тебѣ, побуждало меня говорить Н. И. Гречу рѣзкія и вѣрно непріятныя для него истины [1]); что заставляло меня говорить ихъ тебѣ самому, какъ не желаніе тебѣ добра? И ты смѣлъ сказать, что мы закормлены обѣдами Воейкова, тогда какъ я у него въ продолженіе года былъ только два раза. Послѣ всего этого, ты самъ видишь, что намъ должно разстаться. Благодарю тебя за преподанный урокъ; я молодъ—но сіе можетъ послужить мнѣ на предыдущее время въ пользу, и прошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями.

(На оборотѣ черноваго подлинника этого письма набросаны строфы изъ оды „Гражданское мужество", нап. въ I т. соб. соч. Рылѣева, 175—6 стр.).

Письмо Булгарина.—Любезный Кондратій Өедоровичъ! Я вчера погорячился, но ты самъ подалъ къ тому поводъ. Долгъ дружбы велитъ совѣтовать наединѣ, а молчать въ свѣтѣ. Разрывъ дружбы знаменуется явными жалобами и нареканіями; а ты, въ укоръ мнѣ и Гречу, сказалъ, что мой поступокъ подлъ, и что Гречъ первая причина. Этого не позволяетъ говорить ни дружба, ни родство. Ты воленъ разорвать со мною всякую связь, а я долгомъ поставлю объявить тебѣ: 1-е, что если ты полагаешь, что я тебя обидѣлъ, то прошу у тебя прощенія (не изъ трусости, ибо я никого, нигдѣ и ни въ чемъ не струсилъ и не струшу, исключая тѣхъ, которые имѣютъ у себя 300.000 войска), но изъ любви моей къ тебѣ; ибо хоть ты будешь меня ненавидѣть, а я всегда скажу, что ты честный и благородный и добрый человѣкъ, котораго я сердечно любилъ и люблю; 2-е, я тебя никогда не поставлю на одну доску съ Воейковымъ и вонючимъ Сленинымъ, отъ котораго за три версты несетъ толкучимъ рынкомъ, въ которомъ нѣтъ ни совѣсти, ни деликатности на грошъ. А потому не думай, чтобы я сохранилъ противъ тебя что-нибудь въ душѣ, кромѣ уваженія; 3-е, если ты, прервавъ со мною связь, не захочешь со мною видѣться, то поручи Бестужеву отдать мнѣ статьи для процензированія Бирукову въ Полярную Звѣзду. Ему же отдамъ и мои піесы. Отпечатки отошлю въ Палату.

Прости, братъ, и помни, что ты другаго Булгарина для себя не найдешь въ жизни. Анатомируй какъ хочешь всѣхъ до единаго своихъ друзей—Булгарину все еще много останется.—Ө. Булгаринъ. Суббота, 8 сентября 1823.

---

[1]) Гречъ, какъ видно, не забылъ этихъ «истинъ», а также и риөмы въ одномъ изъ стихотвореній Рылѣева и отплатилъ ему біографическимъ очеркомъ въ своихъ мемуарахъ, вполнѣ достойнымъ Греча.

4.

Петербургъ. (Между 14 и 26 марта 1825).

Любезный Ѳаддей Венедиктовичъ. Читалъ твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставалъ и вѣрно не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу; я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это—не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой припишешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредитъ мнѣ: я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло. Рылѣевъ.

Слышу, что сужденіе о „Думахъ“ тобою уже написано и что ты ими не совсѣмъ доволенъ, особенно предисловіемъ. Въ такомъ случаѣ съ Богомъ: печатай и ради Бога ничего не перемѣняй, если не хочешь оскорбить меня.

Вверху письма написано рукою Булгарина: Письмо сіе расцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать—а я понимаю истинно — Булгаринъ.

Отвѣтъ на томъ же Рылѣева: Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ. Письмо—твое и должно остаться у тебя. Рылѣевъ. Прежде нежели увидишь меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ, можетъ быть, сегодня будетъ у тебя.

НЕИЗВѢСТНОМУ.

(С.-Петербургъ. Мартъ 1825).

Исполняя твое желаніе, спѣшу увѣдомить, что общее собраніе было 18-го марта, и по обыкновенію, весьма шумное и не совсѣмъ разумное. Голосистѣе прочихъ горланили братья Лобановы, испод-

тишка — Политковскій. Дѣло шло о балансѣ, который по сіе время не подписанъ еще, потому что Крамеръ не захотѣлъ явиться для разсмотрѣнія онаго. Это рѣшено тѣмъ, чтобы упрямца вызвать посредствомъ правительства. Потомъ читали извлеченія изъ депешъ Муравьевскихъ; положено изъявить ему отъ лица общаго собранія благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ остался въ колоніяхъ еще года хоть на два. Третье дѣло было о долгѣ Болтона и компаніи, — опредѣлено остальную сумму 6000 р. и процентъ 20000 взыскать съ Крамера, какъ съ директора, выдавшаго сіи деньги въ отсутствіе одного и безъ согласія другого директора. Мордвиновъ при первомъ дѣлѣ о Крамерѣ сказалъ: „Когда онъ къ намъ невѣжливъ, такъ нечего и намъ щадить его“. Засимъ предложено было о избраніи члена совѣта, и всѣ единогласно избрали В. М. Головнина. Этому выбору я очень радъ. Знаю, что онъ упрямъ, любитъ умничать; зато онъ стоекъ передъ правительствомъ, а въ теперешнемъ положеніи компаніи это нужно. Говорятъ, что онъ за что-то меня не жалуетъ, да я не слишкомъ этимъ занимаюсь: такъ — хорошо; не такъ, — такъ... такъ я и безъ компаніи молодецъ: лишь бы она цвѣла. Послѣднее дѣло было о прибавкѣ тысячи рублей къ пенсіону Зеленского. Большинство голосовъ опредѣлило сію прибавку сдѣлать ему. Хоть онъ поистинѣ и не заслуживаетъ этого, но я хлопоталъ за него у нѣкоторыхъ акціонеровъ. Занявъ мѣсто этого старца, у меня что-то лежало на совѣсти, особливо, когда онъ жаловался. Теперь я покоенъ. Вотъ тебѣ возможно подробный отчетъ. Спасибо за письма. Спасибо, что полюбилъ Пущина; я еще отъ этого ближе къ тебѣ. Кто любитъ Пущина, тотъ уже непремѣнно самъ рѣдкій человѣкъ. Селивановскій пишетъ ко мнѣ то же, что онъ говорилъ тебѣ. Морской офицеръ привезъ къ Смирдину экземпляры, съ нимъ посланные, позже полученнымъ имъ съ почтою. Но тоска; пора объ этихъ дрязгахъ забыть. Селивановскому буду писать я первою почтою. Проси его, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ окончательный счетъ. Зачѣмъ онъ отправилъ остальные экземпляры въ контору компаніи, кто его просилъ объ этомъ? Во-первыхъ, я удаляюсь отъ всякихъ разсчетовъ денежныхъ съ компаніей; во-вторыхъ, я по сіе время не получилъ экземпляровъ и, вѣроятно, еще дней десять не получу; между тѣмъ я теряю... Опять математика! Къ чорту ее... Твой другъ К. Рылѣевъ. У Пущина твой экземпляръ „Звѣзды“. Увѣдоми, будетъ ли довольна Москва.

тиры и комедіи? Слѣдовательно, должно будетъ уничтожить и Orlando jurioso, и Гудибраса, и Puccelle, и Веръ-Вера, и Ренике-фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc, etc, etc, etc, etc... Это немного строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзіи, но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева—но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. За чемъ кусать намъ груди кормилицы нашей? потому что зубки прорѣзались?—Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ—охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! За что казнитъ, за что вѣнчаетъ? Что касается до Батюшкова уважимъ въ немъ нещастія и не созрѣвшія надежды.—Прощай поэтъ.

II.

Конецъ мая 1825 г. Михайловское.

Думаю ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать похвалу, знаки восклицанія, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою съ умыслу, не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя.

Что сказать тебѣ о Думахъ? во всѣхъ встрѣчаются стихи живыя, окончательныя строфы Петра въ Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici) описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и—нравоученіе. Національнаго, Русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ имени (исключаю Ив. Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ). Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ Герба Россіи. Древній гербъ, С. Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый орелъ, вотъ Гербъ Византійскій и принятъ у насъ во времена Іоанна III, не преждѣ. Лѣтописецъ просто говоритъ: Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.

Объ исповѣди Наливайки скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ, но и тутъ конечно наложилъ ты свою печать.

Тебѣ скучно въ Петерб., а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть. Прощай поэтъ.—Когда-то свидимся?

III.

ЧЕРНОВОЕ.

(Вторая половина іюня 1825 г. Михайловское).

Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ; и что—слава Богу? Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы; въ теченіе шести лѣтъ посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили по-дѣломъ

и по-напрасну, а далѣе... ни гугу! Почему же? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста, нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся, никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь шестисотлѣтнимъ дворянствомъ (NB мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ ибо—по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ — гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ графъ Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ есть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ есть нечего—такъ служи да не сочиняй. Милый мой! Ты—поэтъ, и я—поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

Письма къ Ѳ. Булгарину.

1.

Острогожскъ, іюня 20 дня 1821.

Вотъ уже три недѣли, какъ я пирую на Украйнѣ; пью донскія вина и обжираюсь стерлядями, а ты по сіе время не поздравилъ меня съ такимъ благополучіемъ! Ты, будучи самъ однимъ изъ главнѣйшихъ петербургскихъ гастрономовъ, для возбужденія въ своемъ пріятелѣ еще большаго аппетита, не хочешь изъ одной лѣности порадовать меня здѣсь хотя тремя строчками. . Но добро-жъ, сарматъ невѣрный, я отплачу тебѣ и ты не получишь ни сухой стерляди, ни балыка, по возвращеніи моемъ въ Питеръ, если не пришлешь ко мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ грамотокъ — сюда, въ мое счастливое уединеніе, гдѣ я такъ доволенъ, такъ блаженствую, что право не хочется и вспомнить о шумной Пальмирѣ сѣвера...

Давно мнѣ сердце говорило:
Пора, младой пѣвецъ, пора,
Оставивъ шумный градъ Петра,
Летѣть къ своей подругѣ милой,
Чтобъ оживить и духъ унылой,—
И смутный сонъ младой души,
На лонѣ нѣги и свободы
И расцвѣтающей природы.
Прогнать съ заботами въ тиши.

Насталъ желанный часъ—и съ тройкой
Извощикъ ухарской предсталъ;
Залился колокольчикъ звонкой—
И юный другъ твой поскакалъ...
Едва заставу Петрограда
Пѣвецъ унылый миновалъ,
Какъ разлилась въ душѣ отрада,
И я дышать свободнѣй сталъ,
Какъ будто вырвался изъ ада...

Теперь я на ярмаркѣ въ городѣ Острогожскѣ, въ которомъ городничимъ Григорій Николаевичъ Глинка, братъ почтеннѣйшаго Ѳедора Николаевича. Я познакомился съ нимъ еще года за два

предъ симъ. Тогда онъ былъ вдовъ, но недавно женился въ Москвѣ на одной любезной дѣвицѣ, которая весьма любитъ литературу—и я съ большимъ удовольствіемъ провожу у нихъ время.

Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ!—Не знаю чему больше удивляться, тиранству ли Іоанна, или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя— плодъ чтенія девятаго тома [1]).

Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Федоровичу въ „Сынъ Отечества". Прощай. Свидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ добрымъ людямъ, сирѣчь Н. И. Гнѣдичу, Н. И. Гречу, Барону, также Александру Ѳедоровичу [2]) и проч.... Пиши ко мнѣ на Павловскъ.—Твой другъ К. Рылѣевъ.

2.

С. Подгорная. Августа 8-го. 1821.

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ сѣверную Пальмиру. Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать не переставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
Онъ завсегда какъ червь точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники...

---

[1]) Здѣсь приведена дума: „Курбскій". [2]) А. Ѳ. Воейковъ съ половины 1820 г. до начала 1822 г. участвовалъ съ Гречемъ въ и[illegible]на Отечества".

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями напояютъ,
Былъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно ли крымскіе наѣздники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ, и дѣтей, и женъ, тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ,
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ...
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

Но полно объ этой дряни...

При семъ посылаю нѣсколько моихъ бездѣлокъ. Потрудись показать ихъ почтенному Николаю Ивановичу Гнѣдичу, и если годятся, отдай ихъ Александру Өедоровичу для „Сына Отечества“.

Прощай, я въ половинѣ сего мѣсяца выѣзжаю, но буду въ Петербургѣ не прежде половины сентября, ибо ѣду на своихъ.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ, остаюсь твой другъ К. Рылѣевъ.

3.

(Петербургъ. 7 сентября 1823 г.)

Я былъ тебѣ другомъ, Булгаринъ; не знаю, что чувствовалъ ты ко мнѣ; по крайней мѣрѣ ты также увѣрялъ меня въ своей дружбѣ—и я отъ души вѣрилъ. Какъ другъ, отдаю на твой собственный судъ, исполнилъ ли я обязанности свои. Изслѣдуй всѣ мои поступки, взвѣсь всѣ мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потомъ, по совѣсти, заслуживалъ ли я такого оскорбленія, какое ты сдѣлалъ мнѣ сегодня, сказавъ, что ты, „если бы и вздумалъ просить отъ кого-нибудь въ Петербургѣ совѣтовъ, то я былъ бы послѣдній...“ Что побудило тебя, гордецъ, къ этому, я не знаю. Знаю только то, что я истинно любилъ тебя и если когда противорѣчилъ тебѣ, то не съ тономъ холоднаго наставника, но съ горячностью нѣжной дружбы. Такъ и вчера, упрекая тебя за то, что ты скрылъ отъ меня черное свое предпріятіе противъ Воей-

кова, я говорилъ, зачѣмъ ты не сказалъ; я на колѣняхъ уговорилъ бы тебя оставить это дѣло. Скажи же, похоже ли это на совѣтъ; можно ли тѣмъ было оскорбиться, и оскорбиться до того, чтобъ наговорить мнѣ дерзостей самыхъ обидныхъ?.. Еще повторяю и прошу тебя вспомнить всѣ мои поступки, слова и мысли — и разобрать ихъ со всею строгостью. Рано ли, поздно ли, но ты или самыя послѣдствія докажутъ тебѣ справедливость мнѣній моихъ и правоту.

Въ пылу своего неблагороднаго мщенія, ты не видишь или не хочешь видѣть всей черноты своего поступка; но рано ли, но поздно ли... Извини моему пророчеству и прими его за остатокъ прежней моей дружбы и привязанности, которыя однѣ удерживаютъ меня требовать отъ тебя должнаго удовлетворенія за обиду, мнѣ сдѣланную... Ты гордишься теперь своимъ поступкомъ и радъ, что нашелъ людей, оправдывающихъ его, не вникнувшихъ въ обстоятельства дѣла, другихъ ослѣпленныхъ, какъ нынѣ и ты, мщеніемъ и враждою, и думаешь, что и всѣ, кромѣ меня, раздѣляютъ твое мнѣніе. Но узнай, какъ жестоко ты обманываешься. Не говоря о множествѣ другихъ, которыхъ ты въ душѣ своей уважаешь, В. А. Жуковскій, этотъ столь высокой нравственности человѣкъ, котораго ты любишь до обожаній — въ негодованіи отъ твоего поступка [1]). Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что ты оскорбляешь не одного Воейкова, но цѣлое семейство, въ которомъ ты былъ принятъ, какъ родной; что онъ употребитъ всѣ возможныя средства воспрепятствовать исполненію твоего желанія и что если ты и успѣешь, то не иначе, какъ съ утратою чести! Вотъ, Булгаринъ, какого ты человѣка тронулъ. Скажи же теперь, справедливы ли мои опасенія? Удаляя отъ себя людей, въ которыхъ, по собственному сознанію твоему, ты болѣе всѣхъ былъ увѣренъ—скажи, на кого ты надѣешься, въ чью дружбу увѣровалъ? Что иное, какъ

---

1) Сколько можно догадываться, вся эта исторія вышла изъ-за того, что Воейковъ, поссорившись съ Гречемъ и оставивъ сотрудничество въ «Сынѣ Отечества», получилъ «доходное» редакторство «Русскаго Инвалида», благодаря хлопотамъ Жуковскаго, на племянницѣ котораго былъ женатъ. Чтобъ уязвить Греча, онъ однажды напечаталъ въ «Инвалидѣ», что на «Сынѣ Отечества» только 750 подписчиковъ, а на «Русскій Инвалидъ» 1700. Булгаринъ тотчасъ же воспользовался этимъ и подалъ прошеніе въ «Комитетъ о раненыхъ» объ отдачѣ ему въ аренду изданія «Русскаго Инвалида», обязуясь платить вдвое противъ того, что получается отъ Воейкова. Друзья Воейкова и особенно Жуковскій пришли въ негодованіе отъ такого «поступка» со стороны Булгарина и, благодаря ихъ настояніямъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего предложенія.

не дружба къ тебѣ, побуждало меня говорить Н. И. Гречу рѣзкія и вѣрно непріятныя для него истины [1]); что заставляло меня говорить ихъ тебѣ самому, какъ не желаніе тебѣ добра? И ты смѣлъ сказать, что мы закормлены обѣдами Воейкова, тогда какъ я у него въ продолженіе года былъ только два раза. Послѣ всего этого, ты самъ видишь, что намъ должно разстаться. Благодарю тебя за преподанный урокъ; я молодъ—но сіе можетъ послужить мнѣ на предыдущее время въ пользу, и прошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями.

(На оборотѣ черноваго подлинника этого письма набросаны строфы изъ оды „Гражданское мужество", нап. въ I т. соб. соч. Рылѣева, 175—6 стр.).

Письмо Булгарина.—Любезный Кондратій Өедоровичъ! Я вчера погорячился, но ты самъ подалъ къ тому поводъ. Долгъ дружбы велитъ совѣтовать наединѣ, а молчать въ свѣтѣ. Разрывъ дружбы знаменуется явными жалобами и нареканіями; а ты, въ укоръ мнѣ и Гречу, сказалъ, что мой поступокъ подлъ, и что Гречъ первая причина. Этого не позволяетъ говорить ни дружба, ни родство. Ты воленъ разорвать со мною всякую связь, а я долгомъ поставлю объявить тебѣ: 1-е, что если ты полагаешь, что я тебя обидѣлъ, то прошу у тебя прощенія (не изъ трусости, ибо я никого, нигдѣ и ни въ чемъ не струсилъ и не струшу, исключая тѣхъ, которые имѣютъ у себя 300.000 войска), но изъ любви моей къ тебѣ; ибо хоть ты будешь меня ненавидѣть, а я всегда скажу, что ты честный и благородный и добрый человѣкъ, котораго я сердечно любилъ и люблю; 2-е, я тебя никогда не поставлю на одну доску съ Воейковымъ и вонючимъ Сленинымъ, отъ котораго за три версты несетъ толкучимъ рынкомъ, въ которомъ нѣтъ ни совѣсти, ни деликатности на грошъ. А потому не думай, чтобы я сохранилъ противъ тебя что-нибудь въ душѣ, кромѣ уваженія; 3-е, если ты, прервавъ со мною связь, не захочешь со мною видѣться, то поручи Бестужеву отдать мнѣ статьи для процензированія Бирукову въ Полярную Звѣзду. Ему же отдамъ и мои піесы. Отпечатки отошлю въ Палату.

Прости, братъ, и помни, что ты другаго Булгарина для себя не найдешь въ жизни. Анатомируй какъ хочешь всѣхъ до единаго своихъ друзей—Булгарину все еще много останется.—Ө. Булгаринъ. Суббота, 8 сентября 1823.

---

[1]) Гречъ, какъ видно, не забылъ этихъ «истинъ», а также и риѳмы въ одномъ изъ стихотвореній Рылѣева и отплатилъ ему біографическимъ очеркомъ въ своихъ мемуарахъ, вполнѣ достойнымъ Греча.

4.

Петербургъ. (Между 14 и 26 марта 1825).

Любезный Θаддей Венедиктовичъ. Читалъ твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставалъ и вѣрно не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу; я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это—не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой припишешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредитъ мнѣ: я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло. Рылѣевъ.

Слышу, что сужденіе о „Думахъ“ тобою уже написано и что ты ими не совсѣмъ доволенъ, особенно предисловіемъ. Въ такомъ случаѣ съ Богомъ: печатай и ради Бога ничего не перемѣняй, если не хочешь оскорбить меня.

Вверху письма написано рукою Булгарина: Письмо сіе расцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать—а я понимаю истинно — Булгаринъ.

Отвѣтъ на томъ же Рылѣева: Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ. Письмо—твое и должно остаться у тебя. Рылѣевъ. Прежде нежели увидишь меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ, можетъ быть, сегодня будетъ у тебя.

НЕИЗВѢСТНОМУ.

(С.-Петербургъ. Мартъ 1825).

Исполняя твое желаніе, спѣшу увѣдомить, что общее собраніе было 18-го марта, и по обыкновенію, весьма шумное и не совсѣмъ разумное. Голосистѣе прочихъ горланили братья Лобановы, испод-

тишка — Политковскій. Дѣло шло о балансѣ, который по сіе время не подписанъ еще, потому что Крамеръ не захотѣлъ явиться для разсмотрѣнія онаго. Это рѣшено тѣмъ, чтобы упрямца вызвать посредствомъ правительства. Потомъ читали извлеченія изъ депешъ Муравьевскихъ; положено изъявить ему отъ лица общаго собранія благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ остался въ колоніяхъ еще года хоть на два. Третье дѣло было о долгѣ Болтона и компаніи, — опредѣлено остальную сумму 6000 р. и процентъ 20000 взыскать съ Крамера, какъ съ директора, выдавшаго сіи деньги въ отсутствіе одного и безъ согласія другого директора. Мордвиновъ при первомъ дѣлѣ о Крамерѣ сказалъ: „Когда онъ къ намъ невѣжливъ, такъ нечего и намъ щадить его". Засимъ предложено было о избраніи члена совѣта, и всѣ единогласно избрали В. М. Головнина. Этому выбору я очень радъ. Знаю, что онъ упрямъ, любитъ умничать; зато онъ стоекъ передъ правительствомъ, а въ теперешнемъ положеніи компаніи это нужно. Говорятъ, что онъ за что-то меня не жалуетъ, да я не слишкомъ этимъ занимаюсь: такъ — хорошо; не такъ, — такъ... такъ я и безъ компаніи молодецъ: лишь бы она цвѣла. Послѣднее дѣло было о прибавкѣ тысячи рублей къ пенсіону Зеленского. Большинство голосовъ опредѣлило сію прибавку сдѣлать ему. Хоть онъ поистинѣ и не заслуживаетъ этого, но я хлопоталъ за него у нѣкоторыхъ акціонеровъ. Занявъ мѣсто этого старца, у меня что-то лежало на совѣсти, особливо, когда онъ жаловался. Теперь я покоенъ. Вотъ тебѣ возможно подробный отчетъ. Спасибо за письма. Спасибо, что полюбилъ Пущина; я еще отъ этого ближе къ тебѣ. Кто любитъ Пущина, тотъ уже непремѣнно самъ рѣдкій человѣкъ. Селивановскій пишетъ ко мнѣ то же, что онъ говорилъ тебѣ. Морской офицеръ привезъ къ Смирдину экземпляры, съ нимъ посланные, позже полученнымъ имъ съ почтою. Но тоска; пора объ этихъ дрязгахъ забыть. Селивановскому буду писать я первою почтою. Проси его, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ окончательный счетъ. Зачѣмъ онъ отправилъ остальные экземпляры въ контору компаніи, кто его просилъ объ этомъ? Во-первыхъ, я удаляюсь отъ всякихъ разсчетовъ денежныхъ съ компаніей; во-вторыхъ, я по сіе время не получилъ экземпляровъ и, вѣроятно, еще дней десять не получу; между тѣмъ я теряю... Опять математика! Къ чорту ее... Твой другъ К. Рылѣевъ. У Пущина твой экземпляръ „Звѣзды". Увѣдоми, будетъ ли довольна Москва.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ ПАРИЖА.

1.

Изъ 3-го письма, отъ 18 сентября 1815.

Сегодня день моего рожденья. Прошлаго года провелъ я оный въ Дрезденѣ—и могъ ли воображать тогда черезъ годъ праздновать его въ Парижѣ? Вотъ, другъ мой, каковы нынѣшнія обстоятельства: сегодня здѣсь, а завтра—Богъ вѣсть! Помнишь ли, какъ мы читали историческія описанія славныхъ вѣковъ Рима и древней Греціи? Это басни! восклицалъ ты часто. Сообрази же теперешніе случаи съ тогдашними — и ты увидишь, что происшествія нашихъ временъ болѣе достойны удивленія, болѣе невѣроятны, нежели всѣ, дотолѣ въ мірѣ случившіяся, и ежели мы не вѣримъ чрезвычайнымъ событіямъ лѣтъ прошедшихъ, то, не знаю, какъ повѣрятъ потомки наши происшествіямъ, которыя происходили при глазахъ нашихъ. И какъ повѣрить, что одинъ ничтожный смертный былъ причиною столь ужаснѣйшихъ политическихъ переворотовъ! Какъ повѣрить, что въ продолженіе не болѣе какъ десяти лѣтъ возраждалось и упало до десяти государствъ, возстановлялось и низвергалось нѣсколько монарховъ, и все по прихотямъ одного человѣка. Какъ, наконецъ, повѣрить, что сей самый человѣкъ неоднократно повелѣвавшій судьбою, самъ подпалъ подъ остріе косы сей владычицы міра!..

2.

Изъ 4-го письма, отъ 19 сентября 1815.

...Наши союзники надменностію и жескокостію своею скоро выведутъ изъ терпѣнія народъ, въ сердцахъ котораго еще съ прежнею горячностью кипитъ любовь къ независимости и къ славѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ одному происшествію.

Прусаки поставили въ саду Пале-Рояль караулъ. Солдаты стали обижать проходящихъ. Обиженный закричалъ и въ минуту сбѣжалось до 200 французовъ. Прусскій офицеръ велѣлъ примкнуть штыки и пошелъ разгонять народъ. Безоружная толпа сія разбѣжалась, но черезъ минуту собралась еще въ большемъ количествѣ. Офицеръ не переставалъ храбриться, но надъ нимъ смѣялись; народъ скоплялся; лавки запирали. Пришелъ патруль парижской національной гвардіи и немного спустя отрядъ англичанъ. Тогда ужъ ихъ выгнали изъ сада.

Въ это время произошелъ у меня съ французскимъ офицеромъ слѣдующій разговоръ. „Мы покойны, сколько можемъ, сказалъ онъ, но союзники ваши скоро насъ выведутъ изъ терпѣнія. Мы французы, мы съ чувствами!“—Я русскій, и вы напрасно говорите мнѣ.—„За тѣмъ-то я и говорю, что вы русскій. Я говорю другу, ибо ваши офицеры, ваши солдаты такъ обходятся съ нами. Вашъ Александръ покровитель намъ; онъ нашъ благодѣтель, но союзники его—кровопійцы! Чего они хотятъ отъ насъ? Развѣ они еще недовольны бѣдствіями Франціи, что ругаются надъ священнѣйшимъ сокровищемъ нашимъ — честью! Кто мы? Рабы что ли ваши?.. По жребію оружія мы побѣждены, но были нѣкогда и мы побѣдителями, а раздражали ли народъ подобными обидами?..“—Полно, полно, прошу васъ! мы не виноваты; мы русскіе—друзья ваши!.. Я поцаловался съ нимъ. Сей сценѣ были свидѣтелями многіе французы. Чувства ихъ были одинаковы. Они громко проклинали прусаковъ. Я спѣшилъ удалиться.

А. А. Дельвигу.

5 октября 1825.

Потомку тевтоновъ, сладостно поющему на русскій ладъ и мило на ладъ древнихъ грековъ, не поэтъ, а гражданинъ желаетъ здоровія, благоденствія и силы духа, лѣнь побороающей! Вмѣстѣ съ симъ увѣдомляетъ онъ о полученіи 500 р., этой прозаической потребности, которая и поэта и гражданина мучитъ только тогда, когда нечего ѣсть. Сего со мною не было, и потому гражданинъ Рылѣевъ не помнилъ о долгѣ поэта Баратынскаго.

Е. А. Баратынскому.

С.-Петербургъ. 6 сентября 1822.

Милый Парни! Сатиры твоей не пропускаетъ Бируковъ. На дняхъ я пришлю ее къ тебѣ съ замѣчаніями, которыя, впрочемъ, легко выправить. Жаль только, что мы не успѣемъ ее помѣстить въ Звѣздѣ, въ которую взяли мы Римъ, Къ Хлоѣ и Признаніе; въ сей послѣдней не пропущено слово небеснаго огня. Дельвигъ поставилъ прекраснаго. Нѣтъ ли чего новенькаго? Ради Бога присылай. Трехъ новыхъ піесъ Пушкина не пропустили. Въ слѣдующемъ письмѣ пришлю къ тебѣ списки съ нихъ. Въ одномъ посланіи онъ говоритъ:

Прошелъ веселый жизни праздникъ!
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
Нельзя ль найти подруги нѣжной,
Нельзя ль найти любви надежной,—
И ничего не нахожу.

Усердный твой читатель и почитатель К. Рылѣевъ.

ЮЛІАНУ-УРЗИНУ НѢМЦЕВИЧУ.

С.-Петербургъ. Января 1823.

Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно; оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ, но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ, — и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершонныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастію всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависитъ не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденія,—и славныя имена Костюшки, Колонтая, Малаховскаго, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, не смотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро созрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣшьтесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы, подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество...

Прошу милостиво принять увѣреніе въ высокомъ уваженіи и почитаніи, съ которымъ имѣю честь оставаться вашъ, милостивый государь, нижайшій слуга.

P. S. Отсутствіе мое изъ Петербурга причиной тому, что я такъ долго былъ лишенъ счастья получить ваше письмо (отъ 30-го октября) и отвѣчать на него.

Письмо это было слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь!

„Я имѣлъ честь получить письмо ваше съ приложеннымъ отличнымъ переводомъ *Думы Глинскаго*. Честь, оказанная моимъ слабымъ риѳмамъ переводомъ оныхъ, и похвальныя выраженія ваши возбуждаютъ во мнѣ наиживѣйшую благопризнательность. Лестно для меня находить въ едино племенномъ народѣ сердца и намѣренія, которыя побѣждаютъ всѣ предубѣжденія и предразсудки, посвящаясь внукамъ и славѣ отечества. Достойные товарищи ваши и вы, милостивый государь, сами имѣете открытое поле для прославленія въ радостныхъ и поэтическихъ пѣсняхъ. Вы суть сыны обширнѣйшаго на земномъ шарѣ государства; первые въ могуществѣ и силѣ, вы можете свѣту повелѣвать, а я, житель совершенно исчезнувшаго королевства, по теченію жизни моей, встрѣтившей только огорченія и обманчивыя упованія, нахожу единственно въ протекшихъ вѣкахъ похвальныя, но нынѣ печальныя напоминанія. Послѣдуйте по мнѣ, мужи съ вознесеннымъ челомъ, на славномъ поприщѣ вашемъ, а мнѣ, сѣдому и слабому старцу, возвѣсившему на плачевной вербѣ свою лютню, остается токмо подъ сѣнью древесъ искать защиты и ожидать послѣдняго часа: счастливъ, если передъ кончиною моею узрю озареніе спокойнаго неба на человѣческое поколѣніе.

Прошу васъ, милостиваго государя, принять пока увѣренія благородарности и высокаго уваженія, съ коими имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорный слуга.

— Юліанъ-Урзинъ Нѣмцевичъ. „Данъ въ Варшавѣ 30-го октября 1822“ [1]).

Письма къ Рылѣеву.

1. Отъ Ив. Сем. Зубковскаго.

М. Г., Кондратій Ѳедоровичъ! Письмо ваше отъ 20 іюля я имѣлъ честь получить 31 августа, на которое долгомъ моимъ поставляю увѣдомить, что все движимое имущество покойнаго родителя вашего тотчасъ послѣ его смерти по претензіи кн. Голицыной, простирающейся до 80.000 р., по опредѣленію кіев-

---

1) В. Евр. 1888 г. № 11. 201—2 стр.

скаго повѣтоваго суда, за учиненіемъ описи и оцѣнки, взято въ секвестръ, и къ оному, до окончанія дѣлаемаго тѣмъ судомъ противъ бумагъ у покойнаго найденнымъ и отъ стороны Голицыной представленнымъ разсчета и рѣшенія дѣла, опредѣлены опекунами: дядюшка вашъ Михайло Николаевичъ и по его уже желанію и я къ нему въ помощь. Изъ числа заарестованнаго имѣнія платье, бѣлье и лошади, по причинѣ, что первое подвержено тлѣнію, а лошади требовали присмотра и содержанія, по опредѣленію повѣтоваго суда проданы съ аукціона и вырученныя деньги отданы въ ростъ; прочія жъ вещи, не подверженныя порчѣ, остаются въ цѣлости и хранятся въ моемъ домѣ.

Дѣло покойнаго родителя вашего весьма критическое, и сомнительно, чтобы оное кончилось въ вашу пользу; но такъ какъ предъявившая въ судѣ свою претензію кн. Голицына умерла, а остались наслѣдники ея сыновья, пять братьевъ князей Голициныхъ, по моему мнѣнію весьма бы хорошо было, ежели бы вы нашли какое средство отозваться письменно отъ себя, чрезъ посредство благодѣтелей вашихъ, къ старѣйшему изъ князей, кн. Ѳедору Сергѣевичу, который женатъ на княгинѣ Прозоровской, представивъ ему на уваженіе, что вы совсѣмъ не причиною тому, ежели покойный родитель вашъ дѣйствительно сдѣлалъ во время управленія его имѣніями какой убытокъ, да и претензія ихъ такъ велика, что оставшимся по покойномъ малымъ имуществомъ и десятой доли пополнить не можно, ежели они лишаются девяти, то все равно для ихъ состоянія, что и десятая доля останется не пополненною, а оная для вашего бѣднаго состоянія и на службѣ пребыванія была бъ великою помощію. А потому и просите его убѣдительно, чтобы онъ, по великодушію своему и изъ уваженія на сиротство ваше, приказалъ заведенною матерью его объ отчетѣ за управленіе покойнымъ батюшкою вашимъ ихъ деревнями дѣло уничтожить и при-арестованное имущество и деньги отдать вамъ. Вотъ вамъ искренній мой совѣтъ, которому послѣдовать зависитъ отъ воли вашей, а я съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ пребуду, М. Г., вашимъ покорнѣйшимъ слугой Иванъ Зубковскій.

Сентября 3-го, 1816 г. Кіевъ.

---

2. Отъ П. А. Муханова [1]).

13 Апрѣля (1824).

Ты привыкъ получать отъ меня письма объ дѣлахъ твоихъ, но на сей разъ не ожидай ничего новаго. Дѣла твои въ томъ же видѣ, потому что Могилянскаго нѣтъ въ городѣ.—Войнаровскій, твой почтенный дитятко, попалъ къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ; онъ побывалъ у всѣхъ здѣшнихъ любителей стиховъ и съѣздилъ въ Одессу [2]). Я тебѣ говорю объ отрывкахъ, которые завезены сюда, не знаю кѣмъ. Я весьма сожалѣю, что ты не считаешь меня достойнымъ познакомиться съ твоимъ сыномъ, но я не пропустилъ случая сего сдѣлать.—Войнаровскій твой отлично хорошъ. Я читалъ его М. Орлову, который имъ любовался; Пушкинъ тоже, и тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить. Вы, жители Петербурга, со всякимъ днемъ становитесь лѣнивѣе. Если ты позволишь сказать тебѣ то, что югозападные русскіе литераторы говорятъ о твоемъ дитяткѣ, то слушай хладнокровно и меня не брани, ибо я то говорю, что подслушалъ.

1. Описаніе Якутска хорошо, но слишкомъ коротко. Видно, что ты боялся его растянуть, мѣжду тѣмъ какъ эпизодъ сей, новостью предметовъ, былъ бы очень оригиналенъ. Представя разительно Сибирь, ты бы написалъ картину новую совершенно.

2. Описаніе охоты Войнаровскаго должно быть тоже нѣсколько пространнѣе, ибо ты можешь изобразить дикую природу, занятіе ссыльныхъ и жителей, которые проводятъ свои дни съ звѣрями, и тѣмъ болѣе выказать родъ жизни Войнаровскаго. Тогда прекрасное описаніе бѣга оленя будетъ болѣе кстати. Теперь онъ кажется выведеннымъ на сцену какъ бы нарочно, чтобы заставить познакомиться Миллера съ Войнаровскимъ.

3. Пушкинъ находитъ строфу „и въ плащъ широкій завернулся „единственною, выражающею совершенное познаніе сердца человѣческаго и бореніе великой души съ несчастьемъ. Но разсказъ плѣнныхъ, самъ по себѣ будучи очень удаченъ, требовалъ бы нѣкотораго введенія, ибо „я изъ Батурина недавно“ могло бы

---

1) Подпись на письмѣ неразборчива, но есть основаніе предполагать, что оно писано изъ Кіева Петромъ Александровичемъ Мухановымъ, впослѣдствіи тоже бывшимъ въ числѣ осужденныхъ по дѣлу 14 декабря.

2) Вѣроятно возилъ авторъ письма, на что указываютъ приводимые имъ ниже разговоры съ Пушкинымъ, который тогда былъ въ Одессѣ.

быть предшествуемо описаніемъ плѣнныхъ и, сверхъ этого, представить картину людей, толпящихся узнать о своемъ отечествѣ.— Стихъ „дивились мы его уму“ очень не хорошъ, ибо можно было дивиться его характеру, духу и пр., а не уму. Вообще находятъ въ твоей поэмѣ много чувства, пылкости. Портретъ Войнаровскаго прекрасенъ. Все это шевелитъ душу; но много нагихъ мѣстъ, которыя ты долженъ бы украсить описаніемъ мѣстности. Орловъ говоритъ, что, соединивъ высокія твои чувства съ романтизмомъ, ты бы чрезвычайно украсилъ свою поэму. „Онъ вѣрно боялся растянуть дѣйствіе, но эпизоды въ модѣ. Съ его сильнымъ чувствомъ можно бы оригинальными красками представить картину земли изгнанья“.

Вотъ, любезный другъ, что я подслушалъ. Да откровенность моя не разсердитъ тебя: дитя моего друга и для меня должно быть очень мило, тѣмъ болѣе, что я съ живымъ удовольствіемъ слушалъ всѣ похвалы ему. Надѣюсь, что къ новому году, а можетъ быть и ранѣе, мы будемъ читать не краденые списки, но печатную книжку.—Изъ „Литературныхъ Прибавленій“ Булгарина я вижу, что ты Баратынскаго печатаешь [1]) поздравляю тебя съ сей покупкой. Постарайся сдѣлать хорошее изданіе, ибо я надѣюсь пріобрѣсти элегіи и мелкія стихотворенія А. Пушкина и буду просить тебя наблюдать за печатаніемъ оныхъ—подъ одну форму съ Баратынскимъ. Не выдавай секрета; жду изъ Одессы рѣшительнаго отвѣта по сей почтѣ.

У меня есть начало „Разбойниковъ“ и первая пѣснь „Вадима“; прислалъ бы тебѣ, но авторъ ихъ назначилъ къ истребленію и поэтому не хочетъ, чтобы ходили по рукамъ и даже говорили объ оныхъ. Но, зная твою аккуратность, можетъ быть, сдамся, получа убѣжденіе въ сохраненіи ихъ въ тайнѣ. Будь здоровъ и покоенъ.

3. Отъ О. М. Сомова.

Ноября 11 дня, 1824 г. С.-Петербургъ.

Успѣваю только сказать тебѣ, почтенный и любезнѣйшій другъ, Кондратій Өедоровичъ, нѣсколько словъ о случившемся

---

[1]) Въ «Литературныхъ Листкахъ» Ө. Булгарина на 1824 г. (ч. I, № 5, стр. 194) въ числѣ литературныхъ новостей заявлено, что «К. Ө. Рылѣевъ, съ позволенія автора, вознамѣрился издать» сочиненія Е. А. Баратынскаго и что это будетъ «истиннымъ подаркомъ для просвѣщенной публики». Изданіе не состоялось въ то время и книжка стиховъ Баратынскаго появилась только въ 1827 г.

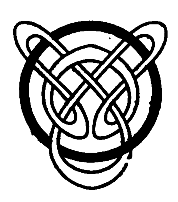
здѣсь всеобщемъ бѣдствіи. Александръ взялся извѣстить тебя о собственно твоихъ потеряхъ; я буду молчать о моихъ, а скажу тебѣ вообще, что галерная гавань почти не существуетъ. По петергофской дорогѣ деревни: Емельяновка, Екатеринговъ, Афтова и пр. разрушены; селеніе литейночугуннаго завода также. Вообще по той дорогѣ считаютъ до 600 человѣкъ утопшими, а въ городѣ донынѣ уже отыскано болѣе 1500 тѣлъ. Невскіе острова и прилежащія къ нимъ деревни перековерканы; Кронштадтъ также ужасно пострадалъ. Вода такъ быстро прибывала, что мой человѣкъ успѣлъ побѣжать изъ комнатъ въ главное управленіе и спросилъ у меня: что дѣлать? то по возвращеніи насилу могъ войти въ комнату и кое-что положить на шкафы, какъ уже вода поднялась до оконъ. За то книги, книги.... Но я очень спокойно сносилъ бѣду и страдалъ не за себя. Александръ насилу вырвался изъ твоихъ комнатъ, гдѣ все убиралъ, и прибѣжалъ ко мнѣ наверхъ почти по колѣна въ водѣ. Компанія сама по себѣ очень мало потеряла... Бѣдный нашъ Корниловичъ пострадалъ съ своей „Стариной", печатаемой у Гюета, за то и „Сѣверные Цвѣты" подмокли въ луковицахъ и вѣроятно не скоро разцвѣтутъ. Александръ говоритъ, что они вѣроятно были прежде очень сухи, а теперь слишкомъ водяны.—На сей же недѣли получишь ты свои книги и тетради, которыя только-что въ воскресенье получены мною отъ Корниловича. Онъ, какъ кажется, отдавалъ кому-то читать. Не можешь вообразить себѣ общаго бѣдствія, запустѣнія, неопрятности, безпорядка и зловонія: Cela soulevait le coeur, какъ сказалъ бы французъ. Первый вечеръ городъ не былъ освѣщенъ: вездѣ разбило и сбросило фонари. Мы пріютились всѣ въ главномъ правленіи... Всѣ жившіе въ нижнихъ этажахъ очень пострадали.

4. Отъ него же.

Ноября 25 дня, 1824 г. С.-Петербургъ.

По общему совѣту съ Александромъ мы положили, что если и пошлемъ къ тебѣ Исторіи Малороссіи и Войнаровскаго, то вѣроятно они не могутъ дойти прежде твоего отъѣзда изъ Воронежа и потому определили: означенныхъ книгъ къ тебѣ не посылать, а нетерпѣливо ждать твоего сюда пріѣзда. Онъ по многимъ отношеніямъ необходимъ для Компаніи, по сближающемуся времени отправленія депешъ и промышленниковъ въ Америку;

а для насъ, чтобы ты самъ распорядился нужными въ квартирѣ твоей поправками послѣ наводненія. Нѣкоторыя уже сдѣланы: печи исправлены, нѣкоторыя мебели по возможности приведены въ порядокъ; а за книгами имѣетъ хожденіе самъ Александръ. Я до сихъ поръ живу подъ гостепріимнымъ твоимъ кровомъ... Книги мои всѣ грѣются у печей; кромѣ шести, плававшихъ на столѣ и потому не подмокшихъ, всѣ прочія, кажется, вышли изъ библіотеки наядъ... М. Кюхельбекеръ возвратился на „Аполлонѣ" изъ колоній нашихъ и донельзя хвалитъ Муравьева, Хлѣбникова и др. Нашъ Кутуз. въ горѣ: Ѳ. П. Уваровъ умеръ и онъ не знаетъ еще останется ли при мѣстѣ... Оба наши деректоры, а также и Кусовъ когда бываетъ, безпрестанно о тебѣ спрашиваютъ и ждутъ нетерпѣливо твоего возврата. Александръ тебѣ кланяется. Онъ теперь ополчается на Воейкова всею силою драгунской своей полемики за переводъ „Осады Коринѳа", Байрона. Съ И. В. Прокофьевымъ мы очень дружны: я и Александръ обѣдаемъ у него довольно часто, и находимъ тамъ Булгарина, Греча, Батенькова и пр. и пр., вообще довольно много нашихъ знакомыхъ...

ИЗЪ ПОКАЗАНІЙ К. Ѳ. РЫЛѢЕВА[1].

1826 года 24 апрѣля, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета, отставной подпоручикъ Рылѣевъ въ пополненіе его прежнихъ показаній спрашиванъ:

1.

а) Точно ли вы и означенные члены, а также, кто еще сверхъ оныхъ, приняли мнѣніе Южнаго общества о введеніи республиканскаго правленія съ истребленіемъ всей Императорской фамиліи?

б) Когда, гдѣ и кѣмъ сдѣлано было первое о томъ предложеніе?

в) Кто и когда находился при семъ предложеніи, кто совершенно принялъ оное и кто оставался противнаго мнѣнія?

При васъ Митьковъ и Валеріанъ Голицынъ говорили: *всѣхъ до корня истребить?* или отъ кого вамъ сіе было извѣстно?

г) Когда, гдѣ и какимъ образомъ предполагалось произвести покушеніе на жизнь Августѣйшей фамиліи?

д) По совершеніи убійства, какимъ образомъ полагалось приступить къ революціи и основанію республиканскаго правленія, и точно ли директоры общества надѣялись удержать за собою постоянную власть въ республикѣ?

е) Рѣшительно принятое мнѣніе о введеніи республиканскаго правленія и истребленія Императорской фамиліи, было ли положено сообщить всѣмъ членамъ, а также и вновь принимаемымъ, и требовать на то ихъ согласія? Было ли сіе исполнено: кто и когда именно сообщилъ о томъ и кто былъ согласенъ съ онымъ?

ж) Что именно и отъ кого вамъ извѣстно было о составленіи означенной партіи подъ начальствомъ Лунина? На чемъ была основана увѣренность общества, что онъ приметъ сіе на-

---

[1]) Изъ вопросовъ, предъявленныхъ Рылѣеву, здѣсь приводятся только касающіеся его самого.

чальство; кого имѣли въ виду для составленія сей партіи; гдѣ и какимъ образомъ полагалось исполнить сіе назначеніе?

з) Какого вы были мнѣнія о введеніи республиканскаго правленія посредствомъ временнаго правленія и изданія вышесказанныхъ манифестовъ и кто именно изъ директоровъ назначался во временное правительство?

Отвѣтъ. Въ общество принятъ я въ началѣ 1823 года; въ члены же Думы поступилъ въ началѣ прошлаго 1825 года предъ отъѣздомъ князя Трубецкого въ Кіевъ.

Изъ пріѣзжавшихъ сюда членовъ Южнаго общества я зналъ только *Поджіо*, *Матвѣя Муравьева-Апостола* и *Пестеля*. Князя Волконскаго, князя Барятинскаго, Швейковскаго и Давыдова не только не зналъ и не видѣлъ, но ни о пріѣздѣ ихъ сюда, ни даже о принадлежности ихъ къ Южному обществу никогда ни отъ кого не слышалъ. Равно положительно мнѣ не было извѣстно намѣреніе Южнаго общества ввести въ Россіи республиканское правленіе съ истребленіемъ покойнаго Государя и всей Царствующей фамиліи. Можетъ быть, объ этомъ говорено было до вступленія моего въ общество, или на тѣхъ совѣщаніяхъ, въ коихъ я не участвовалъ. По пріѣздѣ сюда Пестеля мнѣ объявили только, что онъ присланъ сюда съ порученіемъ соединить Южное общество съ Сѣвернымъ, объ чемъ и было разъ у меня совѣщаніе, на которомъ находились Николай Тургеневъ, Митьковъ, Трубецкой, Муравьевъ, Оболенскій, и, кажется, еще Пущинъ. Въ семъ совѣщаніи полагали, что соединеніе и полезно, и необходимо, и поручили членамъ Думы произвести окончательные переговоры по сему съ Пестелемъ. Главнымъ препятствіемъ соединенію общества Трубецкой предполагалъ конституцію Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю потому, что она въ духѣ своемъ была совершенно противоположна образу мыслей и конституціи, составленной самимъ Пестелемъ. При чемъ я сказалъ, что въ этомъ находить препятствіе есть знакъ самолюбія, что, по моему мнѣнію, мы въ правѣ только разрушить то правленіе, которое почитаемъ неудобнымъ для своего отечества, и потомъ тотъ государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ. Насильное же введеніе онаго я почиталъ нарушеніемъ правъ народа. Съ симъ мнѣніемъ были тогда всѣ согласны.

О намѣреніи составить особую партію, подъ названіемъ: une cohorte perdue, для истребленія Императорской фамиліи, при мнѣ также никогда не было говорено, и о томъ и часто никогда я не слышалъ ни отъ кого.

Во время совѣщанія, бывшаго у меня о соединеніи обществъ, Трубецкой говорилъ также, что Пестель требуетъ настоятельно, дабы введеніе новаго порядка вещей произвесть черезъ временное правленіе, и чтобы въ оное назначить директоровъ общества. Это, и прежній разговоръ мой съ Пестелемъ заставили меня объявить свое на него подозрѣніе. При чемъ сказалъ я, что Пестель человѣкъ опасный для Россіи и для видовъ общества, и что и поэтому даже соединеніе обществъ необходимо, дабы не выпускать его изъ виду и знать всѣ его движенія. Съ этимъ также были согласны всѣ. Несмотря на то, соединеніе общества не послѣдовало потому, что члены Думы стали подозрѣвать Пестеля въ честолюбивыхъ замыслахъ, а также почитали необходимымъ до соединенія освѣдомиться обстоятельнѣе о силахъ и настоящей цѣли Южнаго общества. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ было сказано прежде Оболенскимъ, когда я упрекалъ его въ неисполненіи порученности общества, и потомъ Трубецкимъ.

Митьковъ и Валеріанъ Голицынъ не говорили при мнѣ: *всѣхъ до корня истребить*, и я ни отъ кого о томъ не слышалъ. Валеріана Голицына я никогда не встрѣчалъ на совѣщаніяхъ общества, а разъ видѣлъ его у Оболенскаго; но и тогда мы не открылись другъ другу.

Когда, гдѣ и какимъ образомъ предполагалось произвести покушеніе на жизнь Августѣйшей фамиліи, мнѣ неизвѣстно. При мнѣ о томъ не было говорено никогда, и я о томъ не слышалъ. Равно неизвѣстно мнѣ, какимъ образомъ полагалось по совершеніи убійства приступить къ революціи и основанію республиканскаго правленія, и что директоры надѣялись удержать за собою постоянную власть въ республикѣ.

Рѣшительное принятіе мнѣнія о введеніи республиканскаго правленія и истребленія Императорской фамиліи было ли сообщено членомъ общества и вновь принимаемымъ, я не знаю. Мнѣ о томъ никто не сообщалъ, а равномѣрно и я.

О составленіи партіи подъ начальствомъ Лунина, а равно и самомъ Лунинѣ я ничего не зналъ. Разъ только слышалъ я отъ Никиты Муравьева, что онъ человѣкъ рѣшительный и

Прошелъ веселый жизни праздникъ!
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
Нельзя ль найти подруги нѣжной,
Нельзя ль найти любви надежной,—
И ничего не нахожу.

Усердный твой читатель и почитатель К. Рылѣевъ.

ЮЛІАНУ-УРЗИНУ НѢМЦЕВИЧУ.

С.-Петербургъ. Января 1823.

Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно; оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ, но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ, — и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершонныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастію всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависитъ не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденія,—и славныя имена Костюшки, Колонтая, Малаховскаго, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, не смотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро созрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣшьтесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы, подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество...

Прошу милостиво принять увѣреніе въ высокомъ уваженіи и почитаніи, съ которымъ имѣю честь оставаться вашъ, милостивый государь, нижайшій слуга.

P. S. Отсутствіе мое изъ Петербурга причиной тому, что я такъ долго былъ лишенъ счастья получить ваше письмо (отъ 30-го октября) и отвѣчать на него.

Письмо это было слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь!

„Я имѣлъ честь получить письмо ваше съ приложеннымъ отличнымъ переводомъ *Думы Глинскаго*. Честь, оказанная моимъ слабымъ риѳмамъ переводомъ оныхъ, и похвальныя выраженія ваши возбуждаютъ во мнѣ наиживѣйшую благопризнательность. Лестно для меня находить въ едино племенномъ народѣ сердца и намѣренія, которыя побѣждаютъ всѣ предубѣжденія и предразсудки, посвящаясь внукамъ и славѣ отечества. Достойные товарищи ваши и вы, милостивый государь, сами имѣете открытое поле для прославленія въ радостныхъ и поэтическихъ пѣсняхъ. Вы суть сыны обширнѣйшаго на земномъ шарѣ государства; первые въ могуществѣ и силѣ, вы можете свѣту повелѣвать, а я, житель совершенно исчезнувшаго королевства, по теченію жизни моей, встрѣтившей только огорченія и обманчивыя упованія, нахожу единственно въ протекшихъ вѣкахъ похвальныя, но нынѣ печальныя напоминанія. Послѣдуйте по мнѣ, мужи съ вознесеннымъ челомъ, на славномъ поприщѣ вашемъ, а мнѣ, сѣдому и слабому старцу, возвѣсившему на плачевной вербѣ свою лютню, остается токмо подъ сѣнью древесъ искать защиты и ожидать послѣдняго часа: счастливъ, если передъ кончиною моею узрю озареніе спокойнаго неба на человѣческое поколѣніе.

Прошу васъ, милостиваго государя, принять пока увѣренія благородарности и высокаго уваженія, съ коими имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорный слуга.

— Юліанъ-Урзинъ Нѣмцевичъ. „Данъ въ Варшавѣ 30-го октября 1822“ [1]).

Письма къ Рылѣеву.

1. Отъ Ив. Сем. Зубковскаго.

М. Г., Кондратій Ѳедоровичъ! Письмо ваше отъ 20 іюля я имѣлъ честь получить 31 августа, на которое долгомъ моимъ поставляю увѣдомить, что все движимое имущество покойнаго родителя вашего тотчасъ послѣ его смерти по претензіи кн. Голицыной, простирающейся до 80.000 р., по опредѣленію кiев-

1) В. Евр. 1888 г. № 11. 201—2 стр.

скаго повѣтоваго суда, за учиненіемъ описи и оцѣнки, взято въ секвестръ, и къ оному, до окончанія дѣлаемаго тѣмъ судомъ противъ бумагъ у покойнаго найденнымъ и отъ стороны Голицыной представленнымъ разсчета и рѣшенія дѣла, опредѣлены опекунами: дядюшка вашъ Михайло Николаевичъ и по его уже желанію и я къ нему въ помощь. Изъ числа заарестованнаго имѣнія платье, бѣлье и лошади, по причинѣ, что первое подвержено тлѣнію, а лошади требовали присмотра и содержанія, по опредѣленію повѣтоваго суда проданы съ аукціона и вырученныя деньги отданы въ ростъ; прочія жъ вещи, не подверженныя порчѣ, остаются въ цѣлости и хранятся въ моемъ домѣ.

Дѣло покойнаго родителя вашего весьма критическое, и сомнительно, чтобы оное кончилось въ вашу пользу; но такъ какъ предъявившая въ судѣ свою претензію кн. Голицына умерла, а остались наслѣдники ея сыновья, пять братьевъ князей Голициныхъ, по моему мнѣнію весьма бы хорошо было, ежели бы вы нашли какое средство отозваться письменно отъ себя, чрезъ посредство благодѣтелей вашихъ, къ старѣйшему изъ князей, кн. Ѳедору Сергѣевичу, который женатъ на княгинѣ Прозоровской, представивъ ему на уваженіе, что вы совсѣмъ не причиною тому, ежели покойный родитель вашъ дѣйствительно сдѣлалъ во время управленія его имѣніями какой убытокъ, да и претензія ихъ такъ велика, что оставшимся по покойномъ малымъ имуществомъ и десятой доли пополнить не можно, ежели они лишаются девяти, то все равно для ихъ состоянія, что и десятая доля останется не пополненною, а оная для вашего бѣднаго состоянія и на службѣ пребыванія была бъ великою помощію. А потому и просите его убѣдительно, чтобы онъ, по великодушію своему и изъ уваженія на сиротство ваше, приказалъ заведенною матерью его объ отчетѣ за управленіе покойнымъ батюшкою вашимъ ихъ деревнями дѣло уничтожить и при-арестованное имущество и деньги отдать вамъ. Вотъ вамъ искренній мой совѣтъ, которому послѣдовать зависитъ отъ воли вашей, а я съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ пребуду, М. Г., вашимъ покорнѣйшимъ слугой Иванъ Зубковскій.

Сентября 3-го, 1816 г. Кіевъ.

2. Отъ П. А. Муханова [1]).

13 Апрѣля (1824).

Ты привыкъ получать отъ меня письма объ дѣлахъ твоихъ, но на сей разъ не ожидай ничего новаго. Дѣла твои въ томъ же видѣ, потому что Могилянскаго нѣтъ въ городѣ.—Войнаровскій, твой почтенный дитятко, попалъ къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ; онъ побывалъ у всѣхъ здѣшнихъ любителей стиховъ и съѣздилъ въ Одессу [2]). Я тебѣ говорю объ отрывкахъ, которые завезены сюда, не знаю кѣмъ. Я весьма сожалѣю, что ты не считаешь меня достойнымъ познакомиться съ твоимъ сыномъ, но я не пропустилъ случая сего сдѣлать.—Войнаровскій твой отлично хорошъ. Я читалъ его М. Орлову, который имъ любовался; Пушкинъ тоже, и тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить. Вы, жители Петербурга, со всякимъ днемъ становитесь лѣнивѣе. Если ты позволишь сказать тебѣ то, что югозападные русскіе литераторы говорятъ о твоемъ дитяткѣ, то слушай хладнокровно и меня не брани, ибо я то говорю, что подслушалъ.

1. Описаніе Якутска хорошо, но слишкомъ коротко. Видно, что ты боялся его растянуть, мѣжду тѣмъ какъ эпизодъ сей, новостью предметовъ, былъ бы очень оригиналенъ. Представя разительно Сибирь, ты бы написалъ картину новую совершенно.

2. Описаніе охоты Войнаровскаго должно быть тоже нѣсколько пространнѣе, ибо ты можешь изобразить дикую природу, занятіе ссыльныхъ и жителей, которые проводятъ свои дни съ звѣрями, и тѣмъ болѣе выказать родъ жизни Войнаровскаго. Тогда прекрасное описаніе бѣга оленя будетъ болѣе кстати. Теперь онъ кажется выведеннымъ на сцену какъ бы нарочно, чтобы заставить познакомиться Миллера съ Войнаровскимъ.

3. Пушкинъ находитъ строфу „и въ плащъ широкій завернулся „единственною, выражающею совершенное познаніе сердца человѣческаго и бореніе великой души съ несчастьемъ. Но разсказъ плѣнныхъ, самъ по себѣ будучи очень удаченъ, требовалъ бы нѣкотораго введенія, ибо „я изъ Батурина недавно“ могло бы

---

[1]) Подпись на письмѣ неразборчива, но есть основаніе предполагать, что оно писано изъ Кіева Петромъ Александровичемъ Мухановымъ, впослѣдствіи тоже бывшимъ въ числѣ осужденныхъ по дѣлу 14 декабря.

[2]) Вѣроятно возилъ авторъ письма, на что указываютъ приводимые имъ ниже разговоры съ Пушкинымъ, который тогда былъ въ Одессѣ.

ковъ, Оболенскій, Н. Муравьевъ, Нарышкинъ, Поджіо, Пущинъ и Волховскій, капитанъ Гвардейскаго генеральнаго штаба; сего послѣдняго на совѣщаніи, а равно и Поджіо, я видѣлъ только разъ. Мнѣнія Волховскаго въ то время не упомню, впослѣдствіи же при свиданіяхъ моихъ съ нимъ у Оболенскаго, онъ всегда былъ на сторонѣ конституціонной монархіи. Сапернаго офицера при мнѣ на совѣщаніяхъ не было ни разу. Чтеніе плана конституціи Н. Муравьева происходило до вступленія моего въ общество. Когда Митьковъ дѣлалъ предложеніе, дабы вмѣнить въ обязанность членовъ говорить о свободѣ крестьянъ, въ собраніи членовъ меня не было, я также тогда, кажется, еще не былъ принятъ. Впослѣдствіи же о томъ слышалъ я, только не упомню гдѣ и отъ кого. При вступленіи моемъ въ общество мнѣ сказано было, что свобода крестьянъ есть одно изъ первѣйшихъ условій общества, и что въ обязанности каждаго члена склонить умы въ пользу оной.

Особаго Морского общества въ Кронштадтѣ никогда не существовало, и вскорѣ по пріемѣ моемъ объявилъ я, что имѣю виды на трехъ Бестужевыхъ: Александра, Николая и Михаила, и также на Торсона. При чемъ сказалъ, что посредствомъ ихъ можно будетъ составить значительную отрасль въ Кронштадтѣ.

Не зная тогда еще Кронштадта и даже ни разу еще не бывавъ въ немъ, я основалъ упомянутое мнѣніе свое на образѣ мыслей и дарованіяхъ Н. Бестужева и Торсона. Предложеніе сіе было принято всѣми единогласно, и я на другой же день открылся А. и Н. Бестужевымъ и принялъ ихъ. Скоро за симъ Н. Бестужевымъ былъ принятъ и Торсонъ.

Въ одномъ изъ собраній общества и, кажется, именно въ томъ, въ которомъ было разсуждаемо о созваніи Великаго Собора, мною сдѣланъ былъ вопросъ: „А что дѣлать съ Императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ?“ Пущинъ сказалъ: „это въ самомъ дѣлѣ задача“. Тутъ я воспользовался мнѣніемъ Пестеля и сказалъ: „не вывезти ли за границу?“ Трубецкой, подумавъ, отвѣчалъ: „больше нечего дѣлать“, и всѣ бывшіе тогда у меня: Митьковъ, Никита Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ, Оболенскій и Н. Тургеневъ согласились на сіе. Впослѣдствіи отъ членовъ Думы возложено было на меня порученіе стараться

приготовить для исполненія упомянутой мысли нѣсколько морскихъ надежныхъ офицеровъ. Вотъ все, что на совѣщаніи общества было предложено мною противъ Царствующей фамиліи.

4.

При свиданіи съ Пестелемъ, вы между прочимъ говорили съ нимъ о раздѣленіи земель. Поясните, въ чемъ именно состоялъ разговоръ вашъ съ Пестелемъ и какого онъ и вы были мнѣнія насчетъ раздѣла земель и какъ полагали оное сдѣлать?

Отвѣтъ. При свиданіи съ Пестелемъ, я имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ, продолжавшійся около двухъ часовъ. Всѣхъ предметовъ, о коихъ шла рѣчь, я не могу припомнить. Помню только, что Пестель, вѣроятно желая вывѣдать меня, въ два упомянутые часа былъ и гражданиномъ Сѣверо-Американской республики, и наполеонистомъ и террористомъ, то защитникомъ Англійской конституціи, то поборникомъ Испанской. Напримѣръ: онъ соглашался со мною, что образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ есть самый приличный и удобный для Россіи. Когда же я замѣтилъ, что Россія къ сему образу правленія еще не готова, то-есть къ чисто республиканскому, Пестель сталъ выхвалять государственный уставъ Англіи, приписывая оному настоящее богатство, славу и могущество сего государства; спустя нѣсколько времени, онъ согласился со мною, что уставъ Англіи уже устарѣлъ, что теперешнее просвѣщеніе народовъ требуетъ большой свободы и совершенства въ управленіи, что Англійская конституція имѣетъ множество пороковъ и обольщаетъ только слѣпую чернь. „Лордовъ, купцовъ, да близорукихъ англомановъ, подхватилъ Пестель,—вы совершенно правы“. Потомъ много говорилъ онъ въ похвалу Испанскаго Государственнаго устава, а наконецъ зашла рѣчь и о Наполеонѣ, Пестель воскликнулъ: „вотъ истинно великій человѣкъ! По моему мнѣнію, если ужъ имѣть надъ собою деспота, то имѣть Наполеона. Какъ онъ возвысилъ Францію! Сколько создалъ новыхъ фортунъ! Онъ отличалъ не знатность, а дарованія!“ и проч. Понявъ, куда это все клонится, я сказалъ: „сохрани насъ Богъ отъ Наполеона! Да впрочемъ этого и опасаться нечего. Въ наше время даже и честолюбецъ, если онъ только благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Ва-

шингтономъ, нежели Наполеономъ". „Разумѣется, отвѣчалъ Пестель, я только хотѣлъ сказать, что не должно опасаться честолюбивыхъ замысловъ, что если бы кто и воспользовался нашимъ переворотомъ, то ему и должно быть вторымъ Наполеономъ: и въ такомъ случаѣ мы всѣ останемся не въ проигрышѣ". Послѣ сего онъ спросилъ меня: „скажите же, какое вы предпочитаете правленіе для Россіи въ теперешнее время?" Я отвѣчалъ, что мнѣ удобнѣйшимъ для Россіи кажется областное правленіе Сѣверо-Американской республики при Императорѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента Штатовъ. Пестель задумался и сказалъ: „Это счастливая мысль! объ этомъ надо хорошенько подумать". При чемъ я прибавилъ, что я хотя и убѣжденъ въ совершенствѣ предлагаемаго мною образа правленія, но покорюсь большинству голосовъ членовъ общества, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы и тотъ уставъ, который будетъ принятъ обоими обществами, былъ представленъ великому Народному Собору, какъ проектъ, и чтобъ его отнюдь не вводить насильно. Пестель возражалъ на это, что ему напротивъ кажется и справедливымъ и необходимымъ поддержать одобренный обществомъ уставъ всѣми возможными мѣрами, а иначе значило бы остановиться на половинѣ дороги; что по крайней мѣрѣ надобно стараться, дабы какъ можно болѣе попало въ число народныхъ представителей членовъ общества. „Это совсѣмъ другое дѣло! сказалъ я, безразсудно бъ было о томъ не хлопотать, ибо этимъ нѣкоторымъ образомъ сохранится законность и свобода принятія Государственнаго устава". Послѣ этого говорили о раздѣленіи земель. Пестель полагалъ, что всѣ вообще земли, какъ помѣщичьи, такъ экономическія и удѣльныя должно раздѣлить въ каждомъ селѣ и деревнѣ на двѣ половины. Изъ коихъ одну половину раздѣлить поровну крестьянамъ (съ правомъ даже и продажи), въ вѣчное и потомственное владѣніе. Другую же половину земель помѣщичьихъ оставить помѣщикамъ, удѣльныхъ же и экономическихъ крестьянъ навсегда приписать къ деревнямъ и селамъ ихъ съ тѣмъ, чтобы участками изъ оныхъ каждогодно надѣлять крестьянъ, смотря по требоъанію каждаго, начиная съ тѣхъ, кто требуетъ менѣе. Симъ послѣднимъ средствомъ предполагалъ онъ уничтожить въ Россіи нищихъ. Послѣ сего я распростился съ нимъ и болѣе уже не видались.

7.

При отъѣздѣ князя Трубецкого въ Петербургъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ просилъ его уговорить членовъ здѣшняго общества, чтобы они оставили пустые споры, приняли предложенія Южнаго общества, приступили къ набору членовъ и приготовились бы къ началу дѣйствій въ одно время съ Южнымъ обществомъ, въ семъ 1826 году. Здѣсь объясните:

a) Что по сему порученію было сдѣлано Трубецкимъ?

b) Какія для того были приняты мѣры и было ли увѣдомлено Южное общество, какъ объ оныхъ, такъ и о готовности здѣшнихъ членовъ приступить къ дѣйствію въ 1826 году?

Отвѣтъ. По пріѣздѣ сюда изъ Кіева Трубецкого, онъ объявилъ мнѣ и Оболенскому, что дѣло Южнаго общества въ самомъ хорошемъ положеніи, что корпусъ князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижнихъ чиновъ, на которыхъ найдено прекрасное средство дѣйствовать чрезъ солдатъ стараго Семеновскаго полка, и что ему поручено узнать, въ какомъ положеніи Сѣверное общество. Оболенскій и я откровенно объявили, что наши дѣла въ плохомъ положеніи, что мы ни на какое рѣшительное дѣйствіе не готовы по своей слабости. Трубецкой сказалъ, что это худо. Южные готовы начать хоть сейчасъ, что едва не поднялись лѣтомъ, когда у Швейковскаго отняли полкъ, что какой-то полковникъ (кажется Тизенгаузенъ) говорилъ по сему случаю своему полку предъ фронтомъ возмутительную рѣчь, и что по всей вѣроятности приступятъ къ дѣйствію въ 1826 году. Впослѣдствіи онъ спрашивалъ меня еще, что можетъ сдѣлать Сѣверное общество для содѣйствія Южному. Я ему отвѣчалъ: „совершенно ничего, если прочіе члены думы будутъ дѣйствовать по прежнему, что я, пожалуй, готовъ съ своею отраслью подняться, но что мы будемъ вѣрныя и безполезныя жертвы“. „А что Якубовичъ?“ спросилъ Трубецкой. „Якубовича можно съ цѣпи спустить, отвѣчалъ я, да что будетъ проку? Общество симъ съ самаго начала вооружитъ противу себя все, ибо никто не повѣритъ, чтобы онъ дѣйствовалъ самъ собою“. Послѣ сего Трубецкой замолчалъ. Чрезъ нѣсколько еще времени мы видѣлись съ нимъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ намѣренъ въ Кіевъ проѣхать чрезъ Москву, дабы посмотрѣть, что дѣлаетъ Пущинъ. Но вскорѣ за симъ получено извѣстіе о болѣзни

покойнаго Государя Императора, и онъ остался. Сообщилъ ли онъ что о Сѣверномъ обществѣ на югъ, мнѣ неизвѣстно.

9.

Съ тѣмъ вмѣстѣ объясните обстоятельно: съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ сюда Якубовичъ, когда и какъ вы съ Александромъ Бестужевымъ уговорили его отложить, и надолго ли, покушеніе на жизнь покойнаго Государя, какія причины побуждали его къ сему злодѣянію, гдѣ и какъ хотѣлъ онъ исполнить оное?—Съ какою цѣлью, кѣмъ и чрезъ кого дано было знать о семъ южнымъ членамъ и въ Москвѣ находившимся, и требовались ли ихъ мнѣнія? И справедливо ли то, что при полученіи свѣдѣній о смерти Его Величества, Якубовичъ скрежеталъ зубами, изъявляя злобную досаду, что не исполнилъ своего намѣренія?

Отвѣтъ. О покушеніи какого-то Якушкина на жизнь покойнаго Государя Императора я не помню отъ кого слышалъ, кажется, отъ Оболенскаго, или отъ Трубецкого, или отъ кого другого, не могу вспомнить. О покушеніи Южнаго общества слышалъ я отъ Муравьева-Апостола передъ отъѣздомъ его въ Кіевъ. Также и отъ Трубецкого, который сказывалъ, что на это хотѣли употребить какого-то артиллерійскаго полковника, разжалованнаго покойнымъ Государемъ, поставивъ его къ Его Величеству на часы. Отъ Трубецкого же слышалъ я, что въ минувшемъ 1825 году открыто на югѣ Сергѣемъ Муравьевымъ цѣлое общество, имѣющее цѣлью истребить Государя, и что оно присоединено къ Южному обществу; а послѣ слышалъ я, кажется, отъ Корниловича, что Южное общество намѣревалось истребить покойнаго Императора въ Таганрогѣ, но что это отложено до удобнѣйшаго времени. За долго до пріѣзда въ Петербургъ Якубовича я уже слышалъ объ немъ. Тогда въ публикѣ много говорили о его подвигахъ противъ горцевъ и о его рѣшительномъ характерѣ. По пріѣздѣ его сюда, мы скоро сошлись, и я съ перваго свиданія возымѣлъ намѣреніе принять его въ члены общества, почему при первомъ удобномъ случаѣ я открылся ему. Онъ сказалъ мнѣ: „Господь! признаюсь, я не люблю никакихъ тайныхъ обществъ. По моему мнѣнію, одинъ рѣшительный человѣкъ полезнѣе всѣхъ карбонаровъ и масоновъ. Я знаю, съ кѣмъ я говорю, и потому не буду опасаться. Я жестоко оскорбленъ Царемъ! Вы, мо-

жетъ, слышали“. Тутъ вынувъ изъ бокового кармана полуистлѣвшій приказъ о немъ по гвардіи и подавая оный мнѣ, онъ продолжалъ, все съ большимъ и большимъ жаромъ: „Вотъ пилюля, которую я восемь лѣтъ ношу у ретивого, восемь лѣтъ жажду мщенія“. Сорвавши перевязку съ головы, такъ что показалась кровь, онъ сказалъ: „эту рану можно было залѣчить и на Кавказѣ безъ вашихъ Арентовъ и Буяльскихъ, но я этого не захотѣлъ и обрадовался случаю, хоть съ живымъ черепомъ, добраться до оскорбителя. И наконецъ я здѣсь! и увѣренъ, что ему не ускользнуть отъ меня. Тогда пользуйтесь случаемъ, дѣлайте, что хотите. Созывайте вашъ великій соборъ и дурачьтесь до-сыта“. Слова его, голосъ, движенія, рана произвели на меня сильное впечатлѣніе, которое я однако жъ старался скрыть отъ него, и представлялъ ему, что подобный поступокъ можетъ его обезславить, что съ его дарованіями и сдѣлавъ уже имя въ арміи, онъ можетъ для отечества своего быть полезнѣе и удовлетворить другія страсти свои. На это Якубовичъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ знаетъ только двѣ страсти, которыя движутъ міръ,—это благодарность и смиреніе; что всѣ другія не страсти, а страстишки, что онъ словъ на вѣтеръ не пускаетъ, что онъ дѣло свое совершитъ непремѣнно и, что у него для сего назначено два срока: маневры или праздникъ Петергофскій. Въ это время кто-то вошелъ и прервалъ разговоръ нашъ. Я ушелъ съ А. Бестужевымъ и на дорогѣ говорилъ ему, что надо стараться всячески остановить Якубовича. Бестужевъ былъ согласенъ на это, и мы уговорились на другой же день увидѣться съ нимъ опять. Въ тотъ же день я увѣдомилъ о намѣреніи Якубовича Оболенскаго, Н. Муравьева и Бригена. Всѣ были того мнѣнія, что надо всячески стараться отклонить Якубовича отъ его намѣренія, что и возложено было на меня. Увидѣвшись съ Якубовичемъ, я опять представлялъ ему, сколь обезславитъ его цареубійство, но онъ повторялъ всегда одно и то же, что онъ рѣшился на это и что никто и ничто не отклонитъ его отъ сего намѣренія, что онъ восемь лѣтъ носитъ и лелѣетъ оное въ своей груди. Пробившись съ нимъ около двухъ часовъ, я вышелъ въ чрезвычайномъ волненіи и негодованіи. При этомъ были А. Бестужевъ и Одоевскій. Сей послѣдній почелъ Якубовича сумасшедшимъ и пустымъ говоруномъ. Я утверждалъ противное и почиталъ Якубовича самымъ опаснымъ

человѣкомъ и для общества нашего и для видовъ онаго. Мы долго объ этомъ говорили и разсуждали, какія бы взять мѣры, чтобы не допустить Якубовича къ совершенію своего намѣренія, и помню, что я сказалъ, прощаясь съ Одоевскимъ и Бестужевымъ: „я рѣшился на все, его (т.-е. Якубовича) завтра же вышлютъ. Прощайте, господа". На другой день рано и Бестужевъ и Одоевскій приходятъ ко мнѣ, и первый говоритъ: „Рылѣевъ! На что ты рѣшаешься! подумай, любезный, ты обезславишь себя. Чѣмъ доносить, не лучше ли взять какія-нибудь другія мѣры? лучше драться съ Якубовичемъ". Я отвѣчалъ, что Якубовича я губить не хочу, что я еще испытаю средство остановить его. „Но въ случаѣ неудачи, прибавилъ я, повторяю, я готовъ на все". Потомъ предложилъ я стараться по крайней мѣрѣ уговорить Якубовича отложить свое намѣреніе на нѣкоторое время, поставивъ ему причиною, будто общество рѣшилось воспользоваться убійствомъ Государя, но что оно еще не готово. Всѣ согласились на это, и въ то же время отправились къ Якубовичу и послѣ продолжительныхъ убѣжденій, наконецъ, склонили его отложить свое предпріятіе на годъ, а впослѣдствіи я успѣлъ его уговорить отложить оное на неопредѣленное время. Южнымъ ленамъ сообщено было объ этомъ, вѣроятно, отъ Трубецкого, ибо я говорилъ Бригену, дабы онъ сказалъ Трубецкому о Якубовичѣ, а равно и то, что я едва успѣлъ его отклонить отъ совершенія убійства, которое онъ намѣревался сдѣлать на маневрахъ или на праздникѣ въ Петергофѣ; какъ же извѣстіе объ этомъ дошло въ Москву, мнѣ неизвѣстно. При полученіи извѣстія о смерти покойнаго Государя скрежеталъ ли Якубовичъ зубами, изъявляя злобную досаду, что онъ не исполнилъ своего намѣренія, мнѣ неизвѣстно. Помню только, что въ день полученія извѣстія о томъ, Якубовичъ рано вбѣжалъ въ комнату, въ которой я лежалъ больной, и въ сильномъ волненіи, съ упрекомъ сказалъ мнѣ: „Царь умеръ! это вы его вырвали у меня!" Вскочивъ съ постели, я спросилъ Якубовича: „кто сказалъ тебѣ?" Онъ назвалъ мнѣ кого-то, прибавивъ: „мнѣ некогда, прощай!" и ушелъ. Потомъ на одномъ изъ совѣщаній онъ сказалъ при многихъ членахъ, что онъ хотѣлъ умертвить покойнаго Государя, но что онъ не умертвилъ его, то въ томъ виноватъ я, А. Бестужевъ и Одоевскій.

11.

Прежде лейтенанту Торсону было сказано, что намѣрены были склонить покойнаго Государя и Великихъ Князей сдѣлать смотръ 2-й арміи, гдѣ общество имѣетъ цѣлый корпусъ въ готовности, и тамъ начать дѣйствія. Весною же прошлаго 1825 года было объявлено ему, Торсону, о революціонномъ намѣреніи общества и предположеніи ввести республику съ истребленіемъ Царствующихъ Особъ. Но въ іюнѣ того же года, при отъѣздѣ Бригена въ Кіевъ, вы поручили ему переговорить съ княземъ Трубецкимъ о намѣреніи вашемъ отправить Царствующую фамилію за границу. Послѣ того вы спрашивали лейтенанта Торсона, можно ли имѣть надежный фрегатъ, то-есть положиться на капитана и офицеровъ. Торсонъ, отвѣчая незнаніемъ, спросилъ: „для чего это?“—„Отправить Царствующую фамилію за границу“ сказали вы. На вопросъ его о вышесказанномъ рѣшеніи истребленія оной, вы отвѣтили, что *перемѣнили* и *намѣрены* отправить. „Ежели не хотятъ истребить, прибавилъ Торсонъ, то изберите Императора, который приметъ предлагаемыя мѣры“.—„Но на это время надо удалить“, возразили вы.—„Такъ оставьте жить во дворцѣ“, продолжалъ первый. „Здѣсь, въ Петербургѣ нельзя, сказали вы,—развѣ въ Шлиссельбургѣ,—тамъ приставятъ бывшій Семеновскій полкъ; въ случаѣ же возмущенія—примѣръ Мировича“. На это онъ сказалъ вамъ болѣе въ насмѣшку: „Итакъ, тамъ всѣ лишатся жизни;“ но вы, понявъ его, отвѣчали: „зачѣмъ всѣхъ лишать!“—Засимъ Торсонъ доказывалъ о необходимости въ Россіи Императора, въ чемъ состоитъ преимущество Англійской конституціи предъ Американскою; вы отвѣчали, что въ нынѣшнее время Наполеону быть нельзя.

Между прочимъ, говоря о умноженіи въ Кронштадтѣ членовъ чрезъ Завалишина, вы сказали Торсону, что надо стараться спѣшить, ибо дѣла въ арміи въ такомъ состояніи, что едва можно удерживать. Объясните:

а) Кто именно хотѣлъ склонить покойнаго Государя и Великихъ Князей къ осмотру 2-й арміи, и что при семъ случаѣ общество замышляло употребить противъ нихъ?

б) Кто, по какимъ причинамъ и съ какою цѣлью измѣнялъ и рѣшалъ предположенія ваши насчетъ поступленія съ Императорскою фамиліею?

в) Въ какое время, чрезъ кого и какимъ образомъ общество надѣялось овладѣть Царствующею фамиліею и отправить оную за границу, и куда именно? На чемъ была основана увѣренность ваша въ исполненіи сего и какія были приняты къ тому мѣры?

г) Засимъ объясните справедливость вышеприведеннаго разговора вашего съ Торсономъ?

Отвѣтъ. Торсону не говорилъ я, что намѣреніе прежде было склонить покойнаго Государя и Великихъ Князей сдѣлать смотръ 2-й арміи, гдѣ общество имѣетъ цѣлый корпусъ въ готовности и тамъ начать дѣйствія. Равно не говорилъ я ему весною 1825 года о намѣреніи общества и предположеніи ввести республику съ истребленіемъ Царствующихъ Особъ. Что-нибудь подобное могъ я говорить ему о Южномъ обществѣ, но и того не помню. Въ іюнѣ прошлаго года при отъѣздѣ Бригена въ Кіевъ, я просилъ его сказать Трубецкому, что я буду вновь стараться о приготовленіи въ Кронштадтѣ нѣсколькихъ офицеровъ, дабы въ случаѣ, если Императоромъ будетъ отвергнута конституція Великаго Собора, отправить его со всею фамиліею за границу. Къ сей мысли я снова обратился въ то время по случаю знакомства своего съ Завалишинымъ, чрезъ котораго въ началѣ я много надѣялся сдѣлать въ Кронштадтѣ; но когда я возымѣлъ подозрѣніе на Завалишина, то при свиданіи съ Торсономъ, дѣйствительно спрашивалъ его, можно ли имѣть фрегатъ съ надежнымъ капитаномъ и офицерами. На вопросъ же его, для чего это, я отвѣчалъ: „чтобы отправить въ случаѣ надобности Царствующую фамилію за границу“. Торсонъ находилъ это опаснымъ и полагалъ, что даже лучше оставить Императорскую фамилію во дворцѣ: „тутъ она подъ надзоромъ“. Я же точно сказалъ на это: „нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя; развѣ въ Шлюссербургѣ. Тамъ можно приготовить старый Семеновскій полкъ, а въ случаѣ возмущенія— примѣръ Мировича“. Послѣ говорили мы о разныхъ образахъ правленій. Торсонъ отдавалъ преимущество конституціи англійской, я же предпочиталъ американскую. Говорилъ я также ему, что положено удалить Императорскую фамилію, если Императоромъ будетъ отвергнута конституція, принятая народными представителями. Торсонъ почиталъ необходимымъ избрать въ такомъ случаѣ Императора. Я на то отвѣчалъ, что теперь Наполеономъ нельзя быть. Также сказалъ я, что надо

спѣшить, ибо дѣла на югѣ въ такомъ положенiи, что едва можно удерживать. Но все это говорилъ я, желая возбудить въ Торсонѣ ревность къ принятiю членовъ въ Кронштадтѣ, дабы воспользоваться ихъ содѣйствiемъ, когда здѣшнее общество достаточно усилится.

Кто хотѣлъ склонить покойнаго Государя и Великихъ Князей къ осмотру 2-й армiи, и что при семъ случаѣ общество замышляло употребить противу нихъ, мнѣ неизвѣстно. Предположенiя моего о поступленiи съ Императорскою фамилiею никто не измѣнялъ. Захватить Царствующую фамилiю и отправить оную за границу предположено было на одномъ изъ совѣщанiй общества тогда только, когда бы Императоръ отринулъ конституцiю, принятую Великимъ Соборомъ. До созванiя народныхъ представителей предполагалось задержать Императорскую фамилiю, что совершить надѣялись посредствомъ военной силы. Мѣръ же къ тому никакихъ еще не было принято.

16.

Когда разнесся слухъ объ отреченiи отъ престола Государя Цесаревича, вы первый, обратясь къ Трубецкому, говорили, что надобно воспользоваться симъ случаемъ, и что такого случая уже никогда не можетъ быть. Дѣятельнѣйшимъ образомъ принялись соглашать къ тому прочихъ членовъ и вскорѣ квартира ваша сдѣлалась мѣстомъ совѣщанiй и сборища заговорщиковъ, откуда и исходили всѣ приготовленiя и распоряженiя къ возмущенiю, которыя, хотя дѣлались отъ имени Трубецкого, но были непосредственно слѣдствiя вашей воли. Употребляя всѣ средства къ обольщенiю и приведенiю въ заблужденiе солдатъ, вы и Оболенскiй, хотя надѣялись, что не присягнутъ полки Измайловскiй, Финляндскiй, Егерскiй, Гренадерскiй, Московскiй и Морской Экипажъ, и полагали таковую силу достаточною, но при томъ говорили, что и съ одною горстью солдатъ можно все сдѣлать; говорили о грабежѣ и убiйствахъ и о томъ, чтобы во дворецъ собраться. Когда Трубецкой жаловался вамъ на такой бунтующiй духъ членовъ, вы увѣряли, что они успокоятся. Отвѣтствуя на все вышеизложенное, поясните, по какимъ именно причинамъ вы преимущественно надѣялись на сказанные полки?

Съ извѣстiемъ о слухѣ, что Государь Цесаревичъ отрекается отъ престола, первый прiѣхалъ ко мнѣ Трубецкой, —

и положено было воспользоваться имъ непремѣнно; если жъ слухъ сей несправедливъ, то выжидать, что предпримутъ на югѣ. Впослѣдствіи рѣшительно положили, въ случаѣ принятія короны Государемъ Цесаревичемъ, объявить общество уничтоженнымъ и дѣйствовать сколь можно осторожнѣе, стараясь года въ два или въ три занять значительнѣйшія мѣста въ гвардейскихъ полкахъ. Это было мнѣніе Трубецкого, при чемъ я сказалъ, что въ такомъ случаѣ полезно будетъ обязать членовъ не выходить въ отставку и не переходить въ армію. Это также было одобрено, какъ Трубецкимъ, такъ и Оболенскимъ.

Квартира моя съ того самаго времени дѣйствительно сдѣлалась мѣстомъ совѣщаній, сборища заговорщикамъ, откуда исходили всѣ приготовленія и распоряженія къ возмущенію; но это произошло случайно, по причинѣ моей болѣзни, которая не дозволяла мнѣ выѣзжать. Въ противномъ случаѣ, я конечно бъ не допустилъ у себя сихъ собраній, какъ для безопасности собственной, такъ и общества. Трубецкой можетъ говорить, что упомянутыя приготовленія и распоряженія будто бы дѣлались только отъ его имени, и непосредственно были мои, но это несправедливо. Нѣкоторыя изъ оныхъ дѣйствительно были приняты по моему предложенію, но много предложено было самимъ Трубецкимъ, другія Оболенскимъ, иныя Якубовичемъ и проч. Настоящія совѣщанія всегда назначались имъ, и безъ него не дѣлались. Онъ каждый день по два и по три раза пріѣзжалъ ко мнѣ съ разными извѣстіями или совѣтами, и когда я увѣдомлялъ его о какомъ-нибудь успѣхѣ по дѣламъ общества, онъ жалъ мнѣ руку, хвалилъ ревность мою и говорилъ, что онъ только и надѣется на мою отрасль; словомъ, онъ готовностью своею на переворотъ совершенно равнялся мнѣ, но превосходилъ меня осторожностью, не всѣмъ себя открывая. Но да не подумаетъ Высочайше учрежденный Комитетъ, что симъ желаю я уменьшить собственное преступленіе. Признаюсь чистосердечно, что я самъ себя почитаю главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо, несмотря на все вышесказанное, я могъ остановить оное и не только того не подумалъ сдѣлать, а напротивъ еще преступною ревностію своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли, самымъ гибельнымъ примѣромъ. Словомъ, если нужна казнь для блага Россіи, то я

одинъ ея заслуживаю и давно молю Создателя, чтобы все кончилось на мнѣ, и всѣ другіе чтобы были возвращены ихъ семействамъ, Отечеству и доброму Государю Его великодушіемъ и милосердіемъ.

При совѣщаніи о средствахъ къ возмущенію солдатъ, я полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ Сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго Государя, въ коемъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ десятью годами. Мнѣніе сіе, какъ Трубецкимъ, такъ и всѣми другими членами единогласно было принято, и положено было поручить офицерамъ разныхъ полковъ, принадлежащихъ къ обществу, привести оное въ исполненіе. Не я и Оболенскій только находили достаточнымъ шести полковъ для достиженія цѣли общества, но почти всѣ, исключая Щепина-Ростовскаго. Когда еще надѣялись только на полки Гренадерскій, Московскій и Гвардейскій Экипажъ, Трубецкой дѣйствительно однажды въ разговорѣ со мною усумнился въ успѣхѣ: ибо, говорилъ онъ, невѣроятно, чтобы всѣ роты увлеклись примѣромъ нѣсколькихъ. Я, напротивъ, думалъ, что въ каждомъ полку достаточно одного рѣшительнаго капитана для возмущенія всѣхъ нижнихъ чиновъ, по причинѣ негодованія ихъ противу взыскательнаго начальства, и когда я спросилъ Трубецкого, какую силу полагаетъ онъ достаточною для совершенія нашихъ намѣреній, онъ отвѣчалъ: „довольно одного полка". На это я сказалъ ему: „такъ нечего и хлопотать; можно ручаться за три и за два навѣрное". Впослѣдствіи же, когда сверхъ означенныхъ стали надѣяться и на полки Измайловскій, Финляндскій и Егерскій, то всѣ безъ исключенія рѣшительно говорили, что сами обстоятельства призываютъ общество къ начатію дѣйствій, и что не воспользоваться оными со столь значительною силою было бы непростительное малодушіе и даже преступленіе.

Убійствъ и грабежа я никогда не защищалъ, а напротивъ доказывалъ и гнусность и безполезность оныхъ. Трубецкой никогда не жаловался мнѣ на бунтующій духъ членовъ, а сказалъ только разъ о Якубовичѣ, что противъ него надобно будетъ принять мѣры осторожности по достиженіи намѣреній общества. Занятіе дворца было положено въ планѣ дѣйствій самимъ Трубецкимъ. На полки Гренадерскій, Московскій и Гвардейскій Экипажъ надѣялись мы, имѣя въ оныхъ весьма рѣшительныхъ членовъ своихъ, каковы Арбузовъ, Щепинъ-

Ростовскій, М. Бестужевъ и Сутгофъ. На Егерскій полкъ полагались по увѣреніямъ Арбузова, на Измайловскій по словамъ нѣкоторыхъ офицеровъ онаго, и по той же причинѣ и на Финляндскій.

17.

Объясните: дѣйствительно ли на одномъ изъ совѣщаній вашихъ Каховскій произнесъ: „съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь! Тутъ просто надо рѣзать,—да и только; иначе, если не согласятся, то я пойду первый и самъ на себя объявлю".

. 13 декабря ввечеру, вы, обнявъ Каховскаго (которому при самомъ пріемѣ въ общество объявили цѣлью онаго истребленіе Священныхъ Особъ), сказали: „любезный другъ, ты сиръ на сей землѣ, я знаю твое самоотверженіе, ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади: истреби Царя". На вопросъ его, какія можетъ найти къ тому средства, вы предлагали ему надѣть офицерскій мундиръ и рано по утру прежде возмущенія, итти во дворецъ и тамъ убить Государя, или на площади, когда выѣдетъ Его Величество. Послѣ сего также обняли его Пущинъ, Оболенскій и Александръ Бестужевъ.

Въ заключеніе объясните, кто именно и какія подавалъ мнѣнія на совѣщаніяхъ вашихъ, кто совершенно соглашался съ намѣреніемъ вашимъ истребить Царствующую фамилію и огласить республику, а между тѣмъ, кому назначено было и кто брался занять дворецъ, крѣпость, сенатъ и прочія мѣста? И вообще, какой сдѣланъ былъ распорядокъ на 14 декабря, сказавъ и то, въ чемъ состояли манифесты, Штейнгелемъ и Н. Бестужевымъ приготовленные, и по чьему порученію, оные ими написаны были? Къ тому присовокупите, ежели знаете, кто нанесъ смертельную рану графу Милорадовичу?

Отвѣтъ. Говорилъ ли Каховскій: „съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь; тутъ надобно рѣзать, да и только; иначе, если несогласятся, то я пойду первый и самъ на себя объявлю",—я не знаю. При мнѣ этого не было, на совѣщаніяхъ же настоящихъ онъ не могъ сего сказать, ибо не былъ на оныя приглашаемъ; но что-то подобное о немъ говорилъ мнѣ Штейнгель. Сверхъ того о Каховскомъ долженъ я пояснить слѣдующее: однажды утромъ, кажется, дня за два до 14-го декабря, входитъ онъ ко мнѣ при Николаѣ Бестужевѣ,—былъ

ли еще кто при томъ, не помню,—и говоритъ: „Ну, что жъ, господа! Еще нашелся человѣкъ, готовый пожертвовать собою. Мы готовы убить, кого угодно, для цѣли общества: пусть оно назначитъ". Я сказалъ ему на это: „напрасно хлопочешь: тебѣ объявленъ планъ общества захватить Царскую фамилію и предоставить рѣшеніе судьбы ея Великому Собору. Твоя обязанность—слѣпо повиноваться сему". Каховскій, сказавъ: „смотрите, господа! будете раскаиваться!"—началъ доказывать необходимость истребленія Царской фамиліи; но я и Н. Бестужевъ опровергали сіе мнѣніе и наконецъ успокоили его.

Каховскій пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію и совершенно случайно познакомился со мною. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей совершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился его принять, что и исполнилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего: ни силы, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія онаго. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими нескромными вопросами. Но это самое было причиною, что я рѣшился навсегда оставить его въ его невѣдѣніи. Въ началѣ прошлаго года Каховскій входитъ ко мнѣ и говоритъ: „послушай, Рылѣевъ! Я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшился убить Царя. Объяви объ этомъ думѣ. Пусть она назначитъ мнѣ срокъ". Я, въ смятеніи вскочивъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему: „что ты, сумасшедшій! Ты, вѣрно, хочешь погубить общество! И кто тебѣ сказалъ, что дума одобритъ такое злодѣяніе?" Засимъ старался я отклонить его отъ сего намѣренія, доказывая, сколь оное можетъ быть пагубно для цѣли общества; но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я на счетъ общества не безпокоился,—что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился, и намѣреніе оное исполнитъ непремѣнно. Опасаясь, дабы онъ въ самомъ дѣлѣ онаго не совершилъ, я наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему: „Любезный Каховскій! Подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ

и меня, потому что ты у меня часто бывалъ. Я общества не открою, но вспомни, что я отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?“ —Каховскій прослезился и сказалъ: „Ну, дѣлать нечего. Ты убѣдилъ меня!“— „Дай же мнѣ честное слово, продолжалъ я, что ты не исполнишь своего намѣренія“. Онъ мнѣ далъ оное. Но послѣ сего разговора онъ часто сталъ задумываться, я охладѣлъ къ нему, мы часто стали спорить другъ съ другомъ, и наконецъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и настоятельно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что я жестоко ошибся въ немъ и раскаиваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ чего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга. Засимъ узналъ я, что его нѣсколько дней не было въ городѣ. Я спѣшилъ съ нимъ увидѣться, чтобы узнать, не ѣздилъ ли онъ въ Царское Село, боясь, что не тамъ ли онъ хочетъ исполнить свое предпріятіе; но подозрѣнія мои оказались ложными: онъ ѣздилъ въ деревню, въ которой была расположена рота Сутгофа. Съ самаго этого дня, какъ я узналъ о намѣреніи Каховскаго, я сталъ стараться о удаленіи его изъ Петербурга и на сей конецъ совѣтовалъ ему опять вступить въ военную службу, представляя, что онъ въ мундирѣ полезнѣе будетъ обществу, нежели во фракѣ. Онъ согласился и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ какой-то пѣхотный полкъ, но ему отказали, потому что онъ служилъ въ кавалеріи. Я склонялъ его вступить въ прежній полкъ, но какъ уже онъ совершенно обмундировался въ пѣхоту, то и сталъ снова домогаться объ опредѣленіи въ оную. Между тѣмъ при свиданіяхъ мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу думу о его намѣреніи, и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь Государя, то никого кромѣ его не употребитъ къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго Государя Императора.

Противу нынѣ царствующаго Государя Императора никто особенно не возставалъ; Трубецкой потребовалъ, дабы его принести на жертву, и не предлагалъ оставить Великаго Князя Александра Николаевича. А я и Оболенскій никогда не утвер-

ждали, что надобно уничтожить всю Царствующую фамилію. Если бъ положено было уничтожить Августѣйшую фамилію или кого-либо изъ оной, то общество вѣрно бы приняло предложеніе Якубовича: кинуть жеребій, кому на сіе покуситься, а я объявилъ бы о предложеніи Каховскаго, которое онъ сдѣлалъ при Н. Бестужевѣ. Напротивъ я о томъ никому не сказалъ, а предложеніе Якубовича было отвергнуто единодушно, несмотря на то, что Арбузовъ завѣрялъ, что нѣтъ ничего легче, какъ убить Императора во дворцѣ на выходѣ.

Въ рѣшительномъ совѣщаніи никогда не полагали истребить Императорскую фамилію и провозгласить республику; равно и того, что если на нашей сторонѣ будетъ только перевѣсъ, то чтобъ послать депутацію къ Государю Цесаревичу съ просьбою царствовать съ нѣкоторыми ограниченіями. Положено же было захватить Императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда Великаго Собора, который долженствовалъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Вслѣдствіе чего Трубецкой и поручалъ мнѣ написать къ народу отъ имени Сената манифестъ, въ которомъ должно было изложить, что Государь Цесаревичъ и нынѣ Царствующій Государь Императоръ отказались отъ престола, что послѣ такого поступка ихъ, Сенатъ почелъ необходимымъ задержать Императорскую фамилію и созвать на Великій Соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій народа, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства. Къ сему слѣдовало присовокупить увѣщаніе, чтобы народъ остался въ покоѣ, что имущества, какъ государственныя, такъ и частныя остаются неприкосновенными, что для сохраненія общественнаго устройства Сенатъ передалъ исполнительную власть Временному Правленію, въ которое назначалъ адмирала Мордвинова и тайнаго совѣтника Сперанскаго и проч. Сего содержанія манифестъ былъ написанъ барономъ Штейнгелемъ, которому я передалъ сіе порученіе, почитая его способнѣйшимъ себя для написанія акта подобнаго рода.

13 декабря къ вечеру, я дѣйствительно предлагалъ Каховскому убить нынѣ Царствующаго Государя и говорилъ, что это можно исполнить на площади, но кто при томъ былъ, не помню. По утру того дня, долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего спрашивалъ я, если нынѣ Цар-

ствующій Государь Императоръ не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія, должно его принести на жертву, и эта мысль была причиною моего злодѣйскаго предложенія.

Кромѣ вышеприведенныхъ мнѣній разныхъ членовъ, Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынести изъ какой-нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу. Все это говорено имъ было въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ и съ чрезвычайнымъ жаромъ, но сіе предложеніе единодушно было отвергнуто. Другихъ особенныхъ мнѣній не помню. Повторяю, что объ истребленіи всей Императорской фамиліи и объ оглашеніи республики я никогда не говорилъ. Дворецъ занять брался Якубовичъ съ Арбузовымъ, на что и изъявилъ свое согласіе Трубецкой. Занятіе же крѣпости и другихъ мѣстъ должно было послѣдовать по плану Трубецкого послѣ задержанія Императорской фамиліи. Другихъ военныхъ распоряженій я не знаю. На одномъ изъ совѣщаній Трубецкой назначилъ къ себѣ въ начальники штаба Оболенскаго; можетъ быть, сей послѣдній получилъ отъ него какія-либо порученія. Еще извѣстно мнѣ, что въ случаѣ неудачи положено было ретироваться на поселенія. Кто это предложилъ, не знаю точно. О манифестѣ, написанномъ барономъ Штейнгелемъ, я упомянулъ выше. О другомъ же, приготовленномъ Н. Бестужевымъ, я никогда не слыхалъ, и сколько мнѣ извѣстно, ему того и не поручали.

Смертельную рану графу Милорадовичу нанесъ Каховскій. Онъ самъ объ этомъ разсказывалъ послѣ происшествія 14 декабря у меня въ квартирѣ при баронѣ Штейнгелѣ; при чемъ вынувъ окровавленный кинжалъ, говорилъ, что онъ ранилъ имъ какого-то свитскаго офицера, принуждая его кричать: „Ура, Константинъ"! Еще что-то говорилъ онъ объ митрополитѣ, но я не помню, ибо находился въ сильномъ волненіи духа и былъ занятъ судьбою своего семейства и безпрестанно уходилъ въ комнату жены.

Въ заключеніе, дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія [illegible] порядка вещей

необходимо истребленіе всей Царствующей фамиліи. Я полагалъ, что убіеніе одного Императора не только не произведетъ никакой пользы, но напротивъ можетъ быть пагубно для самой цѣли общества; что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ Августѣйшей фамиліи, и что все это совокупно неминуемо породитъ междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей Императорской фамиліи я думалъ, что по неволѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться, или по крайней мѣрѣ ихъ можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ, да и самъ наконецъ обратился къ прежней мысли своей, что участь Царствующаго Дома, а равно и то, какой образъ правленія ввести въ Россіи, въ правѣ только рѣшить Великій Соборъ, что постоянно и старался внушать всѣмъ извѣстнымъ мнѣ членамъ.

Засимъ покорнѣйше прошу Высочайше учрежденный Комитетъ не приписать того упорству моему или нераскаянію, что я всего здѣсь показаннаго не открылъ прежде. Раскаявшись въ своемъ преступленіи и отрекшись отъ прежняго образа мыслей своихъ съ самаго начала, я тогда же показалъ все, что почиталъ необходимымъ для открытія обществъ, для отвращенія на югѣ предпріятій, подобныхъ происшествію 14 декабря, и если что до сего скрывалъ, то скрывалъ не столько щадя себя, сколько другихъ.

Свѣдѣнія изъ формулярнаго списка, составленнаго въ 1821 г.

Подпоручикъ Кондратъ Ѳедоровъ Рылѣевъ, 26-ти лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ изъ кадесткаго корпуса прапорщикомъ 1-й резервной артиллерійской бригады въ конную № 1 роту, которая переименована въ 11-ю и напослѣдокъ въ 12-ю—1814 года, 10 февраля. Былъ въ походахъ 1814 года въ Швейцарію и Францію; 1815 года, апрѣля съ 12-го, вторично во Францію; и обратно въ Россію. По высочайшему приказу уволенъ отъ службы съ чиномъ подпоручика 1818 года 26-го декабря. Избранъ дворянствомъ въ санктпетербургскую палату уголовнаго суда засѣдателемъ 1821 года, января 24 дня, Женатъ.

Библіографическія свѣдѣнія.

I. Отдѣльныя произведенія напечатаны.

1820 г. „Невскій Зритель", ч. IV, октябрь. Стр. 26—8; тамъ же, ноябрь. 141—2; декабрь. 207—8 и 212. „Благонамѣренный", ч. IX, 5, стр. 334—5; тамъ же 6, стр. 415—16; часть XI, 13, стр. 50—2 и 54; часть XII, 23 и 24, стр. 372—3.

„Отечественныя записки", ч. IV, 8, стр. 284—9.

1821 г. „Невскій Зритель", ч. V, январь, 37, 48—55; февраль, 147—8, 156—63 стр.

„Сынъ Отечества", ч. 71, № 29, стр. 129—31; ч. 74, № 47, стр. 33—5; тамъ же, № 50, 175—8 стр.

„Соревнователь Просвѣщенія", ч. XVI, № 10, стр. 86; № 12, 337—47 стр.

1822 г. „Русскій Инвалидъ", № 14, 55—6; № 35, 140; № 54, 215—216 стр.

„Соревнователь Просвѣщенія", ч. XVIII, № 4, 100—3 № 6, 342—5; часть XIX, № 7. 79—83; № 9, 314—21; ч. XVII, № 3, 330—3 стр.

„Сынъ Отечества", ч. 78, № 28, 130—4. ч. 80, № 40, 315—17; ч. 82 № 47, 31—5 стр.

„Новости Литературы", ч. II, № 14, 11—6; № 16, 42—5; № 19, 93—6; ч. I № 2, 28—31; № 11, 171—3; № 12, 187—90.

1823 г. „Полярная Звѣзда". 45—56 стр.; 176—80 стр.; 282—4 стр.; 370—4 стр.

„Литературные Листки", № 3, стр. 39—40.

„Новости Литературы", ч. V, № 30, 61—4. „Соревнователь Просвѣщенія", ч. XXI, № 3, 287—90.

1824 г. „Полярная Звѣзда", стр. 82—6; 230—3; „Сынъ Отечества", ч. 91, № 3, 130—2; ч. 96, № 39, 277—80 стр. „Соревнователь Просвѣщенія", ч. XXV, № 3, 255—7.

1825 г. „Полярная Звѣзда“, стр 30—1; 115—16; 185—6 и 370—2.

„Соревнователь Просвѣщенія“, ч. XXX, № 4, 97—104.

„Сѣверная Пчела“, № 2 на послѣдн. стран.; тамъ же, № 57. „Сынъ Отечества“, ч. 104, № 22, 145—54 стр.

1856 г. „Полярная Звѣзда“, кн. II, стр. 26—9.

1858 г. „Русская Библіотека“, т. I, 81—116 стр.

1859 г. „Полярная Звѣзда“, кн. V, стр. 4—12; тамъ же, 37 стр.; кн. II, стр. 30.

1861 г. „Русское Слово“, № 4, отд. I, стр. 42; тамъ же стр. 50. „Полярная Звѣзда“, стр. 33—40. „Будущность“, № 10 и 11, стр. 82—3.

1870 г. „Рус. Старина“, т. II.

1871 г. „Рус. Старина“, т. III, 64—113; 485—524 647—648 стр.; т. IV.

„Рус. Арх.“, 961 стр.

1872 г. „Рус. Старина“, т. I, III, IV, V и VI. „Рус. Арх.“, XIX вѣк., кн. I. 367; 370—375 стр.

1877 г. „Рус. Стар.“, т. XVIII.

1888 г. „Вѣстникъ Европы“, № 11 и 12. Приведены въ статьѣ В. Якушкина письма и стихотворенія.

1896 г. „Рус. Старина“, т. III, 507—510.

Первое напечатаніе стихотвореній указано нами почти при каждомъ. См. томъ первый—примѣчанія.

II. Изданія сочиненій Рылѣева.

1825 г. Думы, стихотворенія К. Рылѣева. М. Въ тип. С. Селивановскаго; въ малую 8-ю долю листа; I—X и 1—172 стр.

Войнаровскій. Сочиненіе К. Рылѣева. тамъ же; въ 8-ю д. л., стр. I—XXIV и 1—64.

1857 г. Тоже. Изд. въ Берлинѣ. Тип. К. Шульце (въ малую осьмушку).

Тоже изд. II. Берлинъ. Тип. Тровига и сына (въ 8 д. л.).

Стихотворенія К. Рылѣева. Берлинъ. Тип. К. Шульце (8 д. л.).

1858 г. Тоже. Изд. II, пополненное. Берлинъ. Тип. К. Шульце (8 д. л.).

1859 г. Думы. К. Рылѣева. Берлинъ. Тип. Г. Петца въ Наумбургѣ (8 д. л.).

1860 г. Думы. Стихотворенія К. Рылѣева. Съ предисловіемъ Н. Огарева. Изд. Искандера, Лондонъ. Тип. Свентославскаго (въ 32-ю д. л.).

Сочиненія К. Рылѣева. Берлинъ. Типогр. Г. Петца, въ Наумбургѣ (8 д. л.).

1861 г. Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Лейпцигъ, Brockhaus. I—XX и 1—393 стр. съ портретомъ, библіографич. указателемъ и большими матеріаламие для біографіи поэта.

1872 г. Сочиненіе и переписка К. Ѳ. Рылѣева; изданіе дочери под. ред. П. А. Ефремова. Спб. Тип. Глазунова. Библіографическія указанія очень подробны.

1874. Тоже, изданіе второе; безъ перемѣнъ.

1893 г. Сочиненія и переписка. Изд. газ. „Правда", под. ред. Подлигайлова. 2 т. Спб.

Думы и поэты. Изд. А. С. Суворина. Спб., цѣна 20 коп.

Сочиненія под. ред. Н. М. Мазаева. Съ біограф. очерк. и примѣч. Изд. Е. Евдокимова. Спб. (прил. къ „Сѣверу").

1895 г. Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева подъ редакціею М. Н. Мазаева съ біограф. очеркомъ. Спб.

1905 г. Приложены сочиненія къ журналу „Всемірный Вѣстникъ"; это изданіе ниже всякой критики.

1906 г. Возмущеніе Семеновскаго Полка. Изд. Балашева. 3 к. Спб. 16 стр.

III. Статьи о произведеніяхъ и жизни Рылѣева.

1) „Полярная Звѣзда". 1823 г. О годѣ рож. поэта. См. такъ же Рус. Стар. 72 г,, № 10 и 11.

2) Н. И. Гречъ „Русскій Вѣстникъ" 1868 г., № 6, Статья наполнена клеветами.

3) Д. А..Кропотовъ. „Рус. Вѣстникъ" 1869 г.

4) Замѣтка Ѳ. Н. Глинки о К. Ѳ. Рылѣевѣ, Рус. Старина 1871 г. № 2.

5) Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ. Девятнадцатый вѣкъ 1872 г.

6) Тоже—Общественное движеніе въ нач. XIX вѣка, т. I, изд. Пирожкова, Спб. 1905 г. изъ восп. Оболенскаго.

7) Записки Н. А. Бестужева. XIX вѣкъ (отрывки) и въ лейпцигскомъ изданіи (полностью). 61 г.

8) По поводу воспоминаній о Рылѣевѣ, Е. И. Якушкина. XIX вѣкъ. 351—61 стр.

9) Біографія Рылѣева.—Фукса въ изд. сочиненій 1858 г.

10) О дуэли съ кн. Шаховскимъ въ письмѣ А. Измайлова къ Дмитріеву, Рус. Арх. 1871 г., № 7—8.

11) „Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ“ А. И. Фелькнера. Рус. Стар. 1872 г. № 10.

12) Н. Котляревскій. К. Θ. Рылѣевъ. Рус. Бог. 1904 г., № 8 и 9.

13) Довнаръ Запольскій. „Идеалы декабристовъ“. Москва, 1906 г.

14) А. Бороздинъ. Поэтъ „Гражданской скорби“ 20-ыхъ годовъ. Литературныя характеристики, т. I. 1904 г. Спб.

15) А. Н. Сиротининъ. К. Θ. Рылѣевъ. Рус. Арх. 1890 г., кн. II.

16) Θ. Тимирязевъ. „Страницы прошлаго“. Рус. Арх. 1884 г., I.

17) В. Е. Якушкинъ. Новые матеріалы для біографіи Рылѣева. Вѣстн. Евр. 88 г. № 11 и 12.

18) А. Сиротининъ. Рылѣевъ и Нѣмцевичъ. Рус. Арх. 1898 г., I.

19) А. Пыпинъ. — „Сверстники Пушкина“. В. Евр. 1895 г., книга XI.

20) М. Мазаевъ.—Рылѣевъ. Ст. въ энц. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XXVII.

21) А. Г. Пупаревъ.—Рус. Стар. 75 г., т. XIV, стр. 74.

22) П. А. Ефремовъ.—Рус. Стар. 1875 г., т. XIV, стр. 70—4.

23) Айхенвальдъ.—Силуэты рус. писателей. М. 1906 г.

Мы не приводимъ здѣсь общихъ сочиненій, гдѣ упоминается имя Рылѣева или даже удѣлены ему цѣлыя страницы. Таково, напримѣръ, „Донесеніе слѣдственной коммиссіи“; печатано не разъ; воспоминанія декабристовъ (Завалишина, Розена, Якушкина и др.) таковы же сочиненія: Корфъ „Восшествіе на престолъ Императора Николая I“. Спб. 1857 г.; М. Богдановичъ „Исторія царства Алекс. I“. Спб. 1871 г., т. VI.; Шильдеръ.—„Николай I“, т. I.; наконецъ, Д. А. Кропотовъ,—Жизнь Графа М. Н. Муравьева. Спб. 1874 г.; Пыпинъ А.,—Исторія рус. литературы, т. IV, гл. XLIII.; онъ же—„Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ“ Спб., три изданія; В. Семевскій,—„Крестьянскій вопросъ въ Россіи“. Спб. 88 г. и мн. друг.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА 1907 г.

на „Кіевскую Старину“.

Журналъ „**Кіевская Старина**“, заканчивая теперь 25-й год своего существованія, рѣшаетъ продолжать свою работу для Украины нѣсколько измѣнивъ характеръ изданія.

Отвѣчая потребностямъ текущей жизни, изданіе не только бу детъ посвящено разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ историческим прошлымъ нашей родины, но будетъ останавливаться и на освѣщ ніи и посильномъ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые возникают на почвѣ современныхъ событій, придерживаясь тѣхъ же научн объективныхъ пріемовъ, какіе были всегда руководящимъ принципом нашего изданія...

Такъ какъ характеръ журнала „Кіевская Старина“ съ 1907 го нѣсколько видоизмѣняется, то и прежнее названіе его оказывает не вполнѣ отвѣчающимъ содержанію. Поэтому мы рѣшаемся измѣнит это названіе, расширивъ рамки его и по пространству и по времен и даемъ имя нашему изданію „**Украіна**“ журнала **науково-публ цистичний.**

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ объем отъ 10 до 12 листовъ печати. Подписная цѣна *7 рублей въ го* съ доставкой и пересылкой, а безъ доставки *6 рублей.* За границу *9 рублей.* Адресъ редакціи: Кіевъ, Троицкая площадь, Народный Дом

Съ 1907 года редакція „**Украіна**“ будетъ издавать „Словар украинскаго языка, собранный редакціей журнала **Кіевская Стари** Словарь этотъ, проредактированный Б. Д. Гринченкомъ, представле былъ въ Императорскую Академію Наукъ и удостоенъ 2-й Костом ровской преміи. Въ теченіе 1907 года редакція надѣется отпечата весь Словарь объемомъ около 150 печатныхъ листовъ средня октава. Словарь будетъ разбитъ на 4 тома. Цѣна за всѣ четыре том *7 рублей* (отдѣльныхъ томовъ въ продажѣ не будетъ). Для подпи чиковъ на журналъ „**Украіна**“ подписная цѣна на Словарь *5 рубле* при условіи высылки этихъ денегъ одновременно съ подпиской н журналъ. Каждый томъ будетъ высылаться подписчикамъ журна сейчасъ по выходѣ его. Первый томъ выйдетъ въ мартѣ мѣсяц 1907 года.

Лицамъ, выписывающимъ „Словарь“ прямо отъ редакціи, не черезъ книжные магазины, будетъ высылаться каждый томъ з счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель журнала „Украіна“ **В. Науменк**

Тип. „СОКОЛЪ“, Москва, Тверская, Гнѣздниковскій пер., д. Бахрушина.